

Кр 38.9
В39

Краеведческая

ВЕХИ ОГНЕННОЙ САМАРЫ: ОТ КРЕПОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ПОЖАРНОЕ ДЕСНО

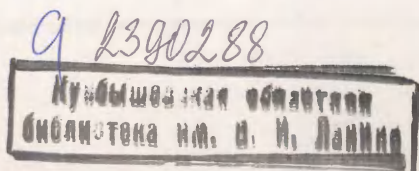
Э 1
Управление Государственной противопожарной
службы ГУВД Самарской области

Кр38.9
В39

ВЕХИ ОГНЕННОЙ САМАРЫ: ОТ КРЕПОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

том 1

г. Самара 2001 г.

Редакционная коллегия:

М.И. Орлов, начальник УГПС ГУВД Самарской области, полковник внутренней службы; С.А. Баранов, заместитель начальника УГПС, подполковник внутренней службы; В.В. Фрыгин, начальник испытательно-пожарной лаборатории УГПС, подполковник внутренней службы; В.И. Исаев, начальник отдела кадров УГПС, подполковник внутренней службы; Н.И. Кириленко, полковник внутренней службы в отставке; А.К. Карпов, полковник внутренней службы в отставке.

Научный редактор: Э.Л. Дубман, доктор исторических наук, профессор Самарского Государственного Университета.

Авторский коллектив: Э.Л. Дубман, А.А. Буданова, В.В. Ерофеев, С.Ю. Купцова, В.В. Дзнеладзе.

В эту книгу входят описания хроники великих пожаров и очерки о зарождении отечественного пожарного дела на Самарской земле во времена правления на Руси Рюриковичей, его становлении и развитии в годы царствования дома Романовых.

Книга хорошо иллюстрирована, в ней имеются материалы строительного устава, пожарного устава, техника.

Её материалы дают возможность многим тысячам огнеборцев профессиональной и добровольной пожарной охраны познать более полно скрытую доселе историю дореволюционной пожарной охраны Самары.

Это издание – учебная книга, рассчитанная на широкий круг читателей, интересующихся историей своего Отечества, которая будит сознание, стимулирует поиск, призывает нашего современника бережно относиться к прошлому, помогать в восстановлении памяти потомков.

Книга, которую вы держите в руках вышла в свет в год юбилея. Ровно 160 лет назад император Николай Павлович утвердил штат городской полиции из 78 человек, в состав которой входили 25 пожарных служителей и один брандмейстер. Сегодня Самарская пожарная охрана современная мощная структура, которая является одной из самых мобильных служб. Она способна решать первоочередные аварийно-спасательные задачи и оказывать первую помощь пострадавшим. Пожарных вызывают при любых происшествиях, будь то катастрофа или другая чрезвычайная ситуация. Так это было и во времена наших прадедов, так происходит и сейчас. Пожарная охрана Самарской области входит в структуру ГУВД и вносит свой достойный вклад в обеспечение правопорядка, в дело охраны от пожаров государственного и частного имущества.

В этой книге описана история становления Самарской пожарной охраны, её славные боевые и трудовые традиции, которые чтятся, преумножаются в коллективе и сегодня.

Уверен, что и в дальнейшем Самарские огнеборцы будут мощным щитом против стихии огня, а также гарантом стабильности, спокойствия земляков - самарцев.

С уважением,

*Начальник ГУВД Самарской области
генерал-лейтенант милиции*

В. Лучов

352 года пожарные России отмечают свой профессиональный праздник 30 апреля и ведут счет годам существования нашей службы со времен правления царя Алексея Михайловича.

Благодаря краоведам, любителям истории мы имеем возможность прочесть эту книгу и еще раз отметить свой профессиональный праздник, но уже в рамках Самарской губернии.

16 октября 1841 года Государем Императором Российской Империи Николаем Павловичем был издан указ "Высочайше утвержденный штат городской полиции", который утвердил первый штат пожарной команды в городе Самара.

Необходимо отметить, что история развития пожарной охраны г. Самары и Самарской области переплетается с историей развития Самарского края.

С момента своего основания и вплоть до середины 19 века, то есть в течение трехсот лет, Самара оставалась сплошь деревянной и горела довольно часто.

Результаты одного из первых описанных пожаров в Самаре поражают масштабностью трагедии. Сводка пожара от 20 апреля 1765 года выглядела следующим образом: в огне погибли здания магистрата, воеводский дом, 4 церкви, купеческие лавки, 418 дворов. О количестве погибших людей в донесении губернатора не сообщается.

Первое официальное сообщение о профессиональной пожарной охране в Самаре появилось в 1841 года. Тогда первые две пожарные части находились в наемных домах, а первый пожарный обоз был оснащен так называемыми, по

тем временам "огнеспасательными средствами", штат представлял собой: брандмейстера — 1, рабочих — 25, лошадей с упряжкой — 20, пожарных труб — 13, ведер — 20, лестниц — 4, багров — 28, топоров — 2.

С течением времени структура, состав и оснащённость противопожарной службы сильно изменились. Изменились требования и задачи, которые ставятся сейчас перед огнеборцами. Но актуальность и значимость нашей профессии только возрастает.

Сегодня Самарская пожарная охрана имеет подразделения в каждом районе области. Охрану городов и промышленных объектов осуществляют 32 отряда, 157 пожарных частей, 2 специализированные части по тушению крупных пожаров, 5 пожарных частей технической службы. Общая штатная численность гарнизона Самарской области составляет 7859 человек. На вооружении Самарской пожарной охраны находится мощная техника, насчитывающая 544 автомобиля разных типов, и другие современные средства пожаротушения.

В этой книге отражена летопись огненных событий Самарской пожарной охраны, от времен основания крепости Самарской до первого пожарного обоза 19 века. В нее вписано немало славных страниц беспримерного героизма, самоотверженности, мужества и отваги наших прадедов, а также она иллюстрирована богатейшим историческим материалом.

Надеюсь, что это издание будет интересно широкому кругу читателей.

С уважением.

Начальник УППС ГУВД
Самарской области
полковник внутренней службы

М. Орлов

К ЧИТАТЕЛЮ

Каждый, обращавший свой взор в прошлое, рано или поздно наверняка замечал одно и то же печальное обстоятельство. Оказывается, своеобразными вехами на историческом пути любого народа, любого более-менее старого города всегда были катастрофические пожары, периодически превращающие в прах не только созданные людьми культурные и материальные ценности, но при этом уносящие немало человеческих жизней. Иные огненные катастрофы, когда пламя подчистую испепеляло крупнейшие города древности, порой оказывали значительное влияние на весь ход истории. Вспомним хотя бы гигантский пожар в Древнем Риме, который, согласно хроникам того времени, в 64-м году новой эры устроил император Нерон, чтобы воочию увидеть разгул пламени в городских кварталах и описать его в своих стихах. Затем, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, Нерон начал преследовать приверженцев только что возникшей христианской религии, но этим лишь поспособствовал их сплочению. В конце концов, уличенный в этом и других преступлениях, Нерон покончил с собой.

И в русской истории масштабные пожары тоже занимают немалое место. Например, в 1124 году целиком сгорел Киев, после чего он был надолго вычеркнут из списка древнеславянских городов. В том же XII веке огненная стихия несколько раз подряд уничтожала Владимир, причем в 1183, 1193 и 1199 годах число людей, погибших в пламени пожара в этом городе, измерялось тысячами. В 1221 году всего за несколько часов в дымящиеся развалины превратился Ярославль, а в 1231 и 1237 годах – Великий Новгород.

И Москва за 850 лет своего существования тоже не раз очень сильно горела. В мае 1331 года безымянный летописец с глубокой скорбью сообщил: "...бысть пожар на Москве, погоре город Кремль". Подобное же бедствие обрушилось на Москву также в 1335 и 1337 годах, когда она выгорала почти целиком. А в XV веке столица Русского государства пылала 16 (!) раз, причем в 1493 году огненная стихия накрывала город дважды. Все эти происшествия в конце концов заставили русских царей построить Кремль из огнестойкого красного кирпича. Мы знаем, что и

по сей день стены и башни главного архитектурного символа России состоят из этого материала.

Наконец, нельзя не вспомнить о знаменитом пожаре Москвы 1812 года, который произошел во время похода Наполеона на нашу страну. Некоторые историки считают, что именно невиданный разгул огненной стихии в захваченной французами русской столице стал той последней каплей, которая вынудила завоевателя позорно бежать из варварской России...

Самару и Самарскую губернию катастрофические по размерам пожары тоже никогда не обходили стороной. История чуть ли не каждого населенного пункта нашего края оказывается необычайно богатой описаниями крупных пожаров, которые в отдельных случаях целиком стирали этот город или поселок с лица земли. Самара тоже не раз уничтожалась огнем с тревожной постоянностью, и в XVII-XVIII веках такое происходило по крайней мере один раз в десять лет. Вплоть до конца XIX века, когда в нашем городе был сооружен первый в России противопожарный водопровод, самарские огненные происшествя каждый год уничтожали целые кварталы и уносили жизни сотен людей.

Эта книга представляет собой обзор истории пожарной службы Самары и Самарской губернии. Она подготовлена коллективом авторов, которые впервые за все время существования профессиональных подразделений по борьбе с огнем в нашем городе обобщили большое количество библиографических и архивных источников - и в результате на свет появились научно выверенные хроники самарских пожаров на историческом отрезке от конца XVI до начала XX века, а также очерки о возникновении и нелегкой работе городской пожарной службы.

Первый том данного издания охватывает тот период этой истории, который заканчивается революционными событиями в России в 1917 году. В дальнейшем авторы книги намерены продолжить свою работу по исследованию истории пожарной охраны Самарской области.

*Э.Л. Дубман, доктор исторических наук,
профессор Самарского Государственного Университета*

ГЛАВА 1

ОГОНЬ ГУЛЯЛ ПО ЗЕМЛЕ, КОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛО ЧЕЛОВЕКА

(Пожары на ранних этапах человеческой истории)

Пожар – это совсем не обязательно следствие человеческой безалаберности, как иногда думают. Огонь на нашей планете появился уже тогда, когда зеленые растения в достаточной степени насытили земную атмосферу свободным кислородом, что сделало возможной химическую реакцию окисления органики. А впервые пламя на еще безлюдной Земле вспыхнуло, скорее всего, в результате удара молнии в сухой хвощ или папоротник. Случилось же это, вероятно, еще в девонский период, то есть свыше 500 миллионов лет назад.

Человек же овладел силой огня гораздо позже – “всего лишь” несколько сотен тысяч лет назад. Без сомнения, уже в ту доисторическую эпоху наш предок прекрасно понимал, что пожар – явление крайне опасное для всего живого. Даже в те времена, когда люди еще не умели самостоятельно добывать огонь, а лишь столетиями поддерживали его в пещерах, они уже видели, например, как горят леса, степи, саванны или прерии во время грозы или при извержении вулкана. Если стояла жара, то по пересохшей траве или древесине огонь распространялся очень быстро, а каждого, кто попадал в полосу быстро двигавшегося пламени, ждала неминуемая и мучительная смерть. Треск и гул пламени, фантастические краски и переливы его отблесков, причудливые тени, человеческие муки, лица, искаженные болью и страхом – все это видели наши предки во время ужасных пожаров, уничтожавших нажитое имущество и уносящих жизни людей.

В дальнейшем, когда люди не только перешли к оседлому образу жизни, но и научились строить жилища, пожары стали довольно обычным явлением в древних поселениях. Конечно же, обитателям каменных пещер пламя почти никогда не угрожало даже в том случае, если из очага кто-то случайно выбрасывал раскаленные угли. Зато те племена, что жили в лесистой местности и строили свои дома в основном из дерева, довольно часто страдали от бесконтрольного разгула огня. К таким племе-

нам относились и древние славяне. Ведь не случайно же до сих пор в русском языке слова “дерево” и “деревня” – одного корня.

Впрочем, дерево при постройке различных зданий и сооружений с самых древних времен применяли не только славяне, но и почти все другие народы мира. Неудивительно, что пожары в поселениях – одно из тех стихийных бедствий, о которых можно найти сведения даже в самых первых письменных источниках любой национальной культуры. В частности, в древнегреческом мифе о ящике Пандоры, в котором боги хранили все мыслимые людские страдания и несчастья, есть и катастрофические пожары, последствия которых, согласно преданию, многократно превышали любые, даже самые чудовищные фантазии.

Но уже в древние времена люди знали, как можно бороться с пламенем, вырвавшемся из-под контроля. Догадаться о неприимости огня и воды в принципе очень легко: достаточно увидеть, как мгновенно потухает костер, если в него выплескивается вода из горшка или котла, поставленного для кипячения или варки мяса. Поняв это, люди начали строить свои поселения на берегах рек и озер. Правда, для первобытного человека труднее было догадаться, что разбегающееся по сухой траве пламя можно потушить не только водой, но еще и забрасыванием землей, сбиванием ветками и даже накрыванием шкурой животного. Впрочем, у археологов есть сведения, что еще в Древнем Египте и Древнем Китае такие способы тушения огня применяли довольно широко.

Античная история оставила нам описания самых грандиозных пожаров того времени. Например, еще из школьного учебника всем известно, какими великолепными сооружениями в древности славилась Александрия - город на Средиземноморском побережье Египта, основанный Александром Македонским. Одним из величайших памятников античной культуры тогда была знаменитая Александрийская библиотека, основанная еще в III веке до нашей эры. В разное время ее возглавляли такие крупные ученые, как Эратосфен, Аристарх Самосский, Каллимах, а также другие великие философы.

Согласно сведениям античных авторов, в этой библиотеке насчитывалось от 100 до 700 тысяч папирусных томов на греческом и восточных языках. Любители книг съезжались в Алек-

сандрию со всех концов тогдашнего мира. И все было бы хорошо, если бы в 47 году до нашей эры грандиозное книгохранилище не охватил пожар. По преданию, это случилось во время уличного боя между войсками Юлия Цезаря, поддерживавшего Клеопатру, и войсками египетского правительства. Когда бой прекратился, тушить библиотеку было уже поздно: пламя к тому времени уже успело сделать свое черное дело. Как свидетельствуют античные хроникеры, сгорели все деревянные конструкции, а высеченные из мрамора балки перекрытия и колонны потрескались и раскрошились. При этом большая часть папирусных свитков обратилась в пепел. Специалисты считают, что этот пожар задержал развитие всей человеческой цивилизации как минимум на несколько столетий, поскольку слишком уж многое впоследствии пришлось узнавать и открывать заново.

А вот первые достоверные данные об учреждении специальной государственной службы по борьбе с пожарами, а также о первых законодательных актах на противопожарную тему дошли до нас из Древнего Рима.

Еще за сто лет до Новой эры в Вечном городе существовала коллегия ночных триумвиров, которая отвечала за поддержание порядка на улицах в ночное время, в том числе за обнаружение пожаров и за их тушение. Но лишь в 6-м году Новой эры, после сокрушительного пожара, уничтожившего половину столицы государства, император Октавиан Август издал указ, согласно которому в Риме были созданы семь когорт так называемых “бодрствующих”, которые и стали первыми известными в истории пожарными.

Когорты делились на сотни, каждая из которых имела свою специализацию. Сифонарии следили за состоянием пожарных помп. Акварины отвечали за подачу воды к месту пожара. Отдельную группу составляли крючники и серповщики. Центонарии имели на вооружении суконные и войлочные полотнища, которые во время пожара смачивали в уксусе и набрасывали на огонь. Баллистарии, то есть римские метальщики, были вооружены камнеметами. А еще в пожарных когортах были специальные сотни, в задачу которых входило спасение людей из горящих зданий. Каждая сотня имела в своем распоряжении толстые матрасы, которые расстилались около пылающего дома,

чтобы на них прыгали жильцы с верхних этажей.

Кроме того, в каждой пожарной когорте имелось не менее четырех врачей — больше, чем в аналогичных армейских подразделениях. В случае пожара трибун когорты выстраивал часть рядовых пожарных у водоема, указанного аквариумом, и они по цепочке передавали ведра с водой к очагу возгорания. Сифонарии же при этом обеспечивали работу помп. Центонарии по лестницам взбирались в верхние этажи горящего здания и набрасывали на огонь пропитанные уксусом полотнища. Снизу же их товарищи действовали с помощью надетых на длинные шесты губок, смоченных в уксусе. Крючники и серповщики разрушали горящие конструкции. Если пожар был сильным, то баллистарии камнями разрушали здания, заборы и перегородки вокруг очага пожара, ограничивая зону огня. Создать вокруг горящего здания пустое пространство — таким был главный способ борьбы с огнем в Древнем Риме.

Каждая когорта, в которой насчитывалось по тысяче человек, обслуживала по два района Рима. Набирались они, как правило, из отпущенных рабов. В 24 году был издан закон, согласно которому лица, прослужившие в пожарном корпусе шесть лет, получали права римского гражданина. Позднее этот срок и вовсе был сокращен до трех лет.

Префект пожарных назначался римским императором из лиц высокого ранга. Организуя расследование пожара, префект имел право наложить на виновного денежный штраф. Кроме того, он мог осматривать кухни, проверять состояние печей и отопительных систем, а также устанавливать количество воды, которое необходимо иметь в данной квартире и во всем доме на случай пожара. Помощником префекта назначали человека с юридическим образованием.

В этот же период в римское право впервые было введена мера наказания для поджигателей. Согласно весьма распространенному в то время принципу талиона (то есть наказанию, соразмерному с нанесенным преступником ущербом), в закон Римской империи была внесена следующая запись: “Подвергается сожжению тот, кто зажжет строение или склад”. Правда, такое наказание ждало лишь того преступника, который с помощью огня умышленно уничтожил чужое имущество. Если же пожар

возникал по неосторожности, то виновника обычно заставляли возместить убытки погорельцу через суд.

Древнеримское государство оставило нам в наследство самый первый в истории опыт организованной борьбы с разгулявшейся огненной стихией. К сожалению, во времена средневековья этот бесценный опыт был во многом или совсем забыт, и в полном объеме больше никогда не воплощался на практике.

ГЛАВА 2

“БЕРЕЧЬ ОТ ОГНЯ БОГАТСТВА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО...”

(Противопожарные законы и юридические акты в России до начала XX века)

Первые нормативные акты на Руси, направленные на борьбу с пожарами и поджигателями, связаны с именем князя Ярослава Мудрого, который в начале XI века принял самый ранний из известных в истории нашей страны сводов законов под названием “Русская правда”. Здесь, в частности, была такая запись: “Оже зажжет кто гумно, то на поток и на грабеж дом его, преж пагубу расплативше, а в проц князю поточиити и такоже аще кто двор зажжет”. Этот закон устанавливал, что поджигатель и члены его семьи обращались в рабство, а их имущество шло в казну. Позднее в “Поучении” Владимира Мономаха приводятся отвлеченные рассуждения об опасности огня, и советы о том, как от него уберечься.

Более определенные нормативные положения о том, как спасти строения и имущество от сокрушительной силы огня, в русском законодательстве стали появляться только после возникновения централизованного Московского государства. После “всехсвятского” пожара 1365 года великий князь Московский Дмитрий Иванович повелевает строить Кремль из огнестойкого строительного материала – из белого камня. Именно с той поры Москву и стали величать “белокаменной”.

В 1434 году великий князь Василий Второй издал целый ряд законодательных актов, в которых он не только предписывал осторожно обращаться с огнем, но и указывал, при каких условиях им можно пользоваться в наиболее пожароопасных местах – в ремесленных мастерских и в быту.

При Иване Третьем противопожарные нормы при строительстве важнейших сооружений были существенно дополнены и конкретизированы. Кроме того, при нем был введен “Судебник” 1497 года, в котором, в частности, была установлена суровая мера наказания для поджигателей: “...зажигальщику животе не дать, казнить его смертной казнью”.

В 1504 году в Москве впервые была создана пожарно-сторожевая охрана – так называемые “решеточные приказчики” и “объезжие головы”, которые при возникновении пожара собирали горожан на тушение и руководили их работой. В том же году были изданы московские противопожарные правила, предписывавшие, в частности, не топить летом изб и бань без крайней на то нужды, не держать по вечерам огня в домах (в том числе не зажигать лучины, лампы и свечи), а кузнецам, гончарам, ружейникам, которым для их ремесла нужен огонь, вести свои дела подальше от жилых и общественных строений. В городской черте не разрешалось также заниматься стекольным производством, которое считалось весьма пожароопасным. Кроме того, на Руси в то время всячески преследовалось курение табака, в том числе и с целью предотвращения пожаров.

Ужесточение законодательной противопожарной практики продолжил и Иван Грозный. Как это всегда было на Руси, поводом для очередного всплеска законотворчества стал опустошительный пожар 1547 года, почти полностью уничтоживший деревянные строения во всей Москве. Сразу же после этого бедствия вышел царский указ, согласно которому горожанам запрещалось летом топить печи в домах. А чтобы его никто не нарушал, царские служивые люди накладывали на печи восковые печати. Проверить законопослушание граждан было легко: ведь на разогретой стенке печи воск непременно должен был расплавиться...

Но в своем противопожарном законотворчестве Иван Грозный на этом отнюдь не остановился. В 1571 году он подписал следующий указ, который еще более ужесточил порядок обращения горожан с открытым огнем. В указе предписывалось “летом обед и кушанья разные готовить на очагах, устроенных особо и умело в других безопасных местах, в отдалении от домов и прочих строений”. При этом даже такие очаги можно было разводить только в светлое время суток – с 1 до 4 часов дня.

Кроме указов, касающихся борьбы с пожарами в городах, русскими государями не раз издавались соответствующие нормы и для сельского населения. В частности, в 1583 году Иван Грозный распространил действие московских противопожарных указов на всю территорию Русского государства, и, кроме того,

дополнил эти законодательные акты новыми положениями. В частности, с того времени запрещалось раскладывать костры в лесах, держать вблизи печей и на чердаках сельских домов легко сгораемые материалы, а также ходить со свечами и лучинами внутри деревянных строений и в других опасных в пожарном отношении местах.

При Борисе Годунове был принят еще один указ о наказаниях, где говорилось: “А поелику кто по лености или небрежности огненной беде затвора не составит и пожар учинит, то быть тому примерно и всенародно наказану...” В дополнение к этому в 1603 году Борис Годунов назначил ответственных за “бережение от огня” членов Боярской Думы и разделил город на 11 пожарных округов, каждый из которых возглавили видные придворные. При этом в роли рядовых пожарных выступали стрельцы, численность которых в Москве того времени достигала десяти тысяч.

Вообще-то несение пожарной службы на стрелецкое войско было возложено еще с 1550 года, то есть почти с самого момента его создания. Историки отмечают, что это был самый первый в мире опыт использования регулярной армии государства в деле борьбы с огненной стихией. Считается, что такой шаг русских самодержцев был достаточно прогрессивен для своего времени, ибо стрелецкое войско отличалось высокой дисциплиной и организацией. К тушению пожаров стрельцов привлекали вплоть до ликвидации стрелецкого войска Петром Первым в 1698 году.

А при царе Алексее Михайловиче, в 1649 году, был утвержден новый свод законов Русского государства “Соборное Уложение”. Этот сборник нормативных актов содержал около тысячи статей, регламентирующих все стороны государственной и общественной жизни. В числе других в него вошел и “Наказ о городском благочинии”, который содержал и обязательные для всех полицейские правила предупреждения пожаров. Повторяя распоряжения на сей счет всех прежних русских государей, “Наказ...” вносит и дополнительные меры предосторожности: “В летнее время ставить печи в огородах, подальше от жилья, и с подветренной стороны ограждать их лубьем; в поварнях и печах хлебы печь и есть варить с первого часу дня до четвертого

часу дня”.

А еще в “Соборном Уложении”, в частности, приводились условия найма какого-либо жилища его съемщиком, а также оговаривалась его ответственность за сохранение имущества. При этом жилец, виновный в том, что он неумышленно сжег двор, был обязан уплатить хозяину его стоимость. Кроме того, “Соборное Уложение» предусматривало суровую уголовную ответственность за умышленные поджоги. При этом жестокие меры наказания обуславливались опасностью распространения огня при скученных легкосгораемых постройках в средневековой Руси.

В последующем царские указы о борьбе с огненными бедствиями издавались также в 1667 и 1675 годах. Они содержали довольно строгие положения: “А которые люди будут непослушны и учинять избы и мыльни топить самовольством, и с вечеру поздно с огнем сидеть, или которые для уличных страж людей давать не учнут, то черных и всяких обычных людей бить батогами, отсылать на небольшое время в тюрьму, а на служивых и на всяких знатных людей сказывать и письмо на них приносить в Земский приказ”. Одновременно этими же указами предписывалось “во всех дворах, для бережения от пожарного времени, держать мерники и кади большие с водою, и помелы, и веники. А ведра во всех дворах были бы наготове, а объезжим учинить всему этому роспись”.

Правивший вслед за Алексеем Михайловичем его старший сын Федор Алексеевич, хотя и издавал собственные указы о профилактике пожаров и о борьбе с ними, не внес ничего принципиально нового в дело “бережения от огненного бедствия”. Также, как и раньше, новый самодержец запрещал топить летом печи. Банями разрешалось пользоваться только в случае необходимости и к тому же с разрешения городского головы или сельского управителя. В домах в темное время разрешалось ходить только с фонарями, а никак не с лучиной или со свечами. Как мы видим, все эти положения очень напоминают указ Ивана Третьего 1504 года. С тех пор прошло почти 180 лет, но противопожарные меры на Руси оставались все такими же архаичными.

А вот Петр Первый, следующий русский царь, решил бороться

с огненной стихией на совсем другой принципиальной основе, нежели его предшественники. В первую очередь он стал уделять большое внимание каменному строительству: сначала в Москве, потом в своей новой столице – Санкт-Петербурге, после чего действие своих указов самодержец распространил и на всю остальную территорию государства.

В частности, в январе 1701 года Петр Первый подписал указ “О строении в Москве на погорелых местах достаточным людям каменных домов, а недостаточным мазанки”. Невыполнение указа влекло за собой телесное наказание виновного, а для достаточного человека – “великую пеню”, то есть штраф. А вот деревянные дома разрешалось строить лишь за пределами центральной части города, и при этом только «поземные» (одноэтажные). В дальнейшем государь, уже ставший Императором Всероссийским, совершенствовал свои противопожарные нормативные документы и всячески требовал от “приказных”, чтобы они выполнялись “не токмо в Москве и Санкт-Петербурге, но и в прочих городах и селениях российских”.

Противопожарные указы Петра Первого, в частности, разрешали устанавливать печи во всех городских и сельских домах только на несгораемом фундаменте. При этом сама печь должна быть отделена от стены дома не менее как двумя кирпичами. Тем же положением домовладельцам строго предписывалось «подмазывать глиной потолки» и уже имеющиеся деревянные покрытия заменять на черепичные, как наиболее безопасные от огня.

Как уже было сказано выше, еще в 1698 году Петр Первый ликвидировал стрелецкое войско. Начав сразу же после этого создавать регулярную русскую армию, он тут же возложил на армейские части и обязанность по борьбе с пожарами, распорядившись снабдить их для этого необходимым инвентарем. Однако на личном опыте император уже вскоре убедился, что одной только воинской дисциплины для эффективной борьбы с огненной стихией мало. В случае пожара от офицеров требовалось реально оценить масштаб бедствия и правильно расставить своих подчиненных на различных участках, а рядовые бойцы обязаны были владеть навыками пожаротушения и разбора конструкций. Именно поэтому в 1718 году Петр Первый своим оче-

редным указом назначил в войсках пожарных офицеров, тем самым впервые в русской истории выделив в армии специальные воинские пожарные команды. Тогда же для таких войск был введен особый сигнал пожарной тревоги: выстрел из пушки. Согласно положению, из прибывших на пожар армейских подразделений сразу же формировались три отряда: для непосредственной борьбы с пламенем, для организации водоснабжения и для защиты соседних строений от огня. Как сейчас сказали бы специалисты, тем самым в петровскую эпоху уже были заложены основы современной тактики тушения пожаров.

Вообще же известное нам еще по школьным учебникам новаторство Петра Первого не раз проявлялось и в пожарном деле: например, сохранились сведения, что государь лично занимался совершенствованием особых «огнегасительных труб». Кроме того, современники свидетельствуют, что самодержец даже готовился к испытаниям нового способа тушения пожаров с помощью... направленного взрыва. Тем самым он на двести с лишним лет опередил свое время: ведь этот метод борьбы с огненной стихией, как известно, стал достаточно широко использоваться лишь в XX веке, когда у человечества появились такие отрасли промышленности, как нефтедобыча и нефтепереработка.

По свидетельствам современников, русский самодержец при необходимости не раз лично участвовал в борьбе с огненной стихией. Например, посол Брауншвейга при русском дворе Фридрих Вольф писал об этом так: «Его величество царь Петр обратил всевозможную заботливость против пожаров в Санкт-Петербурге. Он при пожарных случаях действует собственными руками, нередко с крайней опасностью для своей собственной жизни взбирается на дома, объятые пламенем, чтобы возбудить тамошних обывателей следовать его примеру».

Но вернемся к петровским законодательным реформам. Создав в столицах и прочих российских городах военные пожарные команды, император одновременно распорядился, чтобы к тушению пожаров привлекали и все местное население. Для этого пожарный инвентарь предписывалось иметь “в каждом доме в городе, и в каждом дворе в деревне”. В частности, петровские инструкции предписывали расставить на всех больших улицах

городов заливные ручные трубы с рукавами, а также завести хранилища с топорами, ведрами, ломami, баграми, лопатами и другими инструментами.

Вот что говорилось в петровском указе о порядке поведения обывателей в случае огненного бедствия: "...на пожар бегать солдатам и посадским людям, кому куда указано. А буде на тот пожар придут всякие нижних чинов и боярские и гулящие люди без топоров и без ведер, и без кошелей, и без лопат, и прибежав, того пожару смотреть станут, а не отымать, их от этого места отсылать прочь, чтобы отымать не мешали, а буде они, прибежав на тот пожар, учнуть восходить во дворы и в хоромы, и в палаты, и по избам для своего воровства и грабежа, и тех людей имати и приводить в Стрелецкий приказ и чинить им всякое жестокое наказание, бить кнутом, водить по пожару, без всякой пощады ссылать их в ссылку на вечное житье с женами и детьми".

Не забывал русский самодержец и о противопожарной защите своего любимого детища - флота, который в то время, как известно, был почти целиком деревянным. Поэтому царские указы запрещали ходить по кораблю со свечами или открытым огнём, курить табак, а также без ведома начальства привозить на корабль тюфяки, мешки с сеном и другие легковоспламеняющиеся материалы и вещества.

В 1722 году за нарушение правил пожарной безопасности в Москве и Санкт-Петербурге были установлены денежные штрафы. За серьезные проступки, повлекшие пожары, «ослушники царских указов» брались «на караул», то есть сначала арестовывались, а затем ссылались «в дальние сибирские города в вечное житие».

Кроме того, Петр Первый не раз обращал внимание на еще одну очень распространенную на Руси причину пожаров: в церквях, в часовнях, в торговых рядах и в простых домах иконы довольно часто загорались от поставленных перед ними свечей и лампад. Поэтому 29 июля 1724 года вышел очередной царский Указ, который предписывал: в дальнейшем свечи перед иконами надлежит ставить только в фонарях, а часовни строить только из кирпича и камня.

Указы Петра Первого о противопожарных мерах полиция

оглашала при стечении народа и с барабанным боем. Кроме того, они вывешивались в наиболее людных местах, а некоторые даже давались жителям под расписку. И по сию пору остается очень актуальной одна их строчек петровского указа: "...беречь от огня богатства государства Российского..."

Кстати, организованные царем-реформатором воинские пожарные подразделения просуществовали в России более 150 лет. Они были упразднены только в 1861 году, одновременно с отменой крепостного права. Лишь с того времени во всех губернских и уездных городах в обязательном порядке стали создавать невоенные пожарные команды, подчинявшиеся органам местного самоуправления.

После Петра Первого никакие принципиальные новшества в нормативное противопожарное законодательство в России не вносили ни при Екатерине Второй, ни при Павле Первом, ни при Александре Первом. Лишь при Николае Первом, в 1832 году, был составлен "Свод законов Российской Империи", в третью книгу которого вошел "Устав пожарный". Именно в этом документе впервые четко было записано, что пожарные части в городах должны подчиняться городскому полицейскому управлению.

Таким образом, на протяжении 30 лет девятнадцатого века в России фактически существовала как бы двойная опека пожарных подразделений государственными структурами. С одной стороны они относились к полицейскому ведомству, а с другой – к военному. Впрочем, на последнее в основном возлагалась лишь обязанность подбора рядовых огнеборцев из числа крестьян-рекрутов, призываемых на военную службу. Вот что говорилось на этот счет в "Уставе...": "Пожарная команда пополняется из нижних чинов Внутренней Стражи. Нижние чины сии, по сношению губернского начальства с батальонным командиром, приучаются предварительно к действию пожарными инструментами..." Как уже было сказано выше, призыв рекрутов из числа крестьян в военные пожарные подразделения проходил еще с 1702 года, то есть со времени указа Петра Первого. И лишь в 1861 году, после отмены крепостного права, это поря́док был упразднен.

"Устав пожарный" предписывал иметь специальные подраз-

деления для борьбы с огнем в обеих столицах, а также во всех губернских городах России. При этом в Москве и Санкт-Петербурге пожарную часть возглавлял брандмайор, а в губернских городах – брандмейстер. Уездным и заштатным городам, согласно “Уставу...” 1832 года, отдельные пожарные части не полагались: обязанность борьбы с огнем возлагалась на городскую полицию. В этом документе также подробно расписывалось, сколько положено было иметь унтер-офицеров и нижних чинов, сколько лошадей и инвентаря в той или иной пожарной команде, каким образом личный состав должен был обучаться пожарному делу, а также оговаривались многие другие стороны работы огнеборцев. Кроме того, в “Уставе...” были довольно четко указаны основные противопожарные требования на производстве и в быту: “В отвращение пожаров предписывается всем и каждому с огнем всегда и везде обращаться с крайней осторожностью...” В этом законодательном акте можно найти правила обращения с огнем на все случаи жизни: например, здесь описывалось, как зажигать огонь и пользоваться им в жилых комнатах домов, в подвалах и на чердаках, на воде и на суше, в церквях и постоянных дворах, на улицах и площадях, летом и зимой, ночью и днем. Особо были выделены разделы “Устава...”, в которых говорилось о противопожарных требованиях при строительстве зданий, о правилах тушения пожаров и возмещении убытков, нанесенных огненной стихией.

В 1857 году, уже при Императоре Александре Втором, “Свод законов Российском Империи” был переиздан, расширен и дополнен. Впрочем, включенный в него “Устав пожарный” в этот раз не претерпел значительных изменений, и потому большинство его положений действовало вплоть до отмены самодержавия в России в 1917 году.

ГЛАВА 3

“ПЫЛ ПОЖАРА МНЕ НЕ СТРАШЕН, ЦЕЛЫЙ ВЕК Я НА ВОЙНЕ!”

(Жизнь и быт российских пожарных в XIX - начале XX века)

С ростом городов и расширением промышленного производства уже в конце XVIII века в России возникает необходимость создания профессиональной пожарной охраны, соответствующим образом подготовленной и оснащенной. Ее формирование растянулось на десятилетия. Наиболее кардинальный в этом направлении шаг был сделан 8 сентября 1802 года, когда манифестом Александра Первого в России было создано Министерство внутренних дел. С того времени во главе полиции в крупных городах были поставлены обер-полицмейстеры, которые одновременно осуществляли централизованное управление пожарной охраной. К середине XIX века профессиональные пожарные команды были созданы во всех крупных городах России, которых, согласно реестру, к тому времени в империи насчитывалось 461.

Служба российских пожарных девятнадцатого столетия приравнивалась к военной, их рабочий день начинался уже в 5—6 часов утра и длился без перерыва 15—16 часов. Единого распорядка дня в пожарных частях не было. После подъема весь личный состав становился на молитву. Затем в течение 1,5 — 2 часов нижние чины чистили лошадей, давали им корм, производили уборку помещений, подметали двор и улицу перед пожарным депо, чистили обозное оборудование. После завтрака, в 7 часов утра, у огнеборцев начинались строевые занятия и различные хозяйственные работы. Кроме этого, рядовые пожарные поочередно несли постовую службу на каланче, у ворот, на конюшне и в других местах. А заканчивался рабочий день опять же общей молитвой, которая проходила в 9 часов вечера.

Служба во всех российских пожарных частях того времени была односменной. Это означало, что пожарные считались находящимися на службе круглые сутки – и днем, и ночью, не исключая ни одного дня в году, в том числе и праздничные. При

этом служба сопровождалась курьезами. Например, пожарным даже ночью не разрешали снимать сапоги, чтобы в случае необходимости не задерживать выезда на пожар. Такой порядок в российских пожарных частях сохранялся вплоть до революционных событий 1917 года. Правда, кое-где еще до этого городское руководство стало понимать всю нелепость подобных требований. В результате московский градоначальник уже в 1912 году разрешил пожарным снимать сапоги на ночь...

Но это было, пожалуй, одно из самых безобидных проявлений бесправия бойцов пожарной охраны того времени. Существовали и другие, более значительные ограничения. В частности, российские пожарные XIX века могли отлучаться с территории своей части только один раз в неделю, да и то лишь на 3 часа - для посещения бани. Еще раз в месяц каждому нижнему чину пожарной охраны полагалась увольнительная на одни сутки, но и это увольнение разрешалось лишь в том случае, если в течение этого месяца за пожарным не было замечено никаких провинностей. В результате некоторые рядовые огнеборцы, чем-либо не угодившие брандмейстеру, порой находились в казарме без отпуска по несколько месяцев подряд.

Подготовка рядовых пожарных включала в себя строевые занятия и так называемую словесность. В первую часть, кроме собственно строевой подготовки (отработка строевого шага, отдавание чести, и так далее), входила также и физическая подготовка: пожарные лазили по лестницам, спускались по веревке с учебной башни и каланчи, прыгали в сетку с крыши или из окон высокого здания. Часто устраивались учебные тревоги, так как брандмейстеры боялись взыскания от начальства за медленный выезд во время внезапных проверок боевой готовности, которые иногда проводил полицмейстер и городские власти. Скорость выезда считалась основным критерием оценки степени готовности пожарной части к боевой работе.

Что же касается занятий по словесности, то все они сводились к изучению “Закона божьего”, знаков различия воинских чинов, заучиванию устава, зазубриванию дат “тезоименитства” высочайших особ, и так далее.

В городах казармы пожарных располагались на съезжих дворах, а позднее - во дворах полицейских частей. Таким образом,

пожарные как бы все время находились под надзором полиции. При этом и сами рядовые огнеборцы, и их семьи постоянно были свидетелями мрачной жизни полицейских дворов. Известный московский писатель и журналист XIX века Владимир Гиляровский так писал о Тверской пожарной части Москвы, охранявшей центр города: “Огромный пожарный двор был завален кучами навоза, выбрасываемого ежедневно из конюшен. Из-под навоза, особенно после дождей, текла ручьями бурая, зловонная жидкость прямо через двор под запертые ворота... Рядом с воротами стояло низенькое каменное здание без окон, с одной дверью во двор. Это - морг. Его называли часовня. Она редко пустовала. То и дело сюда привозили трупы, поднятые на улице, или жертвы преступлений... Пожарные в двух этажах, низеньких и душных, были набиты, как сельди в бочке, и спали вповалку на нарах, а кругом на веревках сушилось промокшее на пожарах платье и белье”.

В одном из номеров “Саратовского вестника” за 1912 год описан быт саратовских пожарных. В частности, указывается, что пожарные живут скученно, в тесных помещениях: “...кто не видел своими глазами, тот не представляет себе, что значит жить в общей казарме. А значит это вот что: в комнате длиной 6 сажени и шириной 3 сажени (13,5 на 7,6 метра – Ред.) помещаются 53 человека — 16 семейств с 21 ребенком, в другой такой же комнате живут 48 человек. В воздухе стоит крик, говор, плач детей различного возраста, стоны больных, ругань ссорящихся у общей печи женщин, и так далее. Каждая семья имеет в своем распоряжении одну кровать и только... Над кроватями устроен из досок второй этаж. Целыми днями с верхнего этажа несется недовольное “хныкание” и плач скучающих ребятишек. Если не хватает и там места, детей усаживают под кровати. Кровати разделены друг от друга тонкими ситцевыми занавесками, изредка деревянными перегородками. В таких условиях проходит вся жизнь на людях: ни минуты человек не бывал один. Здесь живут, родят, болеют и умирают”.

Если случался пожар, то пожарная часть, независимо от времени суток, в полном составе выезжала на тушение, и работала там до полной ликвидации очагов горения. При этом использовались главным образом ручной труд и мускульная сила пожар-

ных. Это приводило к их переутомлению и многочисленным несчастным случаям, а нередко - и к человеческим жертвам.

Охраны труда пожарных и государственного страхования их жизни в то время просто не существовало. Правда, с конца XIX века огнеборцы начали страховаться за свой счет в обществе “Голубой крест”, делая ежемесячные взносы из скудной зарплаты. Это был значительный прогресс в деле социального обеспечения нижних пожарных чинов: ведь теперь в случае увечья они могли получить единовременное пособие. А до этого только брандмейстеры и брандмайоры имели право на пособие по инвалидности, которое выплачивалось за счет городского самоуправления.

В XIX веке огнеборцы рисковали жизнью гораздо чаще, чем в наши дни: кто-то из них срывался вниз при спуске по веревке с 20-саженной высоты, другого убивала или калечила лошадь во время запряжки по тревоге, на следующего при тушении пожара обрушивалась печная труба или потолочная балка, а еще кто-то проваливался вместе с перекрытием на горящий этаж или задыхался в дыму. Разумеется, ранения и ожоги у пожарных были обычным явлением.

Нередки были случаи, когда идущие в атаку на бушующее пламя огнеборцы гибли целыми группами. Достаточно вспомнить, например, трагическую смерть четырех пожарных в Одессе в 1902 году при тушении вспыхнувшего оперного театра, и еще пяти пожарных в Санкт-Петербурге в 1906 году во время борьбы с огнем в жилом доме. В целом же в пожарных командах России в течение всего лишь первых 13 лет XX века (с 1901 по 1914 годы) пострадало не менее 2300 пожарных, из которых 570 погибли, а 240 получили инвалидность.

Пожарные в XIX веке были лишены не только самых элементарных человеческих, но и гражданских прав. Согласно воинскому уставу внутренней службы, начальник обращался к нижнему чину только на “ты”. При этом пожарным запрещалось вступать в союзы и общества, посещать клубы и собрания. Им не разрешалось ездить на конках и в трамваях, входить в общественные сады и парки, где висели объявления: “Нижним чинам и людям с собаками вход воспрещен”.

А вот московский брандмайор Матвеев в своем администра-

тивном запретительстве пошел даже дальше, чем это предписывали воинские уставы. В 1911 году он своим распоряжением отказал пожарным в праве посещать бульвары и скверы, гостиницы и рестораны, театры и танцевальные площадки. А если в некоторые из таких заведений им все-таки разрешалось входить, то с обязательными условиями: не сидеть в партере и ложах, не курить в антрактах и прочее.

В большинстве городов на пожарных также возлагались еще и разные побочные повинности - на усмотрение губернатора, полицмейстера или городского головы. Бесплатное использование труда нижних чинов на разнообразных работах было повседневым явлением. Пожарные поливали и чистили городские улицы, ловили бродячих собак, собирали и перевозили падаль, трупы убитых или скоропостижно умерших. А в Москве в 1864 году около сотни пожарных выполняли постоянную работу в полицейской больнице, на скотопрогонном дворе, разносили правительственную почту, состояли прислугой, конюхами и чернорабочими в домах генерал-губернатора, градоначальника, полицмейстера и других крупных чиновников. Бывало, что московских пожарных даже посылали в качестве служебного наряда в воспитательный дом для участия в крещении детей-подкидышей. При этом роль крестной матери обычно выполняла одна из нянь дома, а роль крестного отца - пожарный. Происхождение выражения “кум пожарный”, по-видимому, связано с этой дополнительной обязанностью огнеборцев того времени.

В одном из номеров журнала “Пожарное дело” за 1912 год рассказывалось о том, что наши бедные серые герои выезжают по разным “экстренным” случаям — то пьяного купца ссаживать с коня триумфальной арки, то ловить улетевшего попугая, то снимать курицу с трамвайного провода.

Удивительно, что при таких кошмарных условиях жизни и работы в профессиональной пожарной охране России сложились славные боевые традиции: любовь к своей профессии, проявление отваги, самоотверженности и взаимопомощи при исполнении служебного долга. В их основе лежали замечательные черты русского национального характера: стремление не оставлять в беде товарищей. Тот, кто поступал в пожарную охрану,

оставался в ней на долгие годы. В России были известны многие династии пожарных.

О работе пожарного XIX века рассказывает в своих произведениях Владимир Гиляровский, в молодости служивший рядовым пожарным в Вологде и десятки лет участвовавший в тушении пожаров в других городах как доброволец. В своей книге “Москва и москвичи”, где описанию жизни пожарных отведена целая глава “Под каланчой”. Гиляровский писал: “Каждый пожарный — герой, всю жизнь на войне, каждую минуту рискует головой”. В одной из московских газет он поместил стихотворение под названием “Пожарный”. Вот его текст:

“Мчатся искры, вьется пламя,
Высоко держу я знамя,
Я к опасностям привык!
Нет неделями покоя,
Стой на страже ночь и день!
С треском гнется подо мною
Зыбкой лестницы ступень
В вихре искр, в порыве дыма,
Под карнизом, на весу,
День и ночь неутомимо
Службу трудную несу.
Ловкость, удаль и отвага
Нам заветом быть должны.
Мерзнет мокрая сермяга,
Волоса опалены...
Правь струю рукой умелой,
Ломом крышу раскрывай,
И рукав оледенелый
Через пламя подавай.
На высоких крышах башен
Я, как дома, весь в огне,
Пыл пожара мне не страшен,
Целый век я на войне!”

ГЛАВА 4

“РАДИ СТРАХОВОЙ ПРЕМИИ ПОДЖИГАЛИСЬ ДОМА, МАГАЗИНЫ, СКЛАДЫ...”

(Пожарное добровольчество и страхование от огня в России в XIX – начале XX века)

Говоря об организации борьбы с огненной стихией в дореволюционной России, нельзя не остановиться на пожарном добровольчестве. Там, где существовали профессиональные пожарные команды, всегда находились и добровольцы, которые оказывали большую помощь при тушении пожаров. В тех городах и рабочих поселках (а они обычно занимали больше половины городской территории), где профессиональной пожарной охраны не было, именно добровольцы как раз и оказывались основной силой в борьбе со всепожирающим пламенем.

Пожарное добровольчество как форма общественной взаимопомощи получило наиболее широкое распространение в России во второй половине XIX века. Уже в 60-х годах в некоторых городах России начали организовывать добровольные пожарные общества. Первые из них появились в Волхове (1861 год), Ревеле (ныне Таллинн - 1862 год), Юрьеве (1864 год), Каменец-Подольском (1868 год), Пскове (1870 год).

В следующее десятилетие возникло еще 17 таких обществ - в Ржеве, Гдове, Опочке, Уфе, Екатеринбурге. К 1890 году в России уже насчитывалось около 60 подобных добровольных организаций. Правда, все они были вынуждены изыскивать денежные средства на свое существование. Каналы финансирования были самые различные: одни возводили горожанам печи и чистили дымоходы от сажи, другие содержали общественные проруби для полоскания белья или чинили хозяйственный инвентарь, третьи нанимали помещения для ресторанов, устанавливали платные пожарные посты в кинотеатрах, и так далее. Полученные средства шли в фонд добровольных обществ. Однако основной задачей местных добровольных пожарных обществ все-таки являлась борьба с вырвавшейся из-под контроля человека

огненной стихией. Для этого в их структуре организовывались боевые подразделения — дружины, а также их отделения. Дежные средства общества расходовали главным образом на постройку зданий для пожарных дружин и отделений, на приобретение и содержание обоза, на покупку пожарного оборудования и тому подобное.

Во многих городах дружинники посменно дежурили при пожарном депо. Но, независимо от этого, в случае пожара на борьбу с ним выходили все без исключения. При этом многие добровольные дружины, например Ярославская, Осташковская, Сормовская, Бакинские (нефтепромысловые) и другие, по своей организации, подготовке личного состава и оснащенности техникой не уступали профессиональной пожарной охране того времени.

Рядовыми членами добровольных дружин, как правило, были любители пожарного дела — ремесленники, фабрично-заводские рабочие, представители интеллигенции, мелкие домовладельцы. В небольших городах и рабочих поселках они тушили пожары, выполняя самую тяжелую и опасную работу.

Истории русских пожарных добровольных обществ знает немало случаев самоотверженности и мужества своих активистов при исполнении гражданского долга. Например, в 1904 году, в долгие дни осады Порт-Артура, японская артиллерия непрерывно бомбардировала город и крепость. Все пожары самоотверженно тушили дружинники-добровольцы. Порт-Артурская добровольная пожарная дружина во главе с Г.К. Логиновым снискала уважение у жителей города. Многие добровольцы-пожарные за подвиги в борьбе с огнем были награждены орденами и медалями. Особенно отличились дружинники Мерчанский, Ксандров, Коптелкин.

В 1914 году, когда немецкие корабли подвергли бомбардировке город Либаву (ныне Лиепая в Латвии). Многие улицы и кварталы запылали. Либавская добровольная пожарная дружина под огнем тяжелой артиллерии мужественно тушила пламя, спасала людей из-под обломков разрушенных зданий.

Много доблестных подвигов было и на счету петербургской добровольной пожарной дружины. На рабочей окраине (за Невской заставой) никогда не было профессиональной пожарной охраны, и в то же время здесь действовало 17 отделений добро-

вольной пожарной дружины имени Петра Великого, состоящие в основном из рабочих Путиловского и других заводов.

Во главе всего общества и каждого боевого отряда обычно стояли представители имущих слоев - чиновничьей знати, дворянства, либеральной буржуазии, купечества. Таких людей гораздо больше интересовала показная сторона дела и желание выдвинуться, нежели непосредственно борьба с огнем. В свободное время руководители обществ и дружин регулярно устраивали самодеятельные спектакли и концерты с участием рабочих, что, впрочем, в некоторой мере тоже способствовало пропаганде пожарного дела.

Кроме этого добровольцы регулярно устраивали чтения и беседы на противопожарные темы, касаясь при этом проблем профилактики, а также принимали решения об улучшении противопожарного состояния населенного пункта, в том числе организовывали рытье водоемов, устройство и ремонт дорог, постройку помещений для добровольных пожарных дружин. Особенно широко деятельность добровольных пожарных обществ была развернута в прибалтийских губерниях, в Ярославле, Нижнем Новгороде, Одессе и некоторых других крупных городах Российской империи.

Положительное влияние на развитие добровольных пожарных обществ оказывало и то, что какого-либо другого объединяющего центра пожарной охраны в то время просто не существовало. Каждое добровольное пожарное общество действовало на основе местных условий. Постепенно накапливался организационный и практический опыт, появилась необходимость обобщить свою работу. Так возникла идея создания объединяющего всероссийского центра добровольных пожарных организаций.

Нужно сказать, что в те годы правительство России отнюдь не поощряло создание каких бы то ни было общественных организаций на демократических началах. Поэтому вопросы объединения и развития местных добровольных пожарных обществ в единую организацию нашли поддержку в первую очередь на уровне земств и страховых обществ. Эта идея нашла своих сторонников и в Русском техническом обществе, где была сосредоточена передовая техническая интеллигенция России того времени. Именно поэтому вопрос о создании всероссийского цент-

ра добровольных пожарных организаций был включен в повестку дня и обсужден на первом съезде пожарных и страховых деятелей, созванном в 1892 году по инициативе Русского технического общества. Съезд избрал организационный комитет, который к середине того же года подготовил необходимые материалы. После их длительного изучения русское правительство в 1893 году все-таки разрешило создать Российское пожарное общество с резиденцией его главного совета в Санкт-Петербурге.

В устав общества были включены следующие пункты: изыскание и развитие мер предупреждения и пресечения пожарных бедствий, содействие учреждению профессиональных и добровольных пожарных команд и дружин, их организационная и материальная поддержка, проведение мероприятий, пропагандирующих и развивающих пожарное дело, оказание материальной помощи нуждающимся пожарным и лицам, пострадавшим от пожаров.

Царское правительство позаботилось, чтобы в центральный орган пожарного добровольчества не проникли демократически настроенные люди. В состав главного совета общества вошли люди, преданные самодержавию. Это обстоятельство положило начало отрыву руководства Российского пожарного общества от деятельности местных отделений, что ощущалось вплоть до революционных событий 1917 года. Кстати, такая разобщенность подчеркивалась даже в официальных названиях: все пожарные общества на местах в то время назывались добровольными, а вот в названии центрального органа этих обществ слово “добровольное” отсутствовало. Более того, позднее к названию “Российское пожарное общество” добавилось еще и слово “императорское”.

Первым председателем главного совета Российского пожарного общества в 1893 году стал энтузиаст пожарного дела граф А.Д. Шереметьев, один из приближенных царя. Однако через год на этот пост был избран высокопоставленный царедворец князь А.Д. Львов, который и занимал свою должность в течение последующих 23 лет, вплоть до Февральской революции. Почетными председателями общества были также члены царской семьи.

Таким образом, руководство Российского пожарного общества по своему составу с самого начала было достаточно бюрократическим. На его знамени было написано: “Богу хвала, царю слава, ближнему защита”. Царские приверженцы, боясь проникновения в общество демократических идей, всячески подчеркивали, что пожарное дело должно быть отделено от политики, что Российское пожарное общество отражает интересы всех пожарных России без различия их национальности, и оно стоит вне всяких партийных и политических идей. При этом каждый съезд, каждое общее собрание членов общества начинались с молебна и речей, выдержанных в духе прославления самодержавия. К тому же все вопросы, касающиеся деятельности местных организаций, решал только Главный совет общества. Губернские и уездные отделы не создавали, чтобы не допустить к руководству разночинцев, хотя в уставе говорилось, что обществу предоставляется право учреждать по мере надобности отделы, район действия которых определяется съездом общества.

Чрезмерная централизация руководства не способствовала сближению Главного совета с низовыми организациями, деятельность которых ограничивалась в основном интересами той местности, где находилась эта организация. Это в определенной степени являлось тормозом в развитии передовых идей пожарного дела в России. В целом же деятельность Российского пожарного общества искусственно сдерживалась правительственными органами.

Тем не менее даже в таких бюрократических условиях эта общественная организация на целую четверть века стала фактически единственным компетентным органом, способным решать многие вопросы организации пожарного дела в России. Она сумела объединить всех авторитетных деятелей пожарной охраны, установила деловой контакт с научными обществами страны: русским техническим, электротехническим, экономическим, сельскохозяйственным и другими.

Согласно уставу, действительными коллективными членами Российского пожарного общества могли быть его отделения на местах, дружины и пожарные команды всех существующих видов, а также учреждения, содержащие за свой счет пожарные организации или оказывающие помощь этим организациям, а

также предприятия-меценаты или отдельные лица, имеющие отношение к пожарному делу.

В первый год своего существования общество объединяло только 70 местных организаций. В 1914 году их было уже 3600, в том числе 952 городских добровольных пожарных обществ, 1377 городских добровольных пожарных дружин, 960 фабрично-заводских пожарных обществ и дружин, а также 261 прочая пожарная организация. Кроме того, было зарегистрировано более 1400 сельских пожарных обозов.

Число действительных членов общества в 1914 году, по некоторым данным, составило около 400 тысяч человек. Тем не менее по приведенным выше причинам деятельность добровольных пожарных обществ мало влияла на состояние пожарной охраны в городах, и еще меньше - на состояние пожарной охраны в сельской местности. Об этом свидетельствует значительное количество городских пожаров, причем на селе их было еще больше.

Тем не менее некоторые аналитики считают, что Российское пожарное общество все же добилось некоторых, хотя и скромных результатов в деле профилактики и борьбы с огнем в России. Так, благодаря усилиям энтузиастов в октябре 1906 года в Санкт-Петербурге были открыты курсы пожарных техников. Источниками финансирования стали отчисления от страховых сумм, различные пожертвования, оплата за обучение и некоторые другие виды доходов. При этом государственное казначейство средств на содержание курсов по бюджету не отпускало, чем подчеркивало незаинтересованность правительства в подготовке специалистов пожарного дела. Государственные органы не принимали участия даже в распределении выпускников.

Между тем с 1906 по 1918 годы курсы подготовили 96 квалифицированных специалистов - пожарных техников. Россия впервые получила профессиональные кадры.

Российское пожарное общество уделяло некоторое внимание выпуску специальной литературы и пропаганде пожарно-технических знаний среди общественности. Еще в 1892 году А.Д. Шереметьев впервые в России стал издавать журнал "Пожарный". Редактором был Александр Павлович Чехова, старший

брат великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Талантливый литератор и организатор, Александр Павлович сумел в короткий срок создать сеть корреспондентов на местах и наладить регулярный выпуск нового журнала. В том же году он издал книгу “Исторический очерк пожарного дела в России” с уникальными материалами об истории организации борьбы с огнем в нашей стране.

Кроме того, по инициативе главного совета Российского пожарного общества с июля 1891 года стал издаваться научно-популярный иллюстрированный журнал “Пожарное дело”. Журнал освещал научно-технические вопросы борьбы с пожарами в России и за рубежом, печатал хронику наиболее крупных происшествий, способствовал созданию и развитию добровольных пожарных организаций, описав организацию и порядок службы в профессиональной пожарной охране империи имел литературно-художественный отдел, “почтовый ящик”, помещал на своих страницах библиографии по пожарному делу. Затем при содействии общества были выпущены издания, способствовавшие распространению пожарно-технических знаний (например, книга Н. П. Требезова “Пожарная тактика”, “Общедоступное руководство по борьбе с огнем” А.А. Пресса и другие).

Определенную роль в предупреждении пожаров и развитии пожарной техники сыграл организованный в 1895 году внутри Российского пожарного общества технический комитет. В разное время членами комитета были видные деятели науки и техники, известные в России архитекторы, инженеры-строители, технологи, механики (И.С. Китнер, Г.М. Турчинович, А.А. Пресс, С.В. Беляев и другие). Они входили в состав ряда постоянных государственных комиссий, например комиссии по изысканию мер пожарной безопасности в фабрично-заводских и общественных зданиях, на транспорте, на лесных, торфяных и нефтяных разработках и промыслах, комиссии по сельскому огнестойкому строительству, по технике огнетушения, и так далее. Результаты работы некоторых из них впоследствии были обобщены и опубликованы.

Технический комитет рассматривал вопросы пожарного дела и давал по ним рекомендации и советы, выполнял ряд поручений по осмотру промышленных, общественных зданий и соору-

жений. Для определения противопожарных мероприятий проводили отдельные испытания на огнестойкость строительных материалов и частей зданий, испытания систем, приборов, предметов пожарной техники (спринклеров, химических огнетушителей, пожарной сигнализации, и прочего). А еще по инициативе Технического комитета было организовано несколько всероссийских конкурсов, в частности, на лучший тип соединений пожарных рукавов, на лучшую книгу о древонасаждении в противопожарных целях, о тушении нефтяных пожаров, и другие.

Российское пожарное общество изучило и систематизировало все действующее в стране обязательные постановления по пожарному делу, создало комиссию для разработки законопроектов по “Пожарному уставу” и изменениям соответствующей части уголовного законодательства, разработало проект правил, определяющих основные положения пожарной охраны фабрично-заводских предприятий, вырабатывающих военную продукцию, добилось издания министерством внутренних дел распоряжения о предоставлении брандмейстерам права принимать участие в пожарно-технических осмотрах зданий общегосударственного значения.

При обществе был создан центральный склад, который на комиссионных и льготных условиях снабжал пожарные организации техникой, форменным обмундированием, литературой, помогал в приобретении за границей новых образцов пожарных машин и аппаратов.

Для развития пожарного дела в России большое значение имели и съезды пожарных. Они помогали уяснить наиболее прогрессивные методы борьбы с огненной стихией, указывали на существующие недостатки и противоречия в организации пожарного дела, обобщали накопленный опыт.

Всего состоялось восемь съездов. Первый из них прошел в 1892 году в Санкт-Петербурге, второй - в 1896 году в Нижнем Новгороде, третий - в 1899 году в Орле, четвертый - в 1902 году в Москве, пятый - в 1906 году в Пскове, шестой - в 1910 году в Риге, седьмой - в 1913 году в Киеве, и, наконец, восьмой состоялся в Петрограде в 1917 году. Хотя многие предложения, принятые на этих съездах, не получали поддержки властей, тем не менее обсуждение вопросов пожарного дела на съездах и пред-

ложения по его улучшению имели положительное значение. На распространение прогрессивных методов борьбы с пожарами оказывал влияние и выход в свет трудов съезда. Так, например, Русским техническим обществом были изданы труды первого пожарного съезда в двух томах.

Какие же проблемы обсуждались на съездах пожарных? Например, на первом из них говорилось о плохой организации водоснабжения в городах, решались вопросы создания добровольных пожарных команд в волостях с населением 3000 человек и меньше, затрагивались многие другие проблемы. На втором съезде было решено учредить общество взаимопомощи пожарных деятелей (“Общество голубого креста”), и, кроме того, здесь было принято решение о создании в России школы брандмейстеров. Третий съезд принял решение о ряде других принципиально важных рекомендациях по основным вопросам пожарного дела, но они так и не были осуществлены.

В 1912 году в Петербурге состоялся шестой международный пожарный конгресс Международного пожарного совета (ассоциации пожарных организаций западноевропейских стран), членом которого являлось и Российское пожарное общество. Конгресс показал значение, которое придавали пожарному делу в других странах, и послужил началом для пересмотра соответствующего законодательства в России.

На развитие пожарного дела в России определенное влияние оказывало и пожарное страхование. Прежде всего следует отметить, что страховые пошлины, введенные 7 апреля 1847 года, в то время являлись основным источником финансирования пожарной охраны, хотя доля страхового сбора, предназначенная для этих целей, не всегда расходовалась правильно.

Первое страховое общество в России было создано в 1827 году. Впоследствии в России возникало много страховых организаций (обществ) — городских и земских, добровольных и обязательных. Как правило, они преследовали чисто коммерческие цели, между ними шла жесткая конкуренция. Наиболее прогрессивными считались земские и городские общества взаимного страхования от огня, действующие на основе общественной взаимопомощи. Коммерческие интересы для них были главными. Основная задача земских и городских обществ взаимного стра-

хования заключалась в оказании материальной помощи погорельцам, а также проводили практические мероприятия по борьбе с огнем.

Вместе с тем следует отметить, что даже коммерческая деятельность акционерных страховых обществ оказывала некоторое влияние на улучшение пожарного дела. Экономические соображения требовали весьма подробного анализа причин возникновения пожаров, что помогало давать объективную оценку причиненного ущерба. Таким образом, лишь в страховых обществах проводилось более или менее подробное расследование огненных инцидентов. К примеру, страховые общества были материально заинтересованы в установлении истины во всех случаях, когда возникало хотя бы малейшее подозрение на умышленный поджог. Если такой факт удавалось доказать, итоги расследования становились основанием для того, чтобы не выплачивать потерпевшему страховую сумму. Представители страховых обществ всегда принимали непосредственное участие в установлении причин пожаров и их изучении. Это помогало разрабатывать наиболее эффективные мероприятия по предупреждению огненных инцидентов.

Было и еще одно прогрессивное обстоятельство: страховые общества, будучи заинтересованными в расширении своего дела, на основе тщательного анализа пожаров вводили льготы по страховым платежам при проведении ряда противопожарных мероприятий. Эти льготы предоставлялись, например, при устройстве огнестойких перекрытий в зданиях и огнестойких крыш, при наличии в служебных и жилых помещениях огнегасительных средств, стационарных огнегасительных установок, при организации собственной пожарной команды.

Льготы предоставляли и за внедрение устройств и приспособлений, снижавших пожарную опасность страхуемого имущества. Разумеется, зная о таких льготах, владельцы предприятий и домовладельцы были материально заинтересованы в том, чтобы единовременно затратить средства на противопожарные мероприятия и тем самым снизить страховые платежи. Таким образом, система дифференциации оплаты при страховании способствовала введению прогрессивных мер в противопожарном строительстве: например, широкому распространению огнестой-

ких построек, возведению внутри зданий огнестойких преград, безопасной планировке предприятий и другим аспектам противопожарной защиты.

Городские страховые общества финансировали и различные противопожарные мероприятия на местах. Они оплачивали воду, доставляемую населением за свой счет для тушения пожара, выдавали премию добровольцам за оперативное прибытие на место происшествия, субсидировали добровольные пожарные организации, выдавали ссуды городам на приобретение пожарного оборудования. В некоторых городах за счет средств страховых обществ ремонтировали дороги и водоисточники, выдавали ссуды горожанам на приобретение огнестойких строительных материалов, содержали трубочистов.

Земские страховые общества имели право, согласно закону, расходовать часть прибыли на противопожарные мероприятия в сельских населенных пунктах. За счет этих средств земства создавали специальные технические группы по сельскому огнестойкому строительству, открывали мастерские по производству цементных изделий, оказывали помощь крестьянским обществам в возведении кирпичных заводов, содействовали внедрению новых строительных материалов через кредитные сельские кооперативы, открывали специальные учебные мастерские и лаборатории, а также склады строительных материалов. На эти цели порой расходовали значительные суммы: например, с 1905 по 1908 годы земства России перечислили на эти цели более 14 миллионов рублей.

Для царского правительства деятельность страховых обществ была выгодна потому, что со всех страховых операций взималась налоговая пошлина, составлявшая значительную сумму: К 1917 году общая сумма отчислений страховой пошлины в Государственное казначейство составляла около 10 миллионов рублей. Однако, взимая страховую пошлину, царское правительство отказывалось от участия в расходах на пожарное дело, целиком взвалив это бремя на местный бюджет.

Отрицательной стороной страхования от огня в дореволюционной России являлись умышленные поджоги застрахованного имущества самими его владельцами с целью получения вознаграждения по завышенному добровольному страхова-

нию. В те годы это явление называлось “самоподжог”. Жульническая операция обычно происходила следующим образом. Владелец недвижимости давал крупную взятку нечистоплотному страховому агенту, согласному на авантюрную комбинацию. Тот застраховывал имущество на сумму, которая порой в 2—3 раза превышала его фактическую стоимость. Затем полиция выдавала погорельцу официальную справку, подтверждающую факт уничтожения огнем застрахованного имущества. В результате хитрый домовладелец получал денежное вознаграждение, которое оказывалось заведомо выше истинной цены его сгоревшей недвижимости. Иногда в этих махинациях принимали участие (за хорошее вознаграждение, разумеется) и брандмейстеры, которые затягивали тушение умышленно вызванных пожаров или намеренно увеличивали убытки, вызванные тушением, за счет ненужной разборки конструкций, заливки имущества водой, порчи материалов.

Самоподжоги в царской России были широко распространены. В ряде губерний этим даже промышляли отдельные “специалисты” и целые группы махинаторов, которые за определенную плату искусно сжигали таким вот образом застрахованное имущество.

В 1901 году следственные органы российской полиции раскрыли две группы профессиональных поджигателей - Киево-Васильковскую и Кремучуго-Броварскую, орудовавших на юго-западе России. Группы имели в своем составе не только специалистов по “огненному делу”, но и собственных страховых агентов и маклеров. За поджог преступники получали от домовладельца установленную сумму или даже вексель; кроме того, иногда им выдавали небольшую сумму наличными на “организационные расходы”.

Писатель А. И. Бьюрков в рассказе “Бутырки” отмечает: “Пожарам на Бутырках способствовали сами же страховые общества. В Москве их было больше десятка: “Россия”, “Московское страховое общество”, “Северное”, “Волга”, “Саламандра”, “Русь”, “Якорь”, “Надежда”, “Меркурий” и другие. Все они конкурировали между собой, и агенты их, работая на процентах, рыскали по всей России. В Москве не было ни одного не застрахованного дома. “Поднажиться” за счет страхового об-

щества хотелось всякому. Ловкачи и дельцы спекулировали на пожарах чуть ли не открыто. Фабрика Кузмичева, около Филей, только тем и поддерживала свое существование, что горела каждый год. Ради премии поджигались дома, магазины, склады. Все это видели, знали, но уличить поджигателей не могли: не пойман — не вор, и все почти пожары приписывались “неосторожному обращению с огнем”. О том, что от пожара страдала беднота, никто, конечно, и не думал”.

В этом свете любопытен следующий факт: стоило страховым обществам где-нибудь в “сильно горящих местах” произвести переоценку и понизить страховое вознаграждение вдвое или втрое, как домовладельцам и предпринимателям сразу же становилось невыгодно гореть - и в результате волна поджогов тут же стихала.

Отдельные страховые общества были тесно связаны с Российским пожарным обществом и принимали в его работе активное участие. Наиболее известные деятели в области страхования также сделали много и в развитии пожарного дела. К ним следует отнести К.М. Яичкова, К.К. Иордана, А.Я. Фесенко, С.П. Луневского и других российских общественных деятелей того времени. В некоторых губерниях они созывали местные съезды и совещания по пожарно-страховым вопросам.

Страховые общества освещали состояние пожарного дела в России в журнале “Борьба с огнем и страхование”, в брошюрах и в специальных выпусках газет.

ГЛАВА 5

“КРЕМЛЬ И ПАЛИСАД ЗГОРЕЛИ БЕЗ ОСТАТКУ...”

**(Пожары в Самарской крепости в XVI – первой
половине XVIII веков)**

Как известно, Самарский городок был основан весной 1586 года воеводой князем Григорием Осифовичем Засекиным. Это была обычная для того времени небольшая деревянная крепость, каких немало строилось на южных и юго-восточных окраинах Московского государства.

Первоначально Самара являлась сугубо военным поселением. Общее количество ее жителей, большинство из которых были стрельцами самарского гарнизона, не превышало 400-500 человек. Тогда же рядом с крепостью была основана Болдырская слобода служивых казаков. Позже выросли Рыбная и Вознесенская слободы, которые тянулись вдоль Волги.

Уже потом, в течение всего XVII века, городок стал обрабатывать посадом и торгово-ремесленными слободами, а вокруг острога поселились посадские люди. Затем и постоянные жители гарнизона начали перевозить сюда свои семьи и обзавелись дворами. В результате уже в середине и второй половине XVII века в Самаре насчитывалось не менее 4-5 тысяч жителей, основную часть из которых все-таки составляли служилые люди и члены их семей.

К сожалению, до нынешнего дня сохранилось крайне мало сведений о пожарах в крепости в начальный период существования Самары, а также о мерах противопожарной безопасности. Практически ничего не известно и об организации противопожарной службы в других населенных пунктах нашего края того времени. Остается только предполагать, что они были примерно теми же самыми, что и во всей остальной России той исторической эпохи. Тем не менее в распоряжении историков имеются хотя и косвенные, но все-таки довольно убедительные данные о том, что самарцы в XVII веке не раз испытали на себе разрушительное действие огня.

В частности, в 1663 году самарский житель Ф.И. Могутов

просил не посылать его на службу в Царицын (сегодняшний Волгоград) по причине “его пожарного разоренья”. А летом 1691 года самарскому воеводе было указано выдать членам местного гарнизона (дворянам, детям боярским, “иноземцам”, сотникам и стрельцам) после “их пожарного разоренья” по одному рублю на человека для восстановления “дворового строения”. Эта совершенно мизерная по современным меркам сумма для второй половины XVII века была весьма значительной, ведь средний городской двор со всеми жилыми и хозяйственными постройками стоил в Самаре в то время от 10 до 15 рублей.

Конец XVII века для нашего города был, по-видимому, урожайным на пожары. Так, в одном из сохранившихся писем той эпохи самарские жители сообщали: “...от того пожарного разорения оскудали они грацкие жители и одолжали великими долгами и скотиною опали и раззорились без остатку”.

Этот и другие факты свидетельствуют, что в те времена пожары были частыми гостями в поселениях нашего края. По мнению местных краеведов, в XVII веке в городе сложилась плотная застройка без каких-либо противопожарных и санитарных ограничений, что, естественно, способствовало частым бедам.

В средневековых документах сохранились также сведения о пожарах, возникавших вследствие нападений внешнего врага, чьих-либо преступных действий, и так далее. Например, не так давно выяснилось, что построенная в начале лета 1586 года Самарская крепость могла сгореть уже в первый год своего существования. Ногайский князь Урус враждебно воспринял появление укрепленного города на Волге и потребовал от русского правительства снести его, в противном случае угрожал осаждать крепость и сжечь ее.

С Урусом в конце концов удалось договориться, но тут неожиданная опасность пришла к самарцам с другой стороны. Оказывается, осенью 1586 года в Самаре был задержан Матвей Мещеряк, известный атаман волжско-уральского казачества, один из главных участников похода в Западную Сибирь с целью ее покорения и присоединения к России. Мещеряк не подчинился приказу воеводы Засекина, который велел ему отдать награбленное у ногаев добро ногайским же послам, и за это он вместе с четырьмя товарищами был заключен в местную тюрьму.

му. Но тут Мещеряку каким-то образом удалось договориться с частью самарского гарнизона (“литвой”), чтобы от него переслали весточку волжским и уральским казакам.

Как оказалось, заговорщики весной 1587 года собирались дожидаться подхода к городу казачьих отрядов, устроить беспорядки в Самаре и сжечь ее. В сохранившемся документе того времени об этом говорилось следующее: “А в роспросе государь и на пытке твоему государеву воеводе сказали атаманы и литва, что послали весть на Волгу, на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам и велели быть всем... к твоему государеву городу к Самарскому на Олексеев день человека Божия или на Благовещеньев день, а не будут на те сроки... вода располитца, да воеводу и всех людей побить и город жжеч”. Заговор провалился, поскольку записку перехватили, а казаков, сидевших в самарской тюрьме, казнили.

Смута начала XVII века нанесла страшный урон России. Из трех новопостроенных на Волге городов – Царицына, Саратова и Самары – уцелел только наш. Другие были сожжены “воровскими казаками”. В 1614 году ратные люди, посланные вниз по Волге для борьбы с авантюрой И. Заруцкого, увидели на месте Саратова пепелище.

Но и после завершения смутного времени Самара и селения Самарского уезда не раз подвергались серьезной огненной угрозе. В 40-х годах XVII века на город напали калмыки.

В 1646 году впервые была произведена перепись Самары и составлена писцовая книга. По этой переписи в городке было 137 дворов и 356 жителей мужского пола (без численности гарнизона). Кроме того, по подсчетам академика М.Н. Тихомирова, на посаде крепости стоял еще 81 двор. Поскольку каждый двор (а это изба, дворовые постройки, огород) в среднем имел площадь приблизительно в 400 квадратных метров, то в городе, следовательно, была очень стесненная застройка, без должных противопожарных и санитарных разрывов.

В 1670 году число гражданских жителей Самары выросло до 700 человек мужского пола. Следовательно, за 24 года население увеличилось в два раза. Это лишнее доказательство того, что в середине века Самара постепенно усиливает свое значение важного торгового города на востоке России, продолжая

играть важную стратегическую роль в качестве пограничного оборонительного пункта.

В том же 1670 году Самара пострадала во время Разинщины, о чем в сохранившихся документах можно найти любопытную запись: “Да июня в 15 день писал к нам, великому государю, с Самары стольник Иван Алфимов. Мая де в 31 день в пятом часу дни приходили под Самару многие воинские люди, калмыки и изменники башкирцы, изгоном и под городом на степи дальние надолбы разломали. И многими людьми въехав в надолбы и у города под Вознесенскою слободою, лошади и животинные стада отогнали да в полон взяли двух человек пастухов. И отогнав те стада, в дальних надолбах сожгли 2 башни. И стали в степи от города версты по 3 и по 4, и выдают их под городом по вся дни”.

Нередко к пожарам приводили и столкновения между местными земельными собственниками. Самарский воевода в последней трети XVII века жаловался на то, что власти Савво-Сторожевского монастыря выжгли острожки, выстроенные на Самарской Луке между Волгой и Усой для охраны Самарской Луки от нападений кочевников.

К началу XVIII века крепость достигала в длину 822 сажени, и в ширину - 162 сажени. Жилые кварталы посада занимали площадь в 33 тысячи квадратных метров. И как раз к 1700 году относится первый по-настоящему крупный пожар в Самаре, о котором до наших дней сохранились сведения в Российском государственном архиве древних актов.

В документах Московского приказа об этом свидетельствует следующая запись: “В Самаре большой пожар, сгорел архив Самарской приказной избы”. В частности, тогда огнем были уничтожены и письменные акты об основании города. Еще из этих документов видно, что в результате опустошительного пожара 1700 года сгорела большая часть города, фортификационные сооружения внутреннего городка, или кремля, а также крепостные стены. Об этом в Москву сообщал самарский воевода А.И. Кушников, который писал: “Кремль и палисад згорели без остатку”. Но куйбышевский архитектор Е.Ф. Гурьянов, работавший в Центральном государственном архиве древних актов, обнаружил документы, подтверждающие, что все-таки в

1700 году добрую половину Самарского городка огонь пощадил, а сгорели, видимо, только кремль и палисад.

Тем не менее из-за этого пожара, уничтожившего старинные рукописи, долгое время нельзя было установить точную дату основания Самары. Неудивительно, что через четверть века Симбирский провинциальный воевода, которому в 1728 году было поручено составить описание Самары, сообщал: “Сколь давно и от какого случая построен, подлинного о том известия взять не ис чего, понеже в прошлых годах приказы с ымеющимися в них всякими грамоты и указы згорели”.

В мае 1703 года мимо Самары проплывал голландский путешественник и художник Корнилий де Бруин, оставивший рисунок города со стороны Волги и некоторые сведения о нем. Вот что писал голландец о Самаре: “Этот город довольно обширен, весь деревянный и домишки в нем плохие. Стены, снабженные башнями, тоже деревянные и со стороны суши довольно велики. Город занимал почти всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега... Когда плывешь мимо города, видишь городские ворота, множество небольших церквей и несколько монастырей...”

Но Корнилий де Бруин, видимо, так никогда и не узнал, что буквально через одну-две недели после его путешествия по Волге Самаре вновь постиг катастрофический пожар. Сейчас установлено, что в 1703 году огонь охватил только деревянные укрепления крепости – башни и бастионы, а посад и слободы, скорее всего, оказались нетронутыми. Но причины бедствия остались неизвестными, хотя, видимо, все случилось из-за неосторожности самих жителей Самары.

После пожара 1703 года пришлось заново перекраивать всю оборонительную систему города. Казанский комиссар Сергеев построил городские укрепления по европейскому образцу, но с учетом вековых традиций русского крепостного деревянного зодчества. При этом крепость, имевшую в разрезе форму ромба, он возвел в другом месте, в 200-х метрах на северо-восток от сгоревшего кремля. Вновь возведенная система фортификационных сооружений могла противостоять любым нападениям нерегулярных войск – степных кочевников.

В дополнение к этому город был обнесен земляным валом и

окружен глубоким рвом. Земляной вал начинался близ Преображенской церкви и тянулся приблизительно по району расположения Александровского сада и Успенской улице, там, где ныне находится Хлебная площадь. Плюс к тому по периметру кремля вместо сгоревших деревянных стен был устроен “земляной замок”, а по углам крепостного ромба находились круглые земляные бастионы. Укрепления прикрывали жилую застройку от кочевников, обычно нападавших из-за реки Самары, со стороны южных степей, а бастионы не позволяли нападавшим прорваться в междуречье Волги и Самары.

С 30-х годов XVIII века, после строительства Новой Закамской, а затем и Самарской укрепленных линий, началось быстрое заселение степного левобережного Заволжья. К этому времени Самара уже потеряла свое значение пограничного военного пункта на востоке страны и перестала быть крепостью.

ГЛАВА 6

“В КАРАУЛЬЩИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАНИМАЕМЫ ЛЮДИ ТРЕЗВЫЕ И ЧЕСТНЫЕ...”

**(Нормативные документы о противопожарной
профилактике в Самаре в XVIII – начале XX века)**

В Центральном государственном архиве древних актов сохранился первый известный в истории нашего города указ на противопожарную тему. На гербовой бумаге Самарской воеводской канцелярии от 3 июля 1741 года записано следующее: «...во избавление от пожаров в нынешние жаркие дни запрещается топить бани, печи в избах и сидеть с огнем ночью». Контроль за исполнением указа поручался военным - драгунам и солдатам-инвалидам, которые в то время в Самаре несли, выражаясь современным языком, одновременно охранную, таможенную и полицейскую службы.

После очередного катастрофического пожара в Самаре, случившегося 20 апреля 1765 года, казанский губернатор приказал составить «противопожарный» план застройки города. Между прочим, такая мера была предусмотрена указом российского Сената, принятым еще в октябре 1758 года, то есть за семь (!) лет до этого страшного бедствия, где говорилось о хаотичной застройке городской территории, что создавало условия для регулярного выгорания дотла всей Самары.

Новый план застройки был утвержден Сенатом 2 ноября 1765 года. В этом документе высочайше предписывалось «склонять жителей Самары строить каменные дома или, в случае денежной нужды, деревянные на каменном фундаменте». Результатом этой градостроительной деятельности, как известно, стал первый «геометрический» план Самары 1782 года, когда в городе начали строить дома вдоль прямых и широких улиц, многие из которых сохранились вплоть до наших дней.

Тем не менее самарские обыватели исполняли правительственные указы крайне медленно и неохотно. Вплоть до середины девятнадцатого века подавляющая часть улиц города оставались

незамощенными, и только в 1840 году, после сильнейшего пожара, на городских улицах появились первые семнадцать построек из камня. Впрочем, и после этого еще несколько десятков лет в самарской архитектуре они оставались скорее исключением, чем правилом. Даже Дворянская, центральная улица Самары прошлого века, вплоть до 1870 года оставалась исключительно деревянной, и лишь потом начала постепенно застраиваться каменными домами.

Неудивительно, что деревянный город по-прежнему очень часто горел. Пожаров «средних» размеров, когда пламя пожирало сразу по несколько домов, в городе случалось каждое лето по десять-пятнадцать. Раз в несколько лет в Самаре обычно выгорал целиком какой-нибудь квартал.

Первое упоминание о «самарских служивых людях», которых в современном понимании можно назвать пожарными, относится к 1841 году, когда после сильного пожара 1840 года Император Николай Первый утвердил новый штат самарской городской полиции. Свой указ он подписал 16 октября 1841 года (по старому стилю). Эту дату ныне и следует считать днем рождения профессиональной пожарной службы Самары.

Впрочем, положение с профилактикой пожаров начало немного улучшаться не с этого года, а лишь через десять лет - после придания нашему городу статуса губернского. Самарские власти того времени, как видно, наконец-то поняли всю важность противопожарных мер, и 18 декабря 1862 года городская управа сочла необходимым открыть в городе пожарный комитет, председателем которого стал сам городской голова. В комитет вошли еще три депутата - по одному от каждого городского сословия, то есть от дворян, купцов и мещан. Комитет проявил неслыханную для Самары законодательную активность. В частности, именно с его подачи уже в 1863 году в нашем городе в пожарную команду стали набирать не солдат внутренней стражи, как это было раньше, а вольнонаемных людей.

Однако, несмотря на принимаемые законодательные меры, число пожаров в Самаре кардинальным образом все-таки не сокращалось. Они в основном затрагивали бедняцкие окраины города, по-прежнему застроенные хаотично и одними лишь деревянными домишками. В иных местах этих «лачужных» райо-

нов трудно было проехать даже днем, не говоря уже о ночных часах, когда все жители плотно запирали окна и двери, а на беспросветно темных улицах царило полное безлюдье. И если среди ночи где-нибудь в этих кварталах начинался пожар, то в огне обычно гибли не только его невольные виновники, застигнутые пламенем во время сна, но и обитатели многих соседних строений.

В связи с этим в 1871 году по инициативе пожарного комитета Самарская городская Дума утвердила новые “Правила о принятии жителями г. Самары мер к охранению имущества от пожаров”. В этом документе говорилось, что “для большего охранения собственности городских обывателей от случайностей пожара учреждаются повсеместные в городе караулы... Караульщики должны занимать свои посты: с 1-го апреля по 1 ноября – с 9 часов вечера и до 4 утра, а с 1 ноября и до 1 апреля – с 9 вечера и до 6 часов утра”.

Как сказано в постановлении Думы, “в караульщики должны быть нанимаемы люди трезвые, честные и притом не моложе 18 и не старше 50 лет...” А для контроля за ночными караулами Дума ввела должности специальных почетных смотрителей, каждый из которых “имеет надзор за караульщиками, для чего в ночное время осматривает их посты, увольняя немедленно нерадивых и нетрезвых и нанимая вместо их других”.

Кроме этого, в “Правилах...” содержались требования по противопожарной безопасности ко всем домовладельцам Самары. В частности, в соответствии с общероссийским “Уставом пожарным” им вменялось в обязанности “иметь во дворах в летнее время воду в бочках или кадушках, смотря по состоянию домовладельца, а также прочные и удобные лестницы к крышам”. С целью предупреждения пожаров им также предписывалось “не иметь во дворах в большом количестве щепы, смолы и сена не под крышью, и вообще материалов скоровоспламеняющихся... Кроме того, те домовладельцы, у кого есть лошади, приглашаются, в случае надобности, посылать бочки с водою на место пожара”.

Этим же документом регламентировались и действия полиции по профилактике пожаров: “Городская полиция следит, чтобы не существовало в городе винных складов, могущих способ-

ствовать сильному распространению огня в случае пожара, исключая отсюда уже устроенные каменные со сводами, железными дверями и кирпичными полами... Чтобы с 1 мая по 1 сентября не было на улицах курения трубок и папирос, где это запрещено... Чтобы на реке Волге и Самаре проезды на всех заводах были очищены от воды на 15 сажений, и чтобы к этим местам не ставились лодки и другие посуды”.

Незадолго до своей смерти П.В. Алабин, будучи в то время уже не городским головой, а гласным Самарской городской Думы, стал инициатором принятия первых в истории нашего региона “Обязательных правил о мерах предосторожности от пожаров и тушения их по Самарской губернии”. Этот документ был утвержден Самарским губернским земским собранием в 1892 году.

В “Правилах...” с целью предупреждения и распространения огня регламентируется порядок устройства населенных пунктов, в первую очередь сел и деревень. В частности, указывалось, что “ни одно вновь заводимое селение, а равно и возобновляемое после пожара, не должно быть выстраиваемо без плана, утвержденного в порядке, указанном мнением Государственного Совета, высочайше утвержденным... На существующих в селениях площадях, улицах и переулках безусловно воспрещается: ставить срубы, сваливать лес, дрова, хворост, сено и вообще удобосгораемые материалы...”

Кроме того, в этом документе подробно расписывалось, сколько и какого пожарного инвентаря необходимо было иметь в каждой деревне и селении, и как часто должна была проводиться его проверка. Контроль за выполнением этого пункта правил возлагался на волостных старшин и сельских старост. Отдельно определялись противопожарные меры во время пребывания людей в жилых и общественных зданиях, на улицах и площадях, в лесах и на водных судах, и так далее.

В 1911 году губернское земское собрание рассмотрело некоторые изменения и дополнения в “Обязательные правила...” Впрочем, никаких принципиальных поправок в документ не внесли: изменения коснулись главным образом лишь количества инвентаря, который предписывалось иметь в сельских дворах, при волостных и уездных управах. В дальнейшем эти противопо-

жарные правила действовали в Самарской губернии вплоть до событий 1917 года.

ГЛАВА 7

“В САМАРЕ ПОВСЮДУ – ОГНЕННОЕ МОРЕ, НИГДЕ НЕ ВИДНО КОНЦА...”

(Пожары в Самаре в конце XVIII - начале XX века)

В первой половине XVIII века Самара, уже переставшая к тому времени играть роль крепостного пограничного городка, все еще оставалась сплошь деревянной, а ее застройка по-прежнему не имела какой-либо организованной планировочной системы. Разные по форме и величине кварталы располагались вдоль единственной Большой улицы (ныне Водников). К Большой улице с обеих сторон подходили бессистемные проулки. Все это способствовало возникновению в Самаре частых и катастрофических по своим масштабам пожаров.

К 1744 году главным городом Заволжья и центром новой губернии стал Оренбург. В результате в 1773 году Самара вообще утратила статус города и указом Сената была переведена в ранг приписанной к Ставрополю слободы. Селения же бывшего Самарского уезда были подчинены Сызрани. Однако реализации этого решения помешала крестьянская война 1773-1775 годов. После разгрома восставших правительство России приступило к проведению новой губернской реформы. Она закончилась тем, что в 1780 году Самара вновь стала уездным городом, к которому были приписаны селения на территории Самарской Луки. Тогда же Сызранский, Сенгилеевский и Ставропольский уезды, куда относились населенные пункты из правобережья Самарского края, а также поселения из примыкающий к Волге северной части левобережья вошли в состав Симбирского наместничества (впоследствии – Симбирской губернии). Остальная часть уже заселенного левобережья вошла в состав Уфимского наместничества (с 1796 года – Оренбургской губернии), а его южные безлюдные земли к югу от рек Чагры и Мочи – в Саратовское наместничество (позднее губернию). Таким было административное деление нынешней территории Самарского края в конце XVIII века.

Сохранились сведения о нескольких крупных пожарах, которые причинили значительный ущерб Самаре в середине и вто-

рой половине XVIII века. Конечно же, стремительный характер распространения огненной стихии в то время объясняется главным образом скученностью деревянных построек, а вот причины возникновения пожаров крылись в самом быте жителей города. Наиболее характерной причиной трагедий было неосторожное обращение с огнем: опрокинутая лампадка, выброшенные из печи непотушенные угли, упавшая на пол свеча, и так далее. Особенно огнеопасными были тесные, крытые соломой избы и лачуги бедного люда. Регулярно вспыхивали пожары и по небрежности ремесленников (кузнецов, гончаров и других), работа которых была связана с огнем.

В конце лета 1746 года в Самаре случился крупный пожар, когда выгорела большая часть города. В официальных документах сообщалось следующее:

“Из Самарской воеводской канцелярии... в Казанскую губернскую канцелярию написано: сего де 746 году сентября 12 дня... от самарского городничего Никифора Пастухова доношении... написано: минувшего де августа против 31 числа в ночи, во втором часу, учинился пожар великой в доме у самарского купца Никифора Плавильщикова, от которого пожару город Самара выгорел. В начале церковь деревянная новая с колокольнею во имя Алексея митрополита, да колокольня большая, на которой имелись часы, все без остатку обывательских домов, а именно: самарских купцов – 45, цеховских – 14, самарской воеводской канцелярии разсылщиков – 14, отставных казаков, дворян и солдат – 381, подьяческих – 5, богаделен – 5. Итого 464 двора”.

Кстати, все попытки выявить точную причину пожара 1746 года так и не дали результата. По всей видимости, он начался от свечи, с которой упомянутый выше купец пошел ночью в свою “товарную лавку” на Большой улице.

Сохранились также некоторые сведения и о самарском пожаре 20 апреля 1765 года, когда огонь уничтожил около 2/3 города. Сгорели 418 из зарегистрированных в городе 588 “обывательских” дворов, две каменные и две деревянные церкви, два кабака и все имевшиеся в то время купеческие лавки, погибли два человека.

По немногим сохранившимся свидетельствам очевидцев, все попытки потушить огонь в ту страшную самарскую ночь ни к

чему не привели. Сильный ветер разносил по улицам искры и жар. Пламя охватывало все новые и новые кварталы города. В итоге из всей городской застройки удалось отстоять только соборную церковь, самарское комиссарство, провиантские и соляные “магазины”, 170 “обывательских” дворов и, что особенно важно, пороховой погреб. Однако и на этот раз не удалось выяснить, что же послужило причиной столь разрушительного бедствия.

Как известно, после пожара 1765 года появился сенатский указ, предписывающий, чтобы отныне Самара строилась в соответствии с распоряжениями о противопожарной безопасности, и с предписаниями “склонять” жителей города к строительству каменных домов, или, по крайней мере, деревянных, но на каменном фундаменте. И хотя предпринимаемые меры так и не смогли предотвратить огненные бедствия, они, по крайней мере, способствовали уменьшению наносимого ими ущерба. Поэтому еще один сильный пожар, случившийся в 1772 году, для Самары оказался менее разрушительным, чем предыдущие. Тогда за одну ночь сгорело “всего лишь” 72 частных здания и 2 питейных заведения.

Тем не менее историки считают, что пожар 1772 года во многом определил дальнейшую судьбу Самары. Как уже говорилось выше, в 1780 году, после семи лет пребывания в ранге “заштатной” слободы Самара на основании Указа Екатерины Второй вошла в состав Симбирского наместничества, уже имея статус уездного города. А в мае 1782 года она получила первый известный историкам проект своей перспективной застройки под названием “Геометрический план города Самары”. С того момента город в тогдашних пределах приобрел четкую планировку, которая сохранилась вплоть до настоящего времени.

Несмотря на все это, весьма трагическим для Самары оказался пожар 1807 года, во время которого сгорели Вознесенская и Успенская церкви. Более подробных сведений не сохранилось.

Государство и органы местного самоуправления пытались хоть как-то противостоять пожарам в городах империи. В конце XVIII – первой половине XIX века российское правительство предприняло серьезные меры для предотвращения пожаров во всех населенных пунктах страны. При этом ответственность за

противопожарную безопасность была возложена на полицию. В крупных городах, прежде всего в Санкт-Петербурге и Москве, организовывали специальные службы и подразделения. Однако в отношении Самары и других городов нашего края никаких сведений о таких структурах конца XVIII века не сохранилось.

Между тем в первой половине XIX столетия Самара начала быстро разрастаться, а ее население значительно увеличилось. К этому времени в городе насчитывалось уже 1 645 домов, в том числе 62 каменных, а население здесь составляло 14 204 человека. Для того, чтобы отразить новые тенденции в развитии города, в 1840 году по императорскому повелению был составлен новый “геометрический план развития Самары”. На нем в районе современной Хлебной площади изображено здание с каланчей для полицейских служителей и пожарной команды.

Именно в это время в нашем городе наконец-то появилась собственная служба по борьбе с огнем. Днем рождения пожарной охраны Самары следует считать 16 октября (по старому стилю) 1841 года, когда вступил в силу указ, подписанный самим Императором Всероссийским Николаем Первым. Этот документ не так давно был обнаружен автором этих строк в фондах Государственного архива Самарской области.

Однако дальнейшие события показали, что для эффективной борьбы с вышедшим из-под контроля человека пламенем одних лишь административных мер было явно недостаточно. Мелкие пожары являлись обыкновенным делом для города, и в середине XIX столетия их число доходило до нескольких десятков в год. Однако и власть, и обывателей не могло не пугать то обстоятельство, что даже после учреждения собственной пожарной службы на Самару и другие населенные пункты Самарского края с пугающей периодичностью по-прежнему обрушивались крупные пожары, наносившие значительный ущерб. Было очевидно, что имевшихся средств противопожарной защиты даже в городах, не говоря уже о селах, явно маловато. Плохо обученные и оснащенные примитивной техникой пожарные команды не могли эффективно бороться с огнем. Все это привело к тому, что в 1848 и 1850 годах наш город выгорел почти полностью.

Пожар 1848 года был запечатлен не только в официальных донесениях властей. Сохранилось описание одного из его оче-

видцев, самарского купца и мецената Егора Аннаева. Вот как он вспоминает об этом бедствии в своих записках: "...Это было 5 июня (1848 года – Ред.). Въезжая в гору, видим на громадном пространстве дымящиеся развалины... Торчат одни обгоревшие дымовые трубы и кругом нестерпимая жара... 8-го июня второй пожар почти совсем опустошил Самару..."

Однако самым разрушительным в истории Самары оказался другой пожар, который случился через два года после описанного выше - в июне 1850 года. И снова все тот же Аннаев оказался свидетелем этого катастрофического по своим масштабам стихийного бедствия. Егор Никитич пережил весь кошмар огненного ада, который в тот момент творился вокруг него, а впоследствии сумел записать в тетрадь свои впечатления от увиденного.

Эти строчки ныне поражают нас художественным слогом автора и ужасными подробностями постигшего город несчастья: "13 июня 1850 года в 12 часов дня ветер был порядочный, как вдруг ударили тревогу, раздался ужасный крик "Пожар!" Сперва горел хлебный амбар. В это время поднялась ужасная буря, которая в одно мгновение обхватила своим пожирающим пламенем все. Весь народ бежал к реке Самарке, но вихрь с пламенем мчался туда же и много несчастных жертв задохнулось в пламени. Люди, спасаясь, кидались в воду и тонули. Баржи на воде горели. На одной из барж взорвался порох, взрыв которого произвел оглушительный удар. Земля как бы затряслась, а баржу швырнуло в другой берег. Люди полагали, что пришел конец света. Все сгорело. У людей не было даже куска хлеба, который теперь негде было купить. В городе было ужасное зрелище. Кругом лежали сгоревшие люди, лошади, собаки, кошки и множество кур. Повсюду – огненное море, нигде не видно конца. Везде догорающие развалины. Отчаяние народа, истощные крики, рев вернувшегося стада коров – ужас, да и только! За рекой Самаркой тоже все сгорело, неисчислимые потери народа ужасны!"

При пожаре 1850 года сгорело 486 деревянных и 35 каменных жилых домов, все административные здания города, все имевшиеся тогда больницы, тюрьма, 49 хлебных амбаров из 55 построенных на берегу Волги, а также все 77 таких же амбаров, воз-

веденных на реке Самаре. Кроме того, пламя уничтожило грузовую пристань и более 20 судов для перевозки пшеницы. Никакой борьбы с огнем практически не велось, особенно после того, как стихия уже поглотила больше четверти города. Пожар затих только через несколько дней, когда в городе сгорело почти все, до чего смог добраться огонь.

Стихийное бедствие в уездной Самаре вызвало в городах России широкую волну общественной поддержки. По рукам ходили подписные листы, различные общества и частные лица всех сословий делали денежные пожертвования. “Даже сам царь Николай I принял в этом участие, приказав выдать Самаре из казначейства пять тысяч рублей”, - писал по этому поводу известный краевед Е.Ф. Гурьянов.

Однако не прошло и четырех лет после большого пожара 1850 года, как 12 мая 1854 года Самара снова испытала подобное несчастье. За один день пожар уничтожил в городе 150 домов: 55 каменных, 15 полукаменных и 80 деревянных. Кроме того, почти полностью сгорели здания пожарных частей, их оборудование, конская упряжь, и так далее. Одновременно за рекою Самарой сгорело 4 салотопенных завода и 9 деревянных домов. Е.Ф. Гурьянов в своей книге “Древние вехи Самары” об этом писал так: “Сгорела лучшая часть города, краса города, располагавшаяся в прибрежных пяти кварталах самой древней улицы Преображенской (ныне Водников)”.

“Во время пожара (1854 года – Ред.) обгорела церковь во имя Успения Божьей Матери, особенно чтимая жителями Самары. Хотя внутренность ее уцелела, но снаружи все на ней сделалось жертвою огня, как-то: кресты, крыши, лестницы, перила, потолки, - словом, все, что было деревянное; а большой колокол, в 280 пудов, упал с верхнего яруса колокольни, разрушив два каменных свода ее. После пожара церковь была в жалком положении...”, - писал об этом бедствии редактор “Самарских губернских ведомостей” Леопольдов.

И в последующие годы пожары в Самаре продолжали свирепствовать с пугающей регулярностью. В частности, 10 июня 1856 года огненная стихия уничтожила также 246 обывательских домов, в том числе 48 каменных и 199 деревянных. Сгорело также 176 торговых лавок, в том числе и на Алексеевской пло-

щади. После пожара торговля отсюда была переведена на Троицкую площадь. Общий убыток, нанесенный разбушевавшимся пламенем, тогда был оценен в 291 551 рубль 60 копеек серебром.

“А сколько было мелких пожаров, не перечесть: иногда в день по два и по три раза загорался город, а однажды в день их было до 6... Частые пожары во время лета ставили жителей в такое положение, что они каждый час ожидали их. Что ни делали, а все прислушивались, не бьет ли набат. Раздавался звук его на соборной колокольне – панический страх поражал их; в одну минуту покрывались крыши домов людьми, и, усмотрев огонь, они принимались выносить пожитки, если пожар близко и если дом стоял под ветром, хоть и далеко. В таком положении люди зажиточные при домах устраивали каменные со сводами кладовые, где спасали, впрочем, не всегда, ценное имущество, не внося его в дом целое лето; бедные запасались телегами или увозили имущество из города на пчельник, хутор или в чужую деревню. Зимой не страшились пожаров, да они редко и бывали” (Лепольдов, “Исторические заметки о Самарском крае”). Зимой подобных общегородских катастроф обычно не случалось, но приходило следующее лето, и все повторялось вновь.

Опустошительные пожары становились вехами в истории города Самары. Одна из них – огненная трагедия 1877 года, ярко отраженная в рапортах и докладах губернатора Петра Бильбазова российскому министру внутренних дел. Вот что он писал: “Пожар в Самаре окончился сего дня поутру (27 июля 1877 года – Ред.). Уничтожено 16 кварталов лучшей части города, много каменных домов, более 10 тысяч сажень сложенных на берегу Волги дров. Две церкви сгорело, а у двух сгорели колокольни. Уничтожены дома, в которых помещались: Отделение Государственного Банка, Контрольная Палата, Статистический комитет, Городское Полицейское Управление, Канцелярия Губернатора, дома зимнего и летнего моего помещения, Николаевский детский приют, Госпиталь Общества попечения о раненых и больных воинов на 75 кроватей, Учительская семинария. Все ценности отделения Госбанка спасены и хранятся в Губернском казначействе, где находятся и деньги Общества Взаимного кредита; часть казенного имущества, находящегося в домах моего

помещения спасена, но сильно повреждена. Выгоревшее пространство составляет 135 тысяч квадратных саженей, более 56 десятин. Убыток громадный”.

В следующем рапорте Бильбасов сообщал, что “...вследствие бывших в Самаре два дня кряду значительных пожаров и распространившейся молвы о поджогах, которые... были в действительности, населением города овладел панический страх, и многие из жителей со всем своим имуществом выехали за город в сады; те же, которые остались в городе, сложили свое имущество на воза, дабы при первой тревоге – отвезти имущество в безопасное от огня место...” И далее: “...Общая паника в Самаре увеличивается. По случаю усилившегося до безобразия пьянства в кабаках на деньги, вырученные от продажи краденых на пожарах вещей, делаю распоряжение о закрытии на время всех кабаков в городе Самаре и его предместьях и об ограничении времени торговли в белых харчевнях и других подобных заведениях до 8 часов вечера, за исключением гостиниц. Обращаюсь к Оренбургскому Генерал-губернатору о высылке для содействия полиции двух сотен казаков экстренным поездом... Пожарная команда и полиция изнемогла от непосильных безустанных трудов”.

После этих рапортов в распоряжение полиции было передано дополнительно 148 низших чинов из действующей армии. В городе усилили ночные патрули и полицейские обходы. Только после этого самарцы стали успокаиваться и постепенно прекратили вывозить свои вещи в безопасное место.

Но были и такие горожане, которые принимали активное участие в тушении пожаров, помогая спасать не только свои, но и чужие дома и имущество. Об этом сохранились свидетельства в документах Самарской духовной консистории. При пожаре, случившемся в 1877 году, опасности подверглось епархиальное женское училище вместе с храмом. В спасении училища принимали участие многие самарцы - и в итоге здание осталось невредимым. Добровольцы вынесли в подвал все церковные принадлежности, библиотеку и часть мебели училища. В спасении иконостаса и принадлежностей храма принимал участие священник Гавриил Фармаковский. А купец И.А. Бахарев на своей лошади привез собственный пожарный насос и помогал тушению по-

жара на училищной церкви. Тем не менее огонь был такой силы, что на храме сгорели стропила, была повреждена кровля и перебиты окна, а мебель оказалась поломанной.

При пожаре 1877 года сгорела также половина прихода самарского кафедрального собора, который тогда находился на Вознесенской улице, церковный дом на той же улице и дом протоиерея Алексея Кроткова. Полностью была уничтожена огнем крыша церкви Николаевского Сиротского приюта. В 2-3 часа ночи упал ее купол, а в 6 часов утра к горевшему храму прибыли самарский купец Федор Иванович Никонов и его люди. Только с их помощью, а также при содействии полицейских и прибывшей еще через час пожарной команды огонь в храме все-таки был потушен. Однако постройки около церкви сгорели.

Сами священники тоже тушили пожар. Особенно отличились протоиерей Халколиванов, священники Боголюбский, Смелковский, Гавриил Фармаковский и Николай Воронцов, которые заслужили благословения святейшего Синода. Такой же чести удостоились и многие простые люди: уже упоминавшиеся купцы Иван Бахарев и Федор Никонов, а также купец Иван Санин, начальница епархиального женского училища Кильдюшевская, член Окружного суда Десницкий и некоторые другие. На пожертвования купечества города уже к концу года все поврежденные пожаром самарские храмы были восстановлены.

Все 31 гласных Самарской городской Думы собрались 26 июля 1877 года в 6 часов вечера, чтобы выслушать предложения городского головы о мерах по прекращению пожаров. Дума постановила: избрать одного из своих гласных распоряжаться пожарным обозом, а в помощники назначить ему из числа гласных столько лиц, сколько потребуется. Об этом постановлении решили сразу же сообщить губернатору. Собрание обязало нового начальника обоза, чтобы штат пожарной команды Самары, составленный управой еще в 1875 году согласно табели, был немедленно представлен на утверждение министра внутренних дел, а сама пожарная команда переименована из полицейской в общественную. В тот же день городская Дума избрала П.В. Алабина на должность заведующего пожарным обозом, отрядив ему в помощь восемь гласных и весь наличный состав городской управы.

Несмотря на принимаемые меры, Самара по-прежнему продолжала гореть. В частности, 3 мая 1883 года при сильном ветре в разных концах города произошло сразу три пожара. Возникнув при неблагоприятных для тушения условиях, пожары эти сразу же стали серьезной опасностью для всего города. При этом в случае расширения очагов возгорания местная пожарная команда из-за своей малочисленности наверняка оказалась бы бессильной перед лицом стихии. Ситуацию спасло то, что по распоряжению командира 6-го пехотного Либавского полка Владимира Александровича Шестакова в Самару были направлены солдаты во главе с батальонным командиром подполковником Лукьянчиковым. Армейские подразделения оказали самарцам огромную помощь в укрощении огня.

Очевидцы вспоминают, что первый пожар в тот день начался в 11 часов утра на Казанской улице, в доме мещанина Осипова. Был сильный ветер, и пламя моментально охватило сразу несколько деревянных строений. К 12 часам уже пылало 17 домов. Пожарные команды, прибывшие из всех частей города, при помощи солдат шестого пехотного Либавского полка к двум часам успели локализовать пожар, который окончательно прекратился в восемь часов вечера. При этом обгорели три каменных дома и сгорели дотла все упоминавшиеся выше 17 деревянных домов. Убыток от стихии был оценен в 35 тысяч рублей. Предполагается, что причиной того пожара послужило неосторожное обращение с огнем.

Но в то время, когда этот пожар еще был в полном разгаре, в противоположном конце города, на Новособорной улице, во втором часу дня в деревянном доме крестьянина Плеханова возник еще один очаг пламени. К этому времени поднялась настоящая буря, и в течение нескольких часов, несмотря на энергичные действия пожарных и войск, пламя успело охватить 120 деревянных домов. В этой части города пожар удалось потушить только к 12 часам ночи. Убытки здесь оценили в 100 тысяч рублей.

Наконец, в 10 часов вечера, когда с Новособорной улицы разошлись по домам уставшие люди, на Саратовской улице, в доме вдовы чиновника Третьякова, вспыхнул третий пожар – здесь загорелся сеновал. Однако прибывшая пожарная команда

немедленно разобрала загоревшийся сарай, и таким образом отстояла соседние деревянные постройки.

Уже через три дня после успешного подавления огненной стихии, 6 мая 1883 года, городская Дума ходатайствовала перед губернатором А.Д. Свербеевым о разрешении открыть при городской управе подписку на сбор пожертвований в пользу погорельцев с последующей передачей всех сумм в образованную комиссию по выдаче пособий погорельцам.

Этот пожар показал, что ни пожарные команды со своей техникой, ни расставленные повсюду чаны с водой, ни водовозы не могут спасти город от опустошительных пожаров. Стало ясно, что разрастающейся Самаре с ее развивающейся промышленностью и увеличивающимся населением срочно нужен пожарный водопровод. Впрочем, об этом говорил еще самарский губернатор К.И. Грот в 50-х годах XIX века, но только через 25 лет после него городская общественность предприняла первые практические шаги в этом направлении.

ГЛАВА 8

“ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ В САМАРЕ ЕЩЕ СЛИШКОМ ДАЛЕКА ОТ ЖЕЛАЕМОГО СОВЕРШЕНСТВА...”

(Пожарное дело в Самаре до начала XX века)

В XVII – XVIII веках основным приемом борьбы с пожарами в Самаре, как, впрочем, и в других русских городах, была разборка деревянных строений, заборов и перемычек. Это позволяло предотвратить распространение огня по всему поселению, состоявшему, как правило, исключительно из деревянных домов. На чердаках строений и во всех дворах обязательно стояли бочки и кадки с водой. В случае пожара на пути огня разворачивались мокрые паруса из плотной ткани или устанавливались щиты, смоченные водой. Это давало возможность сдерживать на какое-то время огонь. А на крышах соседних домов люди гасили падавшие искры метлами, смоченными водой. Но эти меры были действенны только в начале пожара.

Основными инструментами огнеборцев в то время были крюки, топоры, ведра, паруса, помело. И если в Москве уже к концу XVII века стали использовать заливные трубы, то до Самары они дошли только через сто лет.

Водозаливные трубы – это пожарные насосы ручного действия. В те времена они были медными или деревянными, с громоздким ящиком, куда воду заливали ведрами. Первые образцы этих механизмов состояли из металлической трубы с накопником, в котором двигался поршень, под давлением которого вода с силой выбрасывалась из наконечника.

В 1724 году изобретатели снабдили пожарную трубу гибким всасывающим рукавом. Это позволило отказаться от громоздких заливных ящиков и забирать воду из открытых водоемов. Но дело в том, что в те времена на территории Самары, стоящей, как известно, на берегу Волги, не было... ни одного пожарного водоема. И поэтому, когда в начале XIX века водозаливные трубы все-таки дошли до Самары, на улицах и на площадях наконец-то стали устраивать деревянные чаны. Водовозы следили, чтобы они всегда были заполнены водой.

В начале XIX века город стал застраиваться по специально разработанному плану с соблюдением всех норм “Строительного устава”. Противопожарные правила требовали, чтобы при этом в первую очередь выдерживалось необходимое расстояние между домами. План также предписывал, чтобы улицы были строго определенной ширины, а весь город разбит на четкие кварталы. Следить за выполнением правил постройки домов поручалось городской полиции.

Несмотря на это, уездная Самара в начале XIX века по-прежнему выглядела неблагоустроенным захолустьем. Улицы по ночам не освещались, практически все они оставались незамощенными, а для приезжих не было в городе ни гостиниц, ни извозчиков. Городская полиция также пребывала в жалком состоянии. А поскольку по “Пожарному Уставу” 1832 года число пожарных команд и лошадей для каждого города определялось числом домов и его рангом, то Самаре в те годы не полагался даже брандмейстер. До 1841 года пожарное дело здесь было возложено на городскую полицию.

В 20-30-е годы XIX века в распоряжении российских пожарных команд были следующие инструменты (или, как их еще называли, огнегасительные орудия и снаряды): уже упоминавшиеся выше большие и малые водозаливные трубы, щиты, багры, крючья, топоры, лестницы, ведра, бочки, швабры, метлы и некоторые другие приспособления. При этом “Пожарный Устав” гласил, что команда огнеборцев, их лошади и инструменты должны находиться “всегда в надлежащей исправности и полном комплекте”, а содержать команду и ее имущество власти были обязаны за счет городских доходов.

В то время водозаливные трубы и другие пожарные инструменты делали только в восьми городах России: Рязани, Ярославле, Пензе, Казани, Харькове, Киеве, Риге и Вильно, а также в двух столицах. Для снабжения городов пожарными инструментами и обучения личного состава в начале XIX века были учреждены пожарные депо в Москве и в Санкт-Петербурге. Каждая губерния ежегодно отправляла для обучения троих наиболее способных работников, а городское общество, командировав их на учебу, обязано было на свои средства прилично одевать избранников и снабжать их достаточным продовольствием.

Заливные трубы, большие и малые, были в те времена очень дорогими. И потому Самара вряд ли имела их в достаточном количестве. В городе даже не было своего мастера, который бы их ремонтировал. Для этого пожарные трубы приходилось отправлять из Самары в Казань, где их восстановлением занимался штатный мастер местной городской полиции Василий Матвеевич Слесарев.

Новое штатное расписание самарской городской полиции российский император Николай Первый утвердил только после очередного сильного пожара в 1840 году. Свой указ самодержец подписал 16 октября 1841 года. Именно эту дату и следует считать днем создания самого первого пожарного обоза в Самаре. Впоследствии указ императора был опубликован в Полном собрании законов Российской империи в 1842 году (статья 14 938).

В соответствии с новым штатным расписанием уездной Самары был положен один полицмейстер, два частных пристава, один брандмейстер, три унтер-офицера, а также 25 пожарных служителей. Для пожарной команды предусматривалось 20 лошадей с соответствующим содержанием. Оснащение самарских огнеборцев в то время было следующим: 13 пожарных труб, 28 летних и 16 зимних дрог, 14 бочек, 20 ведер, 4 лестницы, 28 багров и 2 топора. В общей сложности на содержание этого подразделения городу можно было расходовать 1421 рубль 52 копейки в год.

Поскольку Самара, согласно указу императора, в том же году была поделена на два района, то, следовательно, в нем можно было создать не одну, а целых две пожарные команды. И уже вскоре в каждом из этих районов сначала была создана полицейская часть, а при каждой из них - пожарная команда из двенадцати человек с десятью лошадьми. Почти сразу же городские власти начали приобретать для них пожарные инструменты.

Но в 1848 и 1850 годах, буквально накануне образования Самарской губернии, город пережил два опустошительных пожара, выгорев при этом почти дотла. Тогда от огненной стихии сильно пострадали здания и имущество пожарных команд. Пришлось заново заниматься техническим оснащением самарских

огнеборцев.

Приняв в 1851 году статус губернского города, Самара стала усиленно застраиваться каменными домами. Первый самарский губернатор С.Г. Волховский сразу же приступил к организации пожарного обоза, оборудование которого отвечало бы техническим нормам времени. Глава губернии разослал письма в Симбирск, Казань, Нижний Новгород и другие города с просьбой прислать документы о штатах полиции и пожарной части, сведения о пожарных инструментах, мундирах и амуниции, о количестве пожарных лошадей и так далее.

На письма Волховского откликнулись все губернаторы, у которых он просил помощи. Ему прислали также ведомости на пожарные инструменты и список адресов, по которым их можно было заказать. На основе полученных материалов в конце 1851 года был разработан проект штатного расписания самарской городской полиции из расчета, что город будет поделен на три района, и, соответственно, чтобы в нем были три полицейские части, а при них – три пожарные команды. Так в те годы было уже в большинстве губернских центров. Документ предусматривал должности полицмейстера и брандмейстера. При этом в полицейскую команду должны были входить шесть унтер-офицеров и 36 нижних чинов. Предполагалось также, что в Самаре будет 109 пожарных слуг и три смотрителя на каланчу. Из средств городской казны необходимо было приобрести шесть водозаливных труб для полиции (в те времена полицейские также участвовали в тушении пожаров), по три трубы для каждой пожарной части, а также бочки с приборами: для полиции – 12, для каждой пожарной команде – по шесть. Еще надо было закупить 105 лошадей: две – для полицмейстера, одну – для брандмейстера, 36 – для содержания при полицейских инструментах, по 18 - в каждую пожарную часть, да еще по три лошади в каждую часть для перевозки тяжелых багров.

В конце 1851 года проект был направлен в Оренбург генерал-губернатору Оренбургской и Самарской губерний, а он, в свою очередь, отослал эти бумаги в Петербург. Но только 18 апреля 1853 года российское министерство внутренних дел целиком одобрило этот проект и утвердило штат пожарной команды Самары с приложенными к нему табелями, а также ведо-

мость единовременных издержек на устройство пожарного обоза.

Согласно утвержденному в МВД документу, члены пожарной команды Самары обеспечивались жалованьем, провиантом и обмундированием за счет городской казны. Попутно министерство дало самарцам наставление: приобретать пожарные инструменты, лошадей и прочее казенное имущество только путем выгодных торгов. Кроме того, МВД договорилось с Военным министерством о командировании в пожарную команду нашего города необходимого количества низших чинов от военного ведомства.

По утвержденному тогда же штатному расписанию в пожарную команду Самары входил один брандмейстер (с окладом 150 рублей в год) и два унтер-брандмейстера (один из них – старший, с окладом 16 рублей в год, а другой – младший, с содержанием 12 рублей в год). Кроме того, в команду предусматривалось набрать 34 нижних чина от военного ведомства с содержанием по 6 рублей в год каждому. Что же касается “технического оснащения”, то теперь пожарная команда Самары могла иметь в своем распоряжении 33 лошади. В общей сложности МВД выделило на годовое содержание самарских огнеборцев, лошадей и пожарных инструментов 2 860 рублей. Кроме того, городская дума за счет местных средств дополнительно ввела в городские пожарные части еще 13 человек: двух унтер-офицеров и 11 рядовых бойцов.

Новое штатное расписание пожарной команды Самары было введено в действие с начала 1854 года. А в мае того же года, как известно, город вновь постигло сильнейшее огненное бедствие, которое, как и несколько лет назад, опять нанесло пожарному обозу огромный урон. Сгорели все выделенные ему помещения, были повреждены пожарные инструменты, конская упряжь и так далее.

После того, как сведения о катастрофе поступили в Санкт-Петербург, хозяйственный департамент МВД выделил 2 611 рублей на устройство в Самаре нового пожарного обоза. Кроме того, новый самарский полицмейстер направил рапорт в городскую Думу о плачевном состоянии подразделения по борьбе с огнем: “...пожарную команду, пожарные инструменты и казен-

ное имущество я нашел: 1) людей – нижних чинов... 34 человека (из них 10 болеют), и все, хотя имеют казенное помещение, ходят обедать и ужинать на квартиры, почему в случае пожара не могут быть одновременно на месте... 2) Казенные лошади – из 21 – пять вовсе негодные... 3) Сбруи, попоны и другая лошадиная утварь вовсе не имеется или требует починки. Пожарные трубы находятся в ветхом состоянии. Рукавов при машинах имеется всего 21, из них – 15 совсем негодные. Бочки, ходы под машинами и щитами и колеса под ними и вовсе ветхие. Имеются 4 лестницы, но две из них по тяжести и две по совершенной ветхости в употреблении быть не могут. Багров – 24, из них 12 тяжелые, четыре негодные. Топоров, железных лопат, ломов и вовсе нет”.

Городская Дума живо откликнулась на это послание, и для пожарных частей были сделаны необходимые закупки. В 1854 году на это было выделено 3 324 рубля, в 1855 году - уже 4 787 рублей, а в 1856 году – 4 953 рубля. При этом инструменты и упряжь приобретались в Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, а лошадей закупали в Бугульме. Кроме того, для постоянного наблюдения за городом были построены две деревянные каланчи. Для пожарных инструментов выделили два сарая, а для служащих за счет городских средств снимались квартиры. Вот так самарский пожарный обоз начал снова обустраиваться.

Утвержденных правительством штатов вполне могло хватить на создание в Самаре трех пожарных частей, однако городская Дума решила для начала организовать лишь две пожарные части, так как после опустошительных пожаров 1848, 1850 и 1854 годов целые районы города еще не были восстановлены.

Суммы, выделяемые на устройство пожарной службы Самары, продолжали увеличиваться с каждым годом. Для размещения пожарной команды при первой полицейской части в 1857 году была построена деревянная изба на каменном фундаменте. Другая полицейская часть, при которой находилась вторая пожарная команда, располагалась в наемном доме поручика Я.С. Семенова, на углу улиц Саратовской (ныне улица Фрунзе) и Предтеченской (ныне улица Некрасовская). Этот дом тоже был деревянным и с антресолью, но на каменном фундаменте.

15 сентября 1855 года был составлен проект на постройку

нового каменного дома с деревянной каланчой и службами для управления второй полицейской части. 2 июля 1857 года Департамент проектов и смет в Петербурге рассмотрел эти документы и утвердил их без особых изменений. В августе проект подписали самарский губернатор К. Грот и губернский архитектор А. Мейснер. Вторая полицейская часть должна была строиться в 66-м квартале, на углу улиц Николаевской (ныне Чапаевской) и Предтеченской (ныне Некрасовской).

Тем временем город планомерно рос, увеличивалось и население. В 1862 году каменных домов уже было около 400, деревянных – 2526. Количество пожарных служащих дошло до 60 человек, в их распоряжении было 102 лошади. К этому времени город все-таки поделили на три района, и в каждом из них находилась полицейская часть, а при ней - пожарная команда.

Так как в Самаре тех лет по-прежнему преобладали деревянные дома, то пожары, как и раньше, были частым явлением. В среднем в год случалось до двенадцати крупных огненных происшествий, не говоря уже о мелких.

В 1865 году в губернии ввели взаимное земское страхование от огня с разделением его на обязательное и добровольное. Одновременно было ужесточено наблюдение за правильным расположением вновь возводимых построек, а также приняты меры против самовольной застройки и введен надзор за точным исполнением правил губернского земства об обмазке соломенных крыш глиною и известью.

Ручная пожарная водозаливная труба, снабженная рукавами, оставалась основным техническим средством тушения пожаров в России вплоть до изобретения парового пожарного насоса в 1829 году. Именно тогда на смену примитивному ручному механизму пришел паровой двухцилиндровый поршневой агрегат, значительно повысивший эффективность тушения пожаров. Однако в Самаре паровой пожарный насос по чисто экономическим причинам стал применяться только в 70-х годах XIX столетия: из-за дороговизны этой техники на обустройство пожарного обоза в те годы уходила треть (!) городского бюджета.

В 70-х годах город продолжал застраиваться каменными домами. В 1874 году их насчитывалось уже 1 240. Тогда же, согласно статистике, количество чисто деревянных домов пошло

на убыль – их оставалось только 1 876. При этом каменных церквей в городе тогда построили 20, а деревянных – лишь шесть. Несмотря на этот прогресс, огненная стихия все-таки продолжала наносить городу большой материальный ущерб. В частности, во время сильного пожара 24 июля 1877 года в Самаре сгорело более 300 домов, в том числе и вторая пожарная часть, а также пострадало здание, в котором размещалось городское полицейское управление. В результате самарским властям пришлось просить у МВД средства на восстановление уничтоженных пламенем казенных строений, на ремонт поврежденных пожарных инструментов, а также на строительство уже не деревянной, а новой каменной каланчи. А на третий день после пожара, 26 июля 1877 года, было созвано экстренное заседание городской Думы, на котором ее гласный Петр Владимирович Алабин был избран на должность заведующего пожарным обозом.

Впоследствии Алабин в своей книге “Двадцатипятилетие Самары как губернского города”, вышедшей в свет в 1886 году, с горечью писал: «Пожарная часть в Самаре еще слишком далека от желаемого совершенства, так что в случае чего, Боже сохрани, если бы город был постигнут большим пожаром при условиях, благоприятных его развитию, наша пожарная команда едва ли будет иметь средства спасти город».

Так или иначе, но пожары, свирепствовавшие тогда в Самаре, подталкивали городское общество к мысли: в губернском центре нужно строить противопожарный водопровод. Вскоре после описанных событий была создана особая комиссия по его устройству, в которую вошел и Алабин, к тому времени уже ставший городским головой. Во многом благодаря его упорству самарский водопровод, построенный по проекту московского инженера Н.П. Зимина, 1 января 1887 года был сдан в эксплуатацию. Он оказался первым подобным противопожарным сооружением в России.

В 1898 году в Самаре было создано самарское городское добровольное пожарное общество. Совет Императорского Российского пожарного общества одобрил такую инициативу самарцев.

В 1905 году состоялось передача пожарной команды Самары

из общегосударственного в муниципальное подчинение, и она стала называться городской общественной пожарной командой. Тогда же были разработаны правила об организации и структуре самарской городской пожарной команды, в которых говорилось, что ее для целей борьбы с огнем за свой счет содержит городское общественное управление.

Городская Дума имела право распределять личный состав команды и ее имущество по отдельным пожарным частям и образовывать ее временные отделения. Например, на 1905 год Дума определила следующее штатное расписание пожарной команды: один брандмейстер, четыре унтер-брандмейстера и 147 служителей. Дума также заботилась, чтобы все служащие имели городские квартиры с отоплением и освещением, следила за хозяйственной частью пожарных команд, устанавливала необходимое число лошадей, огнегасительных машин и прочих принадлежностей. А еще в обязанности городской Думы и управы было отслеживание всех появлявшихся технических новшеств пожарного дела и приобретение их для своего пожарного обоза.

Тем не менее в начале XX века Самара, даже несмотря на наличие противопожарного водопровода, по сравнению с другими городами все-таки горела чаще. Это было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, в Самаре, особенно на ее окраинах, по-прежнему преобладали деревянные дома, поскольку возведение зданий из камня подавляющему большинству жителей было не по карману. Во-вторых, желал лучшего надзор за возведением новых домов и их расположением. Из-за этого к началу века во многих кварталах возникла такая скученность строений, что при очередном пожаре огонь всегда выходил далеко за пределы одного двора.

Кроме того, после тщательного анализа этих и других проблем правление Самарского городского общества взаимного страхования от огня признало, что даже при наличии противопожарного водопровода и хорошо организованной пожарной команды для успешной борьбы с огненной стихией большое значение имеет еще и быстрый приезд огнеборцев на место происшествия. Между тем в начале XX века пожарная команда Самары узнавала о возгорании только тогда, когда дежурный на каланче замечал вырывавшиеся из какого-нибудь дома огонь и

дым. А ведь специалисты считают, что на этой стадии пожара огонь уже достигает такой сокрушительной силы, что борьба с ним в данный момент становится очень сложной. Таким образом, еще одной выявленной противопожарной проблемой для Самары начала XX века стало своевременное оповещение пожарных частей об очередном огненном происшествии.

Наиболее кардинальным средством раннего обнаружения пожара для того времени специалисты считали повсеместное внедрение электрической сигнализации, которая в начале XX столетия уже была устроена во многих губернских и даже уездных центрах России. Самарское правление признало полезным смонтировать такую же сигнализацию и в нашем городе, о чем и доложила на заседании комиссии по заведованию городским пожарным обозом 16 декабря 1911 года. Тотчас же многие электротехнические фирмы предложили самарским властям свои услуги.

Самарская городская управа сразу же после этого решения стала вести переписку со своими московскими коллегами, заявив о желании приобрести пожарный автомобиль. Вскоре Московская городская управа сообщила самарцам о том, что на примете есть хорошего качества машина производства южно-германского завода Гагенау. Этот автомобиль вмещал восемь человек, на нем размещались французская двухколенная лестница, две штурмовки, спасательный снаряд “Кенига”, два огнегасителя, стендер, трехходный кран, гидropульt, 60 саженей заливных рукавов и специальный инструмент. Кроме того, узнав о намерении самарских властей, многие иностранные фирмы тоже прислали свои рекламные проспекты в городскую управу. В результате наш город приобрел для своей пожарной команды самые лучшие машины, какие только выпускали в то время.

Картина повторилась, когда 20 февраля 1913 года Городская Дума приняла решение о необходимости провести электрическое освещение в пожарных частях. Узнав об этом намерении, электротехнические фирмы стали предлагать свои услуги и присылать сметы на устройство современного освещения.

А незадолго до революционных событий 1917 года у самарских огнеборцев обнаружилась еще одна проблема. В городе было

построено много четырех- и пятиэтажных домов, однако в распоряжении городских пожарных к этому времени были лишь лестницы, которые достигали только второго этажа. К тому же все они были деревянными и очень тяжелыми. Для их установки у горящего здания требовалось не менее 10 человек. Поэтому самарские власти решили выписать из Императорского Российского пожарного общества для городского пожарного обоза две двухколенные раздвижные механические лестницы легкого типа, четыре лестницы-трехколенки и одну механическую четырехколенную лестницу новой усовершенствованной конструкции и автоматическим остановочным устройством, имевшую железные поручни и четырехколесный ход.

Для установки двухколенной лестницы требовалось один-два человека, а для трехколенки - три-четыре человека. Правда, обе они были сделаны из ясеневоего дерева, но покрыты огнезащитным составом. И хотя в то время легкая штурмовая лестница стоила 15 рублей, а, к примеру, четырехколенка - 1 700 рублей, городская Дума все-таки пошла на эти расходы. В результате уже в 1912-1913 годах пожарный обоз Самары был оснащен новыми механическими лестницами.

Летом 1916 года городская управа получила известие из Москвы о том, что товарищество огнетушителей "Ниагара" открыло контору по продаже ручных аппаратов для борьбы с огнем. Самарские представители, изучив продукцию фирмы, выяснили, что огнетушитель "Ниагара" превосходит все аналогичные аппараты конкурирующих производителей по своим техническим качествам. Например, при его использовании можно было в любой момент остановить направленную в пламя струю. К тому же аппарат фирмы "Ниагара" был удобен при его наполнении и заряджении. В результате Самара приобрела партию новых огнетушителей.

К 1917 году самарский пожарный обоз имел одно из лучших в России техническое оснащение, вплоть до современных пожарных машин. Всего за 60 с небольшим лет своего развития (с 1853 по 1917 годы) пожарная техника и оборудование пожарных частей нашего города прошли огромный путь: от багров, топоров, ломов, заливных труб - до пожарных машин, от водовозных бочек и чанов - до пожарного водопровода, от сигнальных колоко-

лов и дежурных на каланче - до телефонной связи, от свечей, керосиновых ламп и масляных плошек - до электрического освещения пожарных частей. К этому времени в Самаре ушли в прошлое кошмары опустошительных пожаров, не раз целиком уничтожавшие город, его жителей и огромные его материальные ценности.

К началу 20-х годов XX века в Самаре в основном возникали пожары местного значения, не выходящие за пределы одного городского квартала. С этим бедствием самарские пожарные, вооруженные современной для тех лет техникой, обычно справлялись быстро и организованно.

ГЛАВА 9

“КАЖДАЯ ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ ДОЛЖНА ИМЕТЬ СВОЙ ОТДЕЛЬНЫЙ ДВОР...”

**(Создание отдельных пожарных частей в Самаре,
их размещение на территории города, работа, быт
и социальная поддержка пожарных служащих)**

Указ императора Николая Первого от 16 октября 1841 года об утверждении штатов Самарской городской полиции положил начало созданию пожарного обоза в Самаре и организации профессиональной, соответственно времени, борьбы с пожарами.

Одобренные императором штаты полицейской команды из 13 человек и пожарной команды из 25 служителей и одного брандмейстера позволяли создать в городе две полицейские части. Каждая из них имела теперь свой съезжий дом с пристройками для размещения всех принадлежностей пожарной команды, а также 10 лошадей. При съезде дома обязательно возвышалась каланча, на которой во время пожара выставлялся условный сигнал, обозначающий ту часть города, где случилось огненное происшествие.

Согласно уставу, пожарная команда и пожарные инструменты “должны были содержаться из городских доходов”. Между тем в середине XIX века у самарских властей собственных зданий ни для себя, ни для полиции, ни тем более для пожарных команд почти не было, а если и они и строились, то в течение ближайших лет их уничтожал очередной пожар. Поэтому Самарская городская дума, городской магистрат и прочие учреждения местной власти располагались в арендованных домах купцов, мещан и чиновников. При этом, разумеется, лучшие здания занимала городская администрация, а другим учреждениям доставались дома попроще. Конечно же, для казны это было довольно дорогое удовольствие. После опустошительных пожаров владельцы уцелевших домов неимоверно взвинчивали арендную плату.

Полицейские части Самары нередко размещались в самых

ветхих из числа сохранившихся домов, и тогда после очередного переезда городской думе приходилось выделять полиции деньги на их ремонт. В частности, две созданные в 1841 году полицейские части вместе с пожарными командами также пришлось поместить в частных домах, снятых у состоятельных горожан. Блюстителям порядка, можно сказать, еще повезло: в 40-е - 50-е годы XIX века в Самаре деревянный дом на каменном фундаменте и с надворными службами (конюшня, сарай, дровяник, погреб и прочее) считался хорошим.

В конце 60-х - начале 70-х годов XIX столетия самарская городская власть постепенно стала выкупать у горожан отдельные дома в свою собственность, а также строить новые здания для своих учреждений. Этот процесс шел медленно, так как дома стоили дорого. Полицейские и пожарные части, а также их работники, вплоть до 80-х годов размещались и проживали в специально снятых для них домах.

Между тем число огнеборцев продолжало расти: 18 апреля 1853 года МВД России утвердило новый штат пожарной команды для губернского города Самары. Число рядовых пожарных служащих увеличилось до 34 человек, а количество лошадей – до 33. При этом самарская пожарная команда и пожарные инструменты по-прежнему содержались “из городских доходов”. Впрочем, Самарская городская Дума по постановлению губернского правления ежегодно стала выделять “ремонтные” деньги. Обычно после очередного крупного пожара эта сумма увеличивалась.

После утверждения нового штатного расписания в 1853 году Самара могла создать на своей территории уже не две, а три пожарные команды при полицейских частях. Однако к тому времени город еще не восстановился после катастрофических пожаров 1848 и 1850 годов. Неудивительно, что в Самаре вплоть до 60-х годов XIX века по-прежнему оставались только две пожарные команды.

Первая полицейская часть вместе с пожарными в течение всех 50-х годов размещалась в доме мещанки Гужовой, а с 1861 года – в доме купчихи Соколовой. Так продолжалось до тех пор, пока в июне 1867 года несколько членов городского пожарного комитета не осмотрели предоставленные для этой части помещения.

После своего визита к пожарным делегаты доложили Думе, что для хранения инструментов, конных сбруй и ходов здесь не было не только цейхгауза, но даже навеса. Все казенное имущество валялось во дворе под открытым небом или в плохом сарайчике с дырявой кровлей, а крыша каменного здания, в котором проживали рабочие, сильно протекала, и штукатурка с его потолка отваливалась. В итоге Дума приняла решение: построить при первой полицейской части цейхгауз для пожарного имущества, сарай, исправить крышу на каменном корпусе, а в здешней кузнице соорудить горн.

В 1869 году полицейские и пожарные первой части переехали на улицу Казанскую (ныне улица Алексея Толстого) в дом Пантелеевой. В 1874 году эта полицейская часть перебралась в дом № 41 (дом Сербулова) на Саратовской улице (ныне улица Фрунзе), который в 1878 году был выкуплен городскими властями. Здесь, в 24-м квартале Самары, первая полицейская часть и пожарная команда находились вплоть до 1904 года. К зданию был пристроен флигель для брандмейстера, тут же размещались каменные казармы для холостых и деревянные казармы для женатых пожарных служащих. Во дворе имелся навес для обоза, трубное отделение находилось рядом с конюшней, а рядом располагались мастерская и кузница.

Летом 1894 года по поручению городской управы архитектор А.А. Щербачев и член городской управы Н.С. Арычкин осмотрели первую пожарную часть и доложили, что за минувшие 20 лет деревянные казармы сильно обветшали. Ремонтировать их стало невозможно. В таком же неприглядном состоянии оказалась и пожарная каланча. По итогам обследования управа решила каланчу укрепить, казармы и трубный сарай отремонтировать, навес для обоза заново перекрыть, построить новую конюшню на 17 мест, увеличить помещение для кузницы и восстановить мастерскую. Одновременно с этим архитектор Щербачев разработал проект каменного здания для первой пожарной части, которое должно было находиться на новом месте – на Полицейской площади (ныне площадь Дзержинского), между Александровским садом и старым театром. Оно было вскоре построено. Первая пожарная часть размещалась в нем с 1904 года и до революционных событий 1917 года.

Вторая полицейская часть Самары после крупного пожара 1854 года въехала в одноэтажный дом на углу улиц Саратовской и Предтеченской (ныне улицы Фрунзе и Некрасовская), принадлежащий поручику Я.С. Семенову. В этом деревянном здании с антресолью, возведенном на каменном фундаменте, полицейские и огнеборцы работали в течение нескольких лет, пока для них по распоряжению нового губернатора К.К. Грота не построили новое помещение. Автором проекта каменного дома с деревянной каланчой стал архитектор А. Мейснер.

В сентябре 1856 года документация об этом поступила в департамент проектов и смет в Санкт-Петербурге. После доработки и уточнений проект в окончательном виде был утвержден 2 июля 1857 года, а в августе он уже рассматривался на заседании Самарской губернской дорожной и строительной комиссии, после чего “был найден удовлетворительным”.

Разместить вторую полицейскую часть и пожарную команду было решено в 66-м квартале, на углу улиц Николаевской и Предтеченской (ныне улицы Чапаевская и Некрасовская). Строительство началось почти сразу же после одобрения проекта губернскими властями, и закончилось в следующем, 1858-м году. В одноэтажном каменном здании разместились нижние чины пожарной команды и пожарные инструменты, а в другие служебные помещения въехало управление второй полицейской части.

С ростом города штаты пожарной команды постепенно увеличивались, так что вскоре и эти помещения стали тесными. Поэтому в 1881 году управление второй полицейской части переехало на Садовую улицу, в дом № 56, который располагался в 53-м городском квартале, между улицами Панской и Предтеченской (ныне улицы Ленинградская и Некрасовская). А вторая пожарная команда разместилась на Саратовской улице (ныне улица Фрунзе), в 67-м городском квартале, между улицами Предтеченской и Москательной (ныне улицы Некрасовская и Льва Толстого), по соседству с городским полицейским управлением. Здесь пожарная часть находилась вплоть до 1918 года.

Поскольку в летнее время пожары в Самаре были особенно сильными и случались часто, то для борьбы с огненной стихией двух пожарных команд было явно маловато. В помощь им на летний период самарские власти сформировали еще две времен-

ные команды. Однако только в 1860 году в городе наконец-то была создана постоянная третья пожарная часть. Она располагалась в доме губернского секретаря А.А. Шлошина. Позже третья часть была переведена в 97-й городской квартал, на улицу Сокольничью, в дом купца Воцакина, который находился на углу улиц Александровской и Сокольничьей (ныне улицы Виловатая и Ленинская). Однако все постройки были ветхими, а помещения - неблагоустроенными. В этом воочию убедились члены пожарного комитета Парыгин, Колесников и Грачев при осмотре пожарного обоза третьей части в 1867 году. Так, например, сарай, где разместились дорогостоящие пожарные машины и инструменты, имел пять дверей, "из коих три двери, выходявшие на улицу, до того ветхи, что даже не держатся на петлях и не могут открываться при надобности". Зимой же эти двери не защищали помещение ни от мороза, ни от снега. Кроме того, пол в сарае был каменным, и выезд машин на зимних ходах (полозьях) сильно осложнялся, а у лошадей портились подковы. Пожарные инструменты от такого хранения быстро приходили в негодность.

Представители комитета решили пополнить третью пожарную часть новыми инструментами, построить пять летних ходов взамен трех, пришедших в ветхость, изготовить пять станов для колес, купить 20 топоров с чехлами, 20 железных ведер, 10 железных леек, 10 дубовых осей, 20 березовых грядущек. Пожарным также предстояло исправить один большой багор и три малых, починить четыре больших паруса, обшить сукном 16 ручных щитов, увеличить в ширину и длину три пожарных брезента. На эти расходы городская Дума выделила пожарным третьей части дополнительно семь тысяч рублей.

В 1883 году третью пожарную часть перевели на Воскресенскую площадь (ныне Самарскую), где часто проходили ярмарки и базары. Территория вокруг нее была сплошь застроена деревянными зданиями. Огнеборцев разместили в городском общественном доме № 197 рядом с пятой полицейской частью. Со временем для третьей части выстроили каменные служебные помещения, которые сохранились вплоть до нашего времени.

Через несколько лет для развивающегося города и трех пожарных частей стало мало, и потому с 1875 года городские вла-

сти стали формировать четвертую пожарную команду. Правда, сначала она действовала как временное подразделение. Пожарные исполняли свои обязанности только летом, в засушливый период, а на зиму часть распускали. В результате приходилось каждую весну заново покупать лошадей для пожарных, а осенью опять продавать их, но по более низкой цене. К тому же штаты каждый раз комплектовали из новых, еще не обученных людей.

Вопрос о переходе четвертой пожарной команды на постоянной режим работы ставился не раз, но только в 1898 году бюджетная комиссия городской Думы выделила средства на перестройку помещения для этой части. В апреле 1899 года на заседании особого совещания был окончательно решен вопрос о создании в городе не трех, а четырех полицейских частей, так как МВД России утвердило увеличение штатов самарской городской полиции.

Это подразделение разместили в 53-м городском квартале, на Садовой улице, между Панской и Предтеченской. По соседству располагалось управление второй полицейской части. Однако управление находилось в общественном доме № 56 на Садовой, а пожарная команда – в арендуемом у его владельца здании. По этому поводу в декабре 1899 года губернатор А.С. Брянчанинов писал в городскую управу, чтобы “они озаботились предоставлением соответствующих по размерам и удобству помещений” для второй полицейской и четвертой пожарной частей.

В марте 1900 года городской архитектор А. Зеленко осмотрел эти помещения и нашел их низкими и тесными. Месяц спустя городская управа поручила Зеленко разработать проект постройки новых зданий для полицейских и пожарных: трубной, конюшен, каретника, ледника, бани, казарм для служителей, ретиратов, помойной ямы и кутузки. На эти постройки потребовалось 30 000 рублей. В августе 1900 года городская бюджетная комиссия утвердила представленный архитектором проект и смету расходов. Определили и сроки окончания строительства - 1901 год.

Впрочем, через 13 лет новые помещения опять стали тесными и неудобными. Вот что писал об этом в 1912 году брандмейстер

самарского пожарного обоза в своем докладе городской Думе: "Пожарные части в Самаре построены очень давно... и по качеству имеющихся приспособлений не отвечают потребностям города... Жилые помещения (казармы) отстоят далеко от конюшен, а конюшни далеко от трубного сарая. Освещение конюшен недостаточное, лошади выводятся в трубный сарай в единственную дверь, а так как конюшни отстоят далеко от трубных сараев, то во время тревоги приходится бежать сначала за лошадьми в конюшню, а с ними возвращаться назад по тому же пути в трубный сарай. Лестницы в казармах узки и с массой поворотов, казармы тесные, станки для лошадей тесные, запряжка медленная, дужная. Даже при отличном обучении частей и превосходном знании ее чинами пожарного дела они лишаются возможности достаточно быстро прибывать на пожар, так как много времени требуется на бесцельную беготню и запряжку.

Каждая пожарная часть должна иметь свой отдельный двор и беспрепятственно заниматься учениями по пожарному делу, так как готовность людей к борьбе с огнем является первой необходимостью. Не должна пожарная команда отвлекаться на другие работы... Казармы должны быть светлые, сухие и теплые, расположены или непосредственно близ конюшен или же при трубном сарае. В казармах и у трубного сарая должна находиться комната с приемным аппаратом от пожароизвестителя. При казармах должны быть по крайней мере две ванны с теплыми душами. Конюшни должны непосредственно примыкать к трубному сараю, при том лошади должны стоять головами к трубному сараю, ...и иметь выход из стойла прямо перед собой. Сбруя должна висеть по обе стороны дышла, иметь раздвижные хомуты, причем постромки и вожжи продеты в кольца. Лошади должны стоять в уздечках. Из казарм в трубный сарай должны быть устроены спусковые шесты, по которым, по тревоге, люди могли бы спускаться в трубный сарай. Для этого делается обыкновенный деревянный шкаф без пола с отверстием в нижнем этаже. Посредине до пола нижнего этажа укрепляется шест в 3-4 вершка в диаметре, по которому люди спускаются, скользя вниз. Внизу постилагается мягкий круглый тюфяк, чтобы новички не разбивали ноги. Квартира брандмейстера должна быть на этом же дворе, но ни в коем случае не на верхнем этаже.

На дворе должны быть постройки: цейхгауз для мундирной одежды и сбруи, рукавов и запасных частей, сарай для дров, керосина и для установки ходов, амбар для овса, учебный городок (башня) с колонной для сушки рукавов и яма для мытья рукавов”.

В начале XX века были и другие обстоятельства, способствовавшие обострению пожарной обстановки в Самаре. Они не могли не вызывать тревоги у брандмейстера пожарного обоза. В первое десятилетие XX века город рос очень быстро. На окраине Самары в эти годы возникли рабочий поселок Мещанский и Солдатская слобода, а Засамарская слобода за то же время увеличилась вдвое. Все эти окраинные поселки и слободы были застроены в основном деревянными домами. Постоянных пожарных команд здесь не было, и разгул огненной стихии стал для этих кварталов настоящим бедствием.

Все это вынудило городские власти в 1906 году увеличить число районов в Самаре до пяти. При этом пятый район обслуживала третья пожарная часть, располагавшаяся на Воскресенской площади. В помощь ей была придана резервная пожарная часть, которую разместили в Солдатской слободе.

Пятый район города был самым большим и неблагоустроенным, и пожары здесь возникали чаще всего. В связи с этим городские власти наметили строительство нового здания для четвертой пожарной части в 45-ом квартале Мещанского поселка. Сразу же решили, что оно должно быть каменным, в три этажа, частично - с железными перекрытиями, с кровлей из оцинкованного железа и с паровым отоплением. В том же здании должна была разместиться и вторая полицейская часть. Предполагалось, что полицейские и пожарные должны были иметь собственные дворы с отдельными ходами. На строительство этого здания было отпущено 75 000 рублей, а размер выделенного для него земельного участка составил 483,9 квадратных саженей.

Автором проекта нового здания стал самарский архитектор Зельман Клейнерман, окончивший строительное училище в Санкт-Петербурге. По его проектам в городе было возведено немало зданий, до сих пор украшающих губернскую столицу. В их числе - дом Гринберга на углу улиц Самарской и Рабочей, синагога, дом Батюшковой (улица Алексея Толстого, 26), зда-

ние банка Общества взаимного кредита на улице Куйбышева, 93, и многие другие. Подряд на строительство здания для пожарной и полицейской частей получил техник-строитель Г. Мошков, выходец из крестьян села Виловатое, который работал на различных стройках и учился у городского архитектора А. Щербачева.

Однако почти сразу же начались трудности. Сначала встала непредвиденная проблема откачки грунтовых вод, потом Мошкова неожиданно призвали на военную службу. Сроки строительства затягивались. Правда, жена Мошкова Мария, которой передали подряд на строительство, для ускорения работ наняла опытных десятников. Затем из-за строящегося здания в городе произошел скандал, который чуть было не закончился выражением недоверия всей городской управе. Все началось с того, что гласный городской Думы Е. Зубчанинов опубликовал в местной газете открытое письмо, в котором поднял вопрос о недоброкачественности материалов, доставленных на стройплощадку. Управа немедленно созвала строительную комиссию для осмотра материалов и всей стройки, в нее пригласили даже инженеров Самарско-Златоустовской железной дороги. Комиссия проверила все строительные припасы и даже взломала в некоторых местах уже готовую кладку, чтобы проверить, есть ли в ней бракованный кирпич. В итоге решили, что и качество закупленных стройматериалов, и качество кладки вполне удовлетворительное, а потому для разрыва договора с подрядчиком нет никаких оснований.

В сентябре 1914 года в связи с началом первой мировой войны вообще встал вопрос о консервации строительства. Однако городская управа все-таки решила завершить начатое, несмотря даже на рост цен на лес и металл. И уже к концу 1914 года самарская фирма “Поволжье” начала монтаж системы парового отопления в здании. Однако в комнатах для семейных пожарных из-за нехватки средств все-таки решили ставить более простые для тех лет печи.

Строительство нового здания завершилось 31 декабря 1914 года, причем городская комиссия приняла его с оценкой “хорошо”, хотя в акте приемки и было отмечено, что “здание нештукатуренное”. Тем не менее других недостатков члены комиссии

не обнаружили. Ныне это кирпичное здание является памятником архитектуры общегородского значения и находится на территории Мичуринского микрорайона, на улице Пролетарской. Как отмечалось в документах начала XX века, его фасады решены в “кирпичном стиле”, выразительность построек достигнута методом рельефной кладки, а узор выделен пластикой материала и светом. К слову сказать, такое решение соответствовало архитектурным концепциям того времени: в те годы специалисты были уверены, что при нашем климате кирпичная облицовка обладает большей прочностью.

В 1916 году брандмейстером четвертой пожарной части был назначен Михаил Романов, и под его началом служил 21 человек.

Особо следует рассказать о пожарных частях такого весьма обособленного района нашего города, как Засамарская слобода (ныне - Куйбышевский район Самары). Наиболее остро вопрос о противопожарном обеспечении этой окраины встал перед городскими властями после 22 апреля 1888 года, когда в Засамарской слободе случился крупный пожар. Сгорело шесть домов, в которых жили бедные люди, лишившиеся в итоге последнего имущества. Но были при тушении и другие трудности: как раз начался весенний разлив, и все работали, стоя по колено в ледяной воде.

Для тушения этого пожара власти задействовали рабочих местного ночлежного дома, которых попросили о помощи от имени городского головы П.В. Алабина. При этом представитель управы пообещал, что каждому выдадут за содействие по 20 копеек. Разумеется, все сразу же бросились на тушение пламени, будучи твердо уверенными, что их и в самом деле вознаградят. Однако после того, как пожар был подавлен, выяснилось, что такой суммы наличных денег городская казна выделить не может. Компромисс все-таки был найден: рабочих из ночлежного дома три дня подряд бесплатно кормили праздничными обедами, так как пожар случился накануне очередного государственного торжества. Впоследствии был решен и вопрос о материальной помощи погорельцам из Засамарской слободы: Дума выделила им 500 рублей.

Этот случай подтолкнул городские власти к формированию

в слободе резервной пожарной части. Однако она работала только в “летнем” режиме, а с ноября по март распускалась. Так продолжалось вплоть до 1903 года, когда Засамарская слобода была подключена к городскому водопроводу. Теперь местные пожарные могли самостоятельно вести борьбу с огнем и не зависеть при этом от частей, расположенных в городе за рекой. В результате 28 октября 1903 года самарский полицмейстер в своем письме в городскую управу попросил сделать пожарный резерв Засамарской слободы самостоятельным отделением городской пожарной службы со штатом 16 человек, в распоряжение которых предлагалось выделить 10 лошадей.

Уже в ноябре управа сделала доклад городской Думе о необходимости открытия в Засамарской слободе самостоятельного отделения городской пожарной команды, работающей в круглогодичном режиме. Во-первых, говорилось в докладе, хотя в слободе теперь и есть водопровод, но все равно в случае огненного происшествия в зимний период при отсутствии профессиональных пожарных управлять подачей воды в очаг пожара будет некому, и в итоге слободские жители могут остаться в беспомощном положении.

Во-вторых, сообщил докладчик, плашкоутный мост, соединяющий город со слободой, в отдельные сезоны года бывает ненадежен. В частности, он напомнил, что гласные Думы совсем недавно были свидетелями, как весной 1903 года во время сильного ледохода мост просто разорвало пополам. Из-за чего сообщение слободы с городом на некоторое время прервалось.

В-третьих, городская управа считала, что введение круглогодичного режима работы для здешней пожарной части необходимо еще и потому, что значительная часть строений, принадлежащих слободским жителям, застрахована в местном обществе взаимного от огня страхования имуществ. А председатель городской бюджетной комиссии А.М. Михайлов в своем докладе сказал, что “...слобода не обеспечена даже и зимою, потому что каждый знает, что проехать из города туда возможно не везде, а только между амбарами, через переезд железнодорожной ветки, против моста. Каждый из нас знает, что не только Хлебная площадь, но и проезды между амбарами бывают так запружены, что только с большим трудом возможно бывает про-

браться. А так как при возникновении пожаров дорога каждая минута, то совершенно понятно, что лучшая и скорая помощь может быть дана учреждаемым там пожарным постом. Поэтому бюджетная комиссия находит учреждение там постоянного пункта необходимым, а расход на это в сумме 914 рублей, в виду важности дела, необременительным”.

Несмотря на резкие выступления некоторых гласных против открытия пожарной части в слободе, городская Дума все же согласилась с докладом городской управы и признала необходимым создание постоянного пожарного подразделения за рекой Самарой. И вот с 1903 года в Засамарской слободе начала свою работу пятая городская пожарная часть.

Здесьняя пожарная команда к тому времени уже имела свое помещение, однако его площадей для нормальной работы было явно недостаточно. Для нужд огнеборцев пришлось срочно снимать соседний дом за 10 рублей в месяц. Этот одноэтажный флигель в то время принадлежал крестьянину Поликарпу Акинину. Пожарной команде он сдавал свое владение в течение нескольких лет, пока для нее не построили рядом еще одно здание.

Тогда же была создана и резервная пожарная часть в поселке Новый Оренбург, которая действовала только шесть месяцев в году: с апреля по сентябрь.

Теперь - о жаловании, материальном обеспечении и социальной поддержке, которые в разные годы получали самарские пожарные. Как уже говорилось, в 1841 году императорским указом был утвержден штат Самарской полиции из 78 человек, в том числе трех унтер-офицеров, 34 полицейских служителей и будочников, а также 25 пожарных служителей. Тогда же был утвержден и оклад годового жалованья серебром всему штату: полицмейстеру – 286 рублей, частному приставу – 171 рубль 60 копеек, квартальному надзирателю - 100 рублей, брандмейстеру - 100 рублей, унтер-офицеру - 6 рублей 86 копеек, полицейскому служителю - 3 рубля 43 копейки, пожарному служителю - 3 рубля 43 копейки. Правда, в 1851 году, после увеличения штата городской полиции, выросло также и годовое жалованье нижних чинов. С того времени полицейский служитель стал получать в год пять рублей, а пожарный - целых шесть.

Кроме того, каждому рядовому бойцу выделяли на обмунди-

рование и провиант еще по 24 рубля в год. Мундир пожарного служителя в то время стоил три рубля и выдавался на два года. Шинель из серого крестьянского сукна стоимостью 4 рубля 64 копейки обновлялась раз в четыре года, как и полушубок рядового пожарного. Еще в вещевое довольствие простого огнеборца того времени входили три рубахи из холста, которым было положено служить один год. Полусапоги выдавались на каждый год по две пары, и каждая стоила 1 рубль 14 копеек. Нижнему чину полагались также бесплатные китель, ремень, панталоны, фуражка, шапка и рукавицы. Из провианта за казенный счет выдавали муку, крупу и некоторые другие товары.

Обычно пожарные служители в середине XIX века жили в специально нанятых для них домах, а в последующие годы - в служебных квартирах при пожарных частях. При этом холостых размещали отдельно от женатых. Дома в те годы отапливались русскими и голландскими печами, а начальство могло себе позволить и устройство в квартире камина. Освещались же дома стеариновыми свечами. Вплоть до 1880-х годов даже пожарные каланчи освещались только свечами, а немного позже - керосиновыми лампами. И лишь в начале XX века для этих целей стало применяться электричество.

К 1868 году пожарные команды перестали формировать из рекрутов, призываемых на военную службу. Солдат заменили местные вольнонаемные граждане, вследствие чего и все дела по управлению этими командами были сосредоточены в городских общественных управлениях. С того времени единственным непосредственным начальником пожарных стал местный полицмейстер.

Со временем организация пожарных команд и пожарного обоза все более совершенствовалась, а социальная поддержка работников огненной профессии улучшалась. В 1877 году распоряжаться пожарным обозом в Самаре стала городская Дума. Из числа своих гласных она стала избирать заведующего этим хозяйством. В конце столетия Дума добилась, чтобы пожарные служители, получившие травмы при тушении пожаров, стали лечиться в губернской земской больнице на средства городского общества. По смете Самарской городской думы на 1898 год на страхование и лечение пожарных было ассигновано 610 руб-

лей 30 копеек. В последующие годы эта сумма постоянно увеличивалась.

Городская пожарная команда в это же время была разделена на несколько отрядов. Так, появился отряд водоснабжения, призванный заботиться о своевременной доставке воды на место пожара, а также заведующий бочками, насосом, ведрами и прочими принадлежностями. Был и трубный отряд, который непосредственно направлял воду на горящее здание и распоряжался пожарными трубами и поливными рукавами. В пожарной команде Самары имелся также лестничный отряд, работники которого по приставным лестницам в случае необходимости быстро взбирались на чердаки, крыши и верхние этажи здания. Одновременно с ними действовал топорный отряд, который ломami, баграми, топорами и прочими инструментами разбирал и очищал горящее здание. Наконец, отряд охранителей ограждал места пожара от толпы и следил за сохранностью имущества, спасенного из горящих строений.

В конце XIX века самарская пожарная команда подчинялась брандмейстеру, а он - начальнику городской полиции. При этом полицмейстер мог в любое время поднять пожарных по внезапной учебной тревоге, произвести осмотр команды, и сообщить о результатах городской управе. Впрочем, и высшие чины управы имели возможность инспектировать пожарную команду. Они регулярно проводили внезапные осмотры обоза.

Многочисленные проверяющие инстанции вносили неразбериху в деятельность пожарных, создавали ненужную нервность. Именно поэтому в начале XX века самарская городская власть решила вывести огнеборцев из подчинения полиции. Для этого 20 марта 1908 года Самарская управа через губернатора возбудила ходатайство перед российским министром внутренних дел о переименовании самарской пожарной команды из полицейской в городскую. Прошение было удовлетворено: 5 мая 1910 года Главное Управление МВД утвердило временные правила самарской городской пожарной команды и ее штатное расписание.

На основе этого документа Самарская управа составила инструкцию "О порядке заведывания пожарной командой в хозяйственном и административном отношениях и дисциплинар-

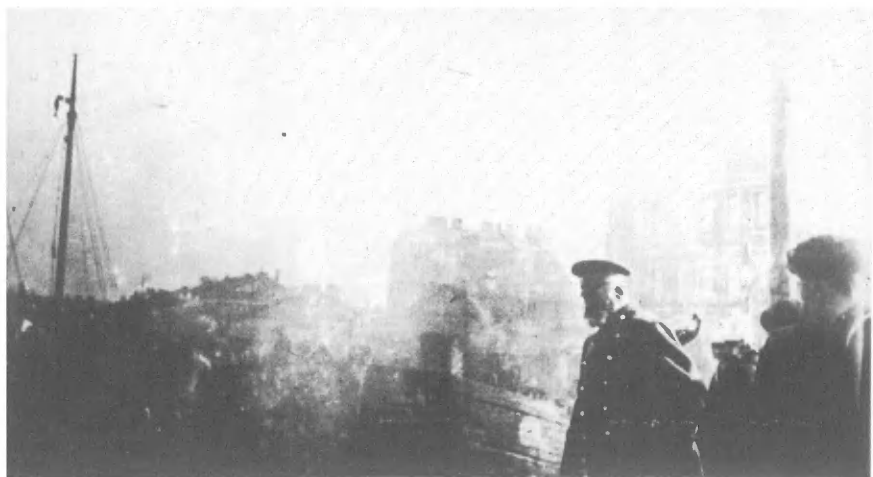
Площадь Революции.

Улица Молодогвардейская.

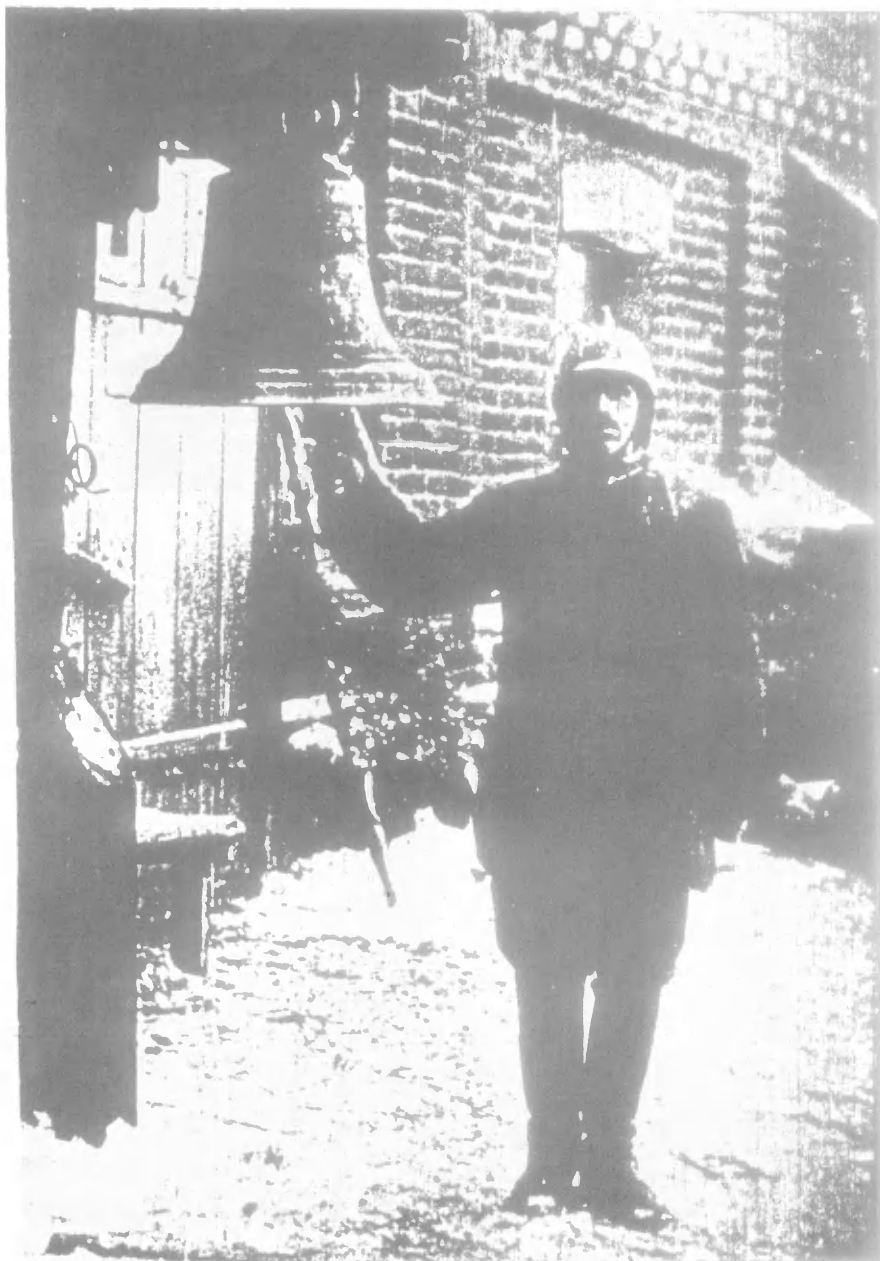
Тушение пожара на набережной.

Брандмейстер на пожаре.

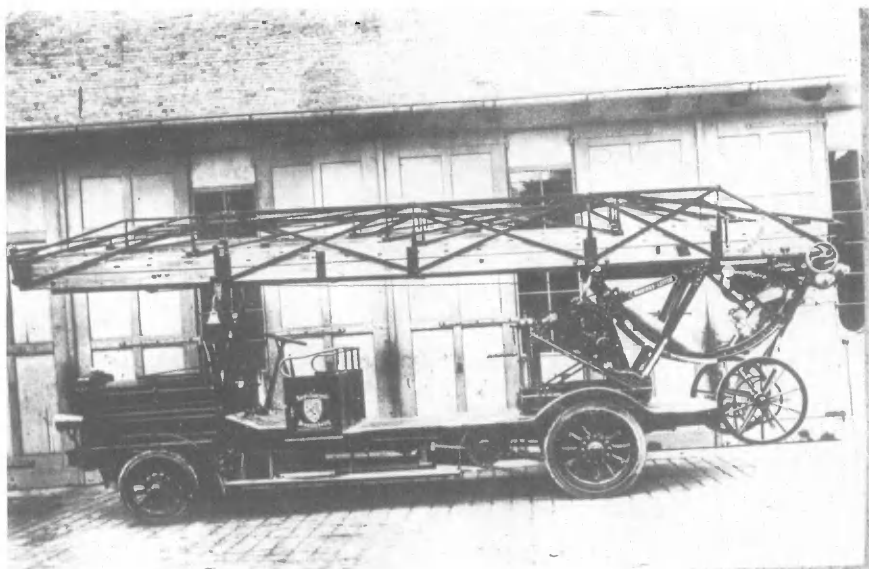
г. Самара, ул. Пушкина (ныне Чернореченская).
Пожарная часть №4. 1916 г.

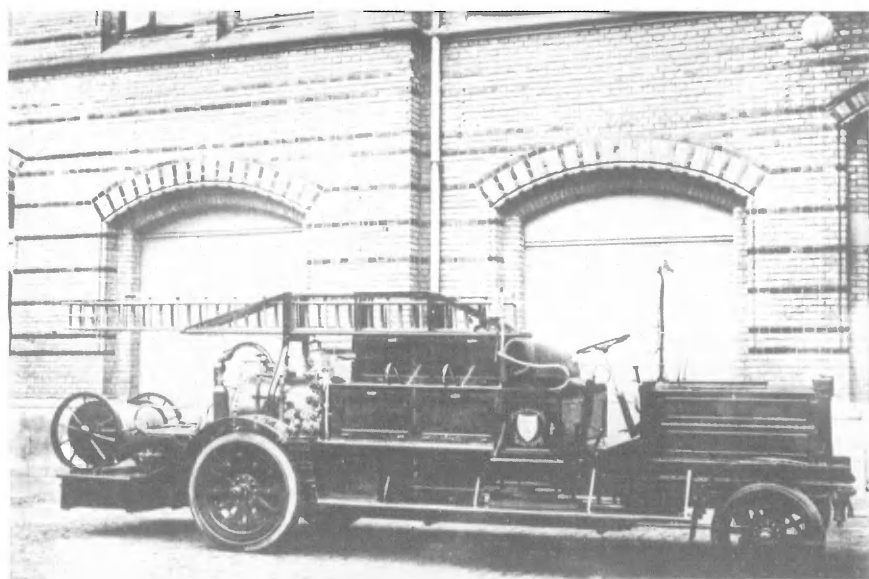
г. Самара, ул. Садовая. Пожарная часть № 2 (ныне ПЧ-3).

Выезд пожарной команды. г. Самара, 1914 г.

г. Самара. Механическая автолестница. 1898 г.

г. Самара. Авто-насос на 2-тонном шасси «Паккард». 1898 г.

г. Самара. Выезд пожарной команды.

г. Самара. Пожарный автомобиль. 1916 г.

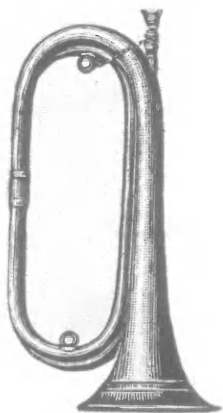

Акт.

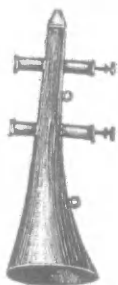
1891 года Июль 15го дня. Младший Учитель Яковлевский
в присутствии вкормленного Наблюдателя 1го эта-
жи 9. Самары. Потуровы проведены осмотр по-
стройкой дома ссиданки (Аксинья Архиповна) в-
справочной, по Выборной улице и наемки, ссидур-
ций отечественной от наемки, утвержденной Со-
ветом Правой. Домик наемки в длину 7 саж.
считая крышу бесш. первый этаж на ссидур-
ку барочной ссиды, обшитой кирпичом, второй
этаж деревянный, со ссидуркой вкоре по длине
дома присоединен деревянный галерея, крытая, на
ружественной оть брагмашевы 1/3 саж. Галерея
по ширине Сидуровской возведена на 4 саж. в ши-
рину и 1.4 саж. в высоту, без ссидурки; брагмаше-
ров тес, изюмнический в ширине в ссидурку дома
со ссидуркой по ширине, от Сидурки, вкоре не
существует. Младший Учитель М. Яковлевский.
Окормитель Наблюдателя Исаи пр. Самары Метр.

При осмотре постройки пометками Дома
Сидуровской Младший Учитель Потуров, Метр
Антонов и ссидуркой пометками Младший Учитель
Потуров

Акт о нарушении строительного устава. 1891 г.

Фиг. 258

Фиг. 259

Фиг. 260

Фиг. 261

Фиг. 262

Фиг. 263

Фиг. 264

Фиг. 258. **Труба** сигнальная для трубачей в тоне Дес и Эс, медная.

Фиг. 259. **Рожок** медный, с роговым мундштуком и пищиком, 3-тонный.

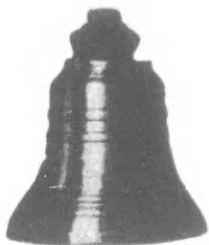
Фиг. 260. То же 2-тонный.

Фиг. 261. **Рожок железнодорожного типа**, с роговым мундштуком и пищиком.

Фиг. 262. **Свисток-дудка**, металлический, никелированный, с сильным **резким** звуком.

Фиг. 263. **Свисток** роговой, с сильной трелью.

Фиг. 264. То же металлический.

Фиг. 265

Фиг. 266

Фиг. 265. **Колокол** сигнальный, медный с серебром, весом от 10 фунтов (4 клгр.) до 3 пуд. (48 клгр.).

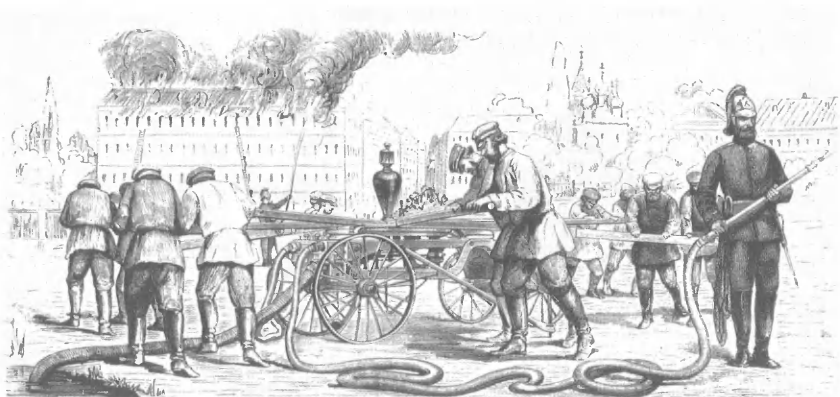
Фиг. 266. **Звонок „Тирольский“** для электрической сигнализации.

Конно-приводная пожарная труба.

Выезд на пожаръ.

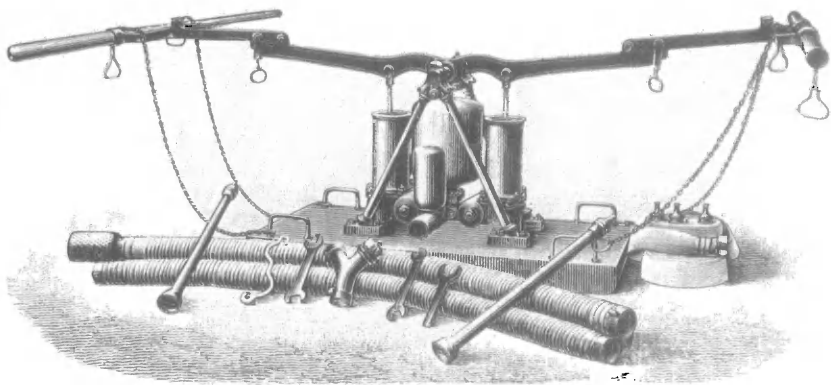

Качаніе людьми.

Городская пожарная труба.

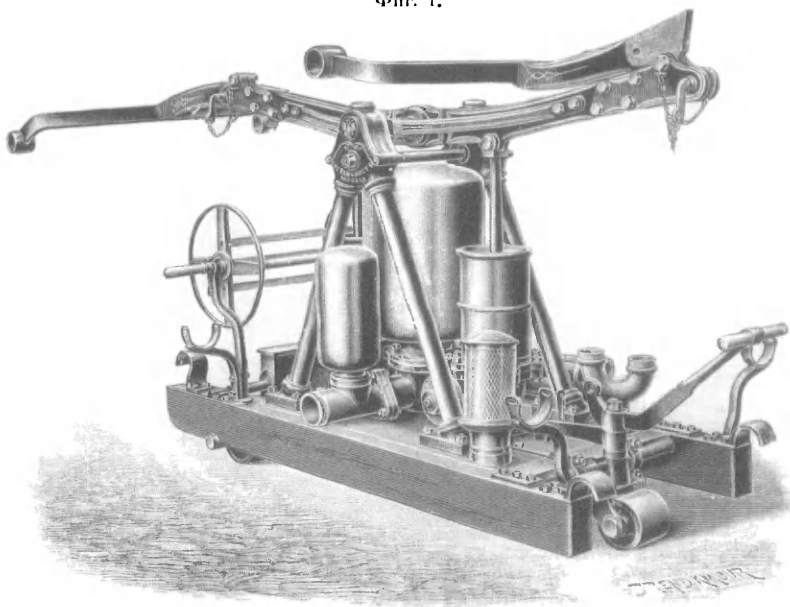
Фиг. 6.

Крѣпостная пожарная труба.

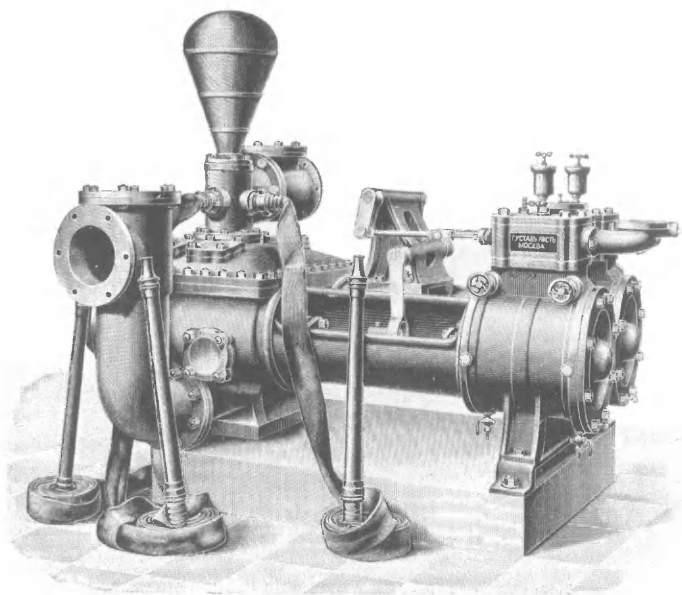
Телеграфное названіе—Крѣпостанъ (Krjepostan).

Фиг. 1.

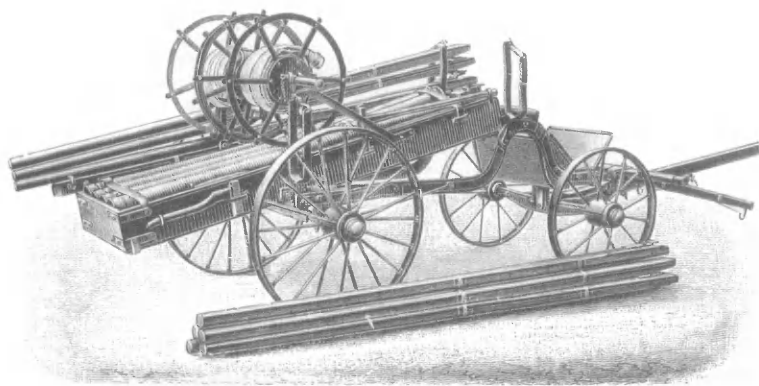
Паровые насосы системы „Вортингтонъ“ пожарнаго типа.

Реквизитная тельга

къ конно-приводной пожарной трубѣ.

Телеграфное названіе—Реквизо (Requiso).

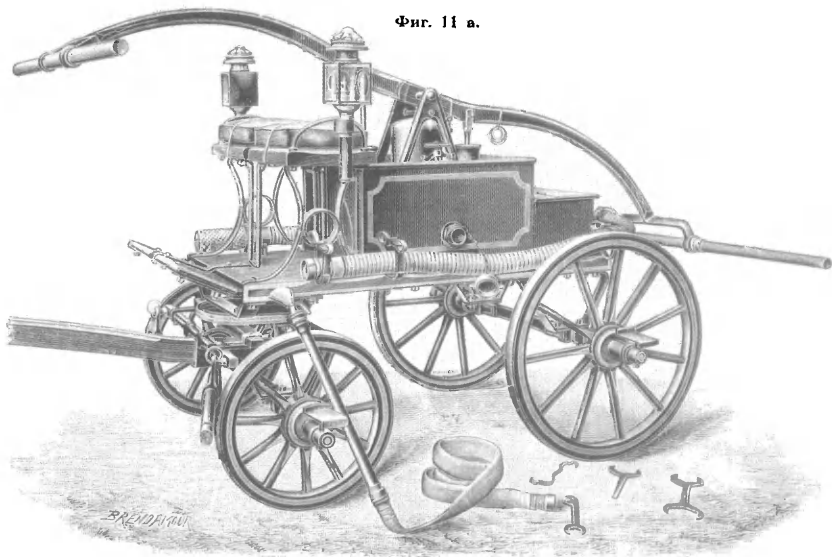

Несъемныя пожарныя трубы

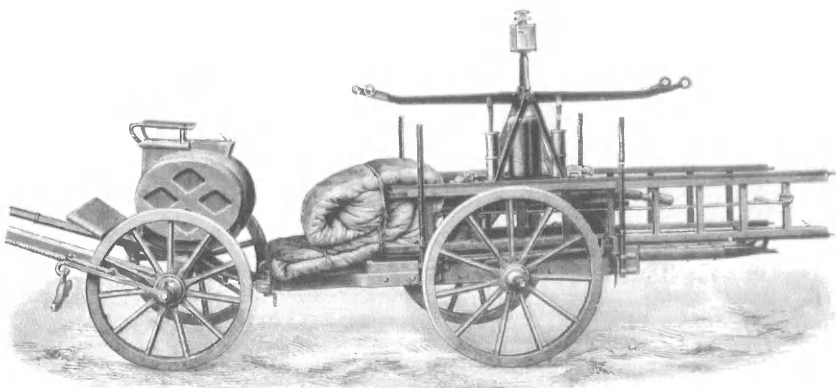
съ наливнымъ ящикомъ на четырехколесномъ ходу.

Фиг. 11 а.

Сельскій пожарный обозъ.

Телеграфное название—Обозъ (Obog).

МОСКОВСКОЕ АКЦ. ОБЩ. МЕТАЛ-

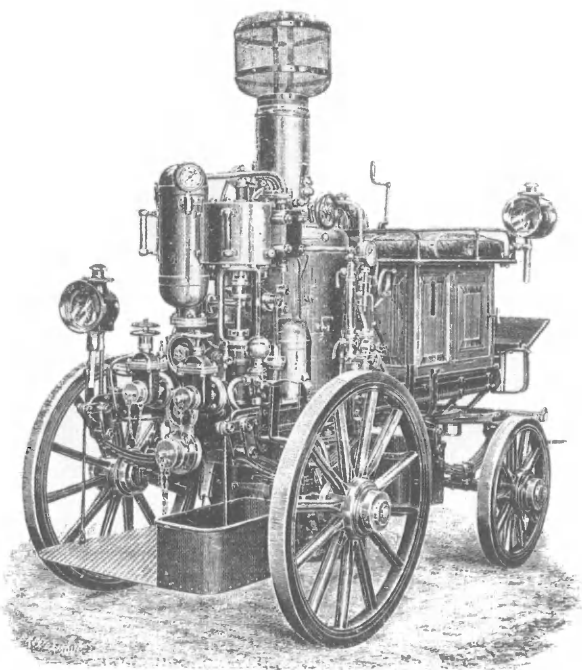
ЛИЧЕСКОЙ ПРОМ. И ТОРГОВЛИ

ПАРОВАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

Конструкции паровых пожарных труб разных систем в основном тождественны и отличаются друг от друга только некоторыми незначительными мелкими приспособлениями. Каждая паровая труба любой системы состоит из:

- 1) трубчатого котла, емкостью 6—8 ведер воды,
- 2) насоса, имеющего 1—2 пары цилиндров, из которых одна пара паровая, а другая — водяная, и
- 3) воздушного колпака.

Паровые пожарные трубы бывают горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные более не вырабатываются, т.-к. при работе они дают движение ходу, благодаря чему быстрее изнашиваются рукава. Паровые пожарные трубы при полном ходе могут развивать давление до 15 атмосфер в рукавах.

Фиг. 14

Фиг. 14 изображает общий тип паровых пожарных труб.

РАЗМЕРЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

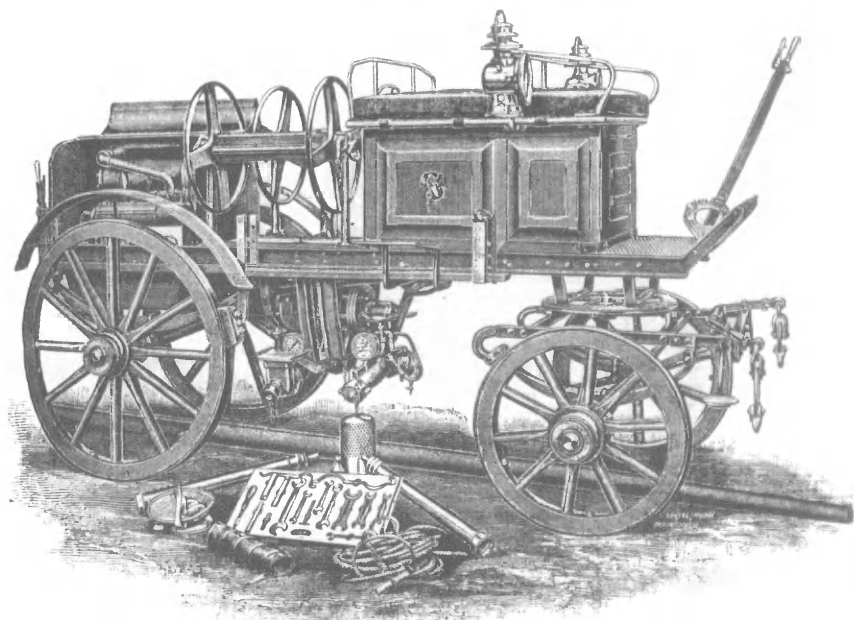
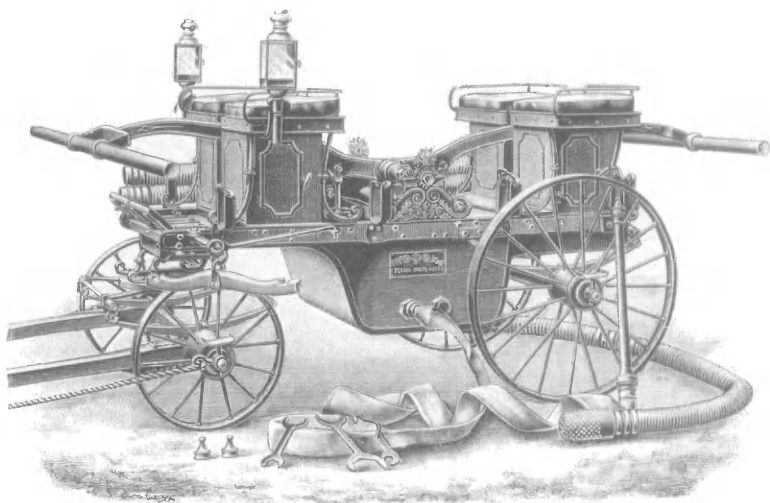
1" = 24,5 м/м 1 ведро = 12,5 литр.

Кол-во лошадиных сил	Количество цилиндров		Диаметры цилиндров		Ход поршня	Число ходов	Диаметр рукавов		Производит. в минуту	Длина струи	Вес
	Паровых	Водяных	Паровых	Водяных			Приемн.	Выкидные			
40 HP	3	3	6 1/4"	6 1/8"	6"	210	4"	2"	180 в.	65 м.	140 п.
25 HP	2	2	8"	7"	5"	120	4"	2"	120 "	65 "	115 "
15 HP	2	2	6"	5 1/4"	4"	135	3"	2"	60 "	54 "	95 "

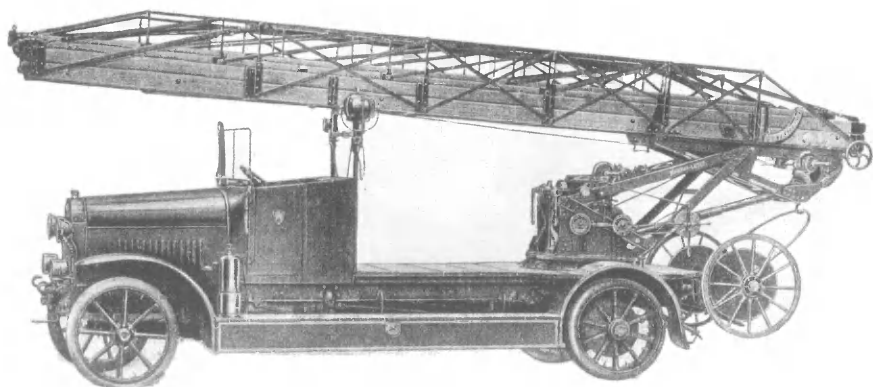
Городскія и заводскія пожарныя трубы.

Фиг. 2.

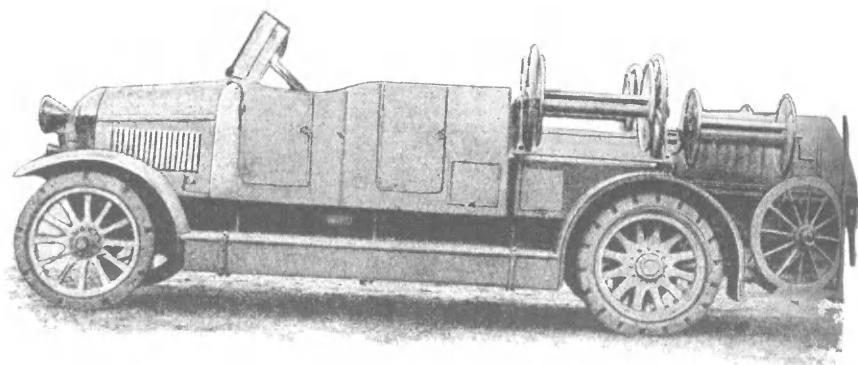

МЕХАНИЧЕСКАЯ АВТО-ЛЕСТНИЦА

Изготавливаются 4-х и 5-коленные, полезной высотой от 22 до 36 метров.

Пожарный автомобиль с отъемной бензино-моторной пожарной трубой на 2-колесном ходу.

Васки всякого рода!
 пояса, топоры, веревки, асбестовые факелы
 и фонари, спасательные приборы, лестницы и т. п.
 Прорезиненные рукава — высшего качества!
 Полное снаряжение новорусских пожарных дружин.
 Носильный Бензито — моторная пожарная труба
 Автомобильная пожарная труба, паровая
 ручная пожарная труба. — Пожарная
 труба, действующая жидкой угле-
 кислотой!

**! Самые дешевые цены!
 ! Гарантия!**
 — Специальность в течение 39 лет. —

Юго Термак Мейер
 в Риге.

Фирма основана в 1873 году.

Тарри Реймак, Рига.
 Телефон 3630. Тел. адр.: „Рейма“, Рига. Почт. ящ. 485.
 Главное представительство
 фабрики пеньковых рукавов
 „Р. А. Кёлер“, Москва.
 Главное представительство для всей России
Акц. О-ва Отто Эрбе, Рига
 на пожарные инструменты:
 багры, ломы, воротки для ломки замков,
 двухлапчатые ломовые крюки, топоры и пр.
 Полное снаряжение пожарных команд, как-то:
 Команья, медные и никелевые каски всякого
 образца. Команья и тесемчатые пояса, пере-
 движные карабиновые крюки,
 спасательные веревки, асбестовые факелы
 и фонари.
 Штурмовые и механические раздвижные лестницы, дымовые
 и спасательные аппараты.
 Прорезиненные пеньковые рукава.
 „Ллойд“ бензино-моторные пожарные трубы и „Ллойд“ пожарные
 автомобили (Съём-Германского автомобильного и
 моторного акц. о-ва в Бремене).
 Двух- и четырехколесные паровые пожарные трубы.
 Патентованные ручные трубы „Триумф“, снима-
 емые и складываемые одним человеком.

Полная гарантия!
 Сметы бесплатно.

**Benzin-Motoren
 Latrinen-Luftpumpe mit Petroleum-Motor**

Einzigste, leistungsfähigste, dauerhafte Konstruktion.
 Keine Betriebskosten.
 Keine Wartungskosten.
 Keine Reparaturkosten.
 Keine Versicherungskosten.
 Keine Steuern.

Gewährte Leistung:
 1. Zehn Pferde, 1000 oder 1200.
 2. Zwei Pferde, 1000 oder 1200.
 3. Zwei Pferde, 1000 oder 1200.
 4. Zwei Pferde, 1000 oder 1200.

D. R. Patent angemeldet. Musterrecht.

Complete Einrichtung für Latrinen-Entleerung:
 Tonnen-Wagen, Schlauch-Wagen, Schläuche etc.

Motorenfabrik Mühlhausen i. Thür.
 AD. SEYBEL
 Schloßpumpen für Haus- & Pumpstationen

ПОЖАРНЫЕ АВТОМОБИЛИ
 Акц. О-ва Северо-Германского завода

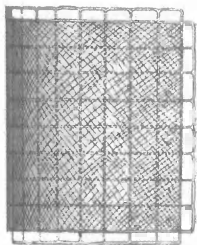
„ЛЛОЙД“
 в БРЕМЕНЕ

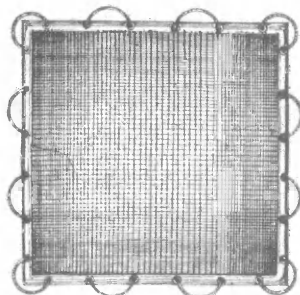
**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
 Т. Д. „БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“.**
 МОСКВА
 Немецкая улица — (Китайский городок)
 Которая тел. 318 — Гаражь тел. 11960.

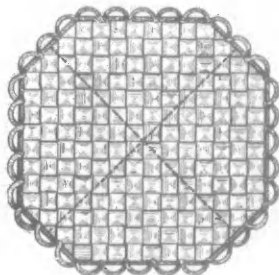
г. Самара. 1890 г.

Фиг. 164

Фиг. 165

Фиг. 165a

ПОЛОТНА СПАСАТЕЛЬНЫЕ

Фиг. 164. Сетка спасательная, размером $3,5 \times 3,5$ метр. из прочных веревок с веревочными или кожными рукоятками, для предотвращения увечья прыгающих из окон верхних этажей людей.

Фиг. 165. Полотно спасательное для той же цели из прочной парусиновой или брезентовой ткани, вделанное в канатную раму, с кожными и металлическими прокладками в местах прохождения плетеных веревочных или кожных рукояток. Швы двойные. Это полотно не вытягивается от употребления. Изготавливаются размером $3,5 \times 3,5$ и 4×4 метр.

Фиг. 165a. Восьмиугольное спасательное полотно берлинской модели из лучшего парусного полотна, вделанное в канатную раму с плетеными надежными рукоятками, с частыми канатными подхватами. Преимущество этой формы перед 4-угольной — в равномерном натяжении и одинаковом усилии требующемся при этом.

Фиг. 166

РУКАВ СПАСАТЕЛЬНЫЙ

Фиг. 166. Рукав спасательный из одного цельного куска льняной ткани, с 1 — 3 лазами, обшитыми кожей, с ремнями и пряжками, с прицепом на верхнем конце в виде двух стальных крюков и кожными рукоятками на нижнем конце.

Фиг. 184

Фиг. 185

Фиг. 186

Фиг. 187

АСБЕСТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Фиг. 184. Зонт-щит, асбестовый, со слюдовым смотровым окном в медной оправе, складной, для надевания на брандспойт. Под защитой этого зонта ствольщик имеет возможность ближе подойти к огню.

Фиг. 185. Капюшон асбестовый со слюдовым смотровым люком в медной оправе, для надевания на каску.

Фиг. 186. Рукавницы асбестовые.

Фиг. 187. Костюм асбестовый для защиты от огня.

Фиг. 178

Фиг. 179

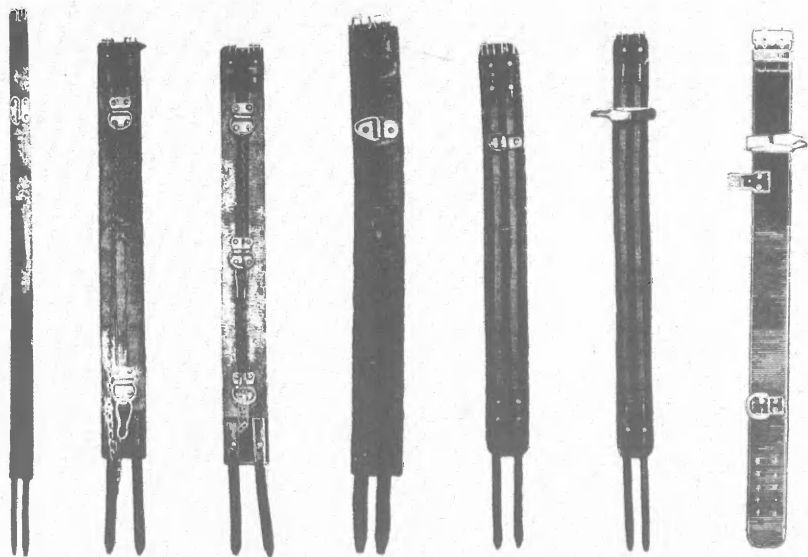

Фиг. 180

Фиг. 178. Вуаль (сетка) „Винклера“, для защиты лица от пламени и жара, из джутовых или бумажных ниток, пропитанных особым составом, делающим сетку негорючей.

Фиг. 179. Назатыльник брезентовый для защиты шеи от искр и пламени.

Фиг. 180. Шлем вязанный, шерстяной для надевания под каску в зимнее время.

Фиг. 154

Фиг. 154а

Фиг. 154б

Фиг. 155

Фиг. 156

Фиг. 156а

Фиг. 156б

ПОЯСА

Фиг. 154. Пояс спасательный из серой пеньковой тесьмы или пенькового рукава, шириною 85 м/м. с двумя пряжками и кольцом для карабина.

Фиг. 154а. Пояс для телеграфных работ из пенькового двойного рукава, шириною 105 м/м., прошитый кожей, с 2-мя кольцами, цепью и карабином, особо прочный.

Фиг. 154б. То же, но с 3-мя кольцами.

Фиг. 155. Пояс спасательный, образца фабрично-заводских и добровольных команд из черной льняной тесьмы, шириною 110 м/м., с 2-мя красными или синими полосами, с двумя пряжками и кольцом для карабина.

Фиг. 156. Пояс спасательный, московского образца, из черной льняной тесьмы, шириною 90 м/м., высшего качества, с 2-мя красными или синими полосами, с двумя пряжками и кольцом для карабина, на подкладке, обшитый кожей. Эти пояса делаются для комсостава с никелированными приборами, обшитые лаковой кожей и на кожаной подкладке.

Фиг. 156а. Пояс типа фиг. 156, но с берлинским карабином.

Фиг. 156б. Пояс кожаный, шириною 85 м/м., с одной большой пряжкой, берлинским карабином, кольцом и кожаной штрипкой для подвешивания кабура с топором.

План г. Самары. 1903 г.

Алабин Петр Владимирович - Самарский городской голова (с 1885 по 1891 г.).

Аннаев Егор Никитич, купец 1-й гильдии.

Грот Константин Карлович, Самарский губернатор
(с 1853 по 1860 г.).

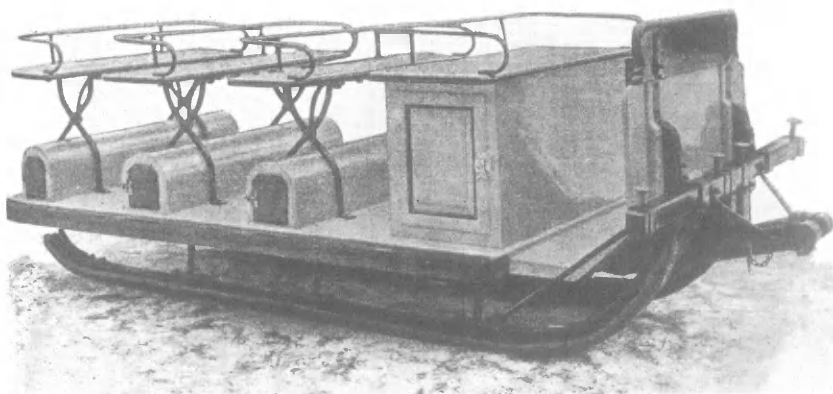
г. Самара. Железнодорожный вокзал. Фото 1910 г.

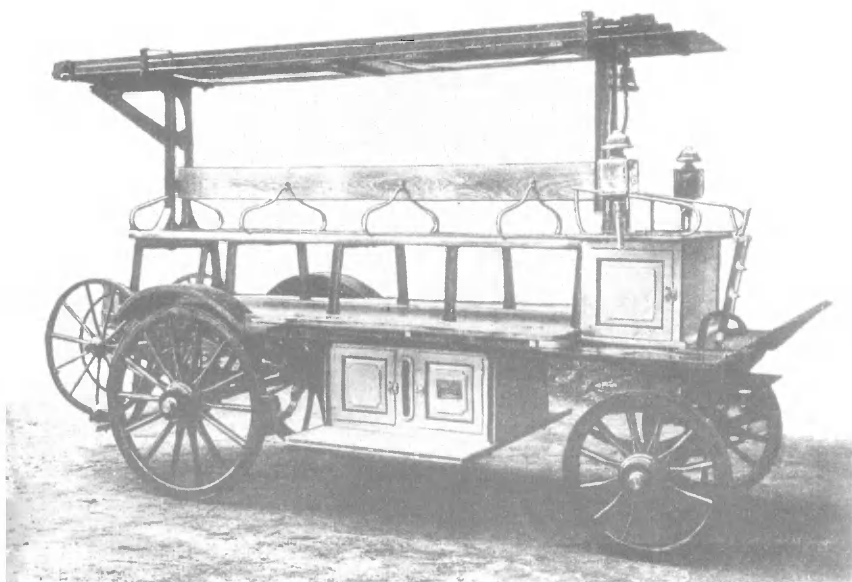

ПЛАН
ГОРОДА САМАРЫ
СЪ УКАЗАНИЕМЪ
ПОЛНОЙ СѢТИ ВОДОВОДНЫХЪ ТРУБЪ
ПО ПРОЕКТУ
ИНЖЕНЕРА Н. П. ЗИМИНА.

Линейка пожарная зимняя на 14 человек команды с ящиками для ломов и мелкого инструмента.

Линейка пожарная с сиденьями для 8 человек команды и съемной катушкой на 2-х колесах для 250-300 метров рукава, с 3 ящиками для инструментов.

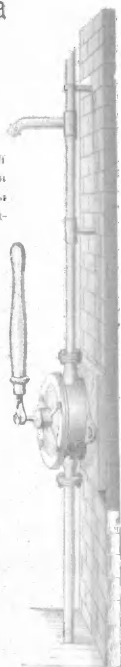
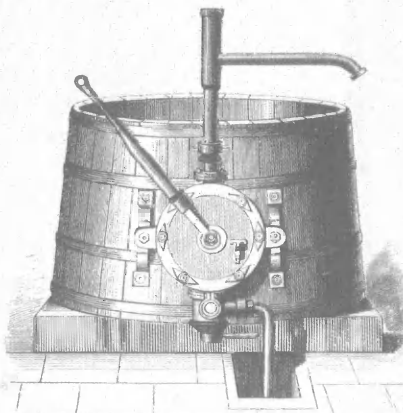
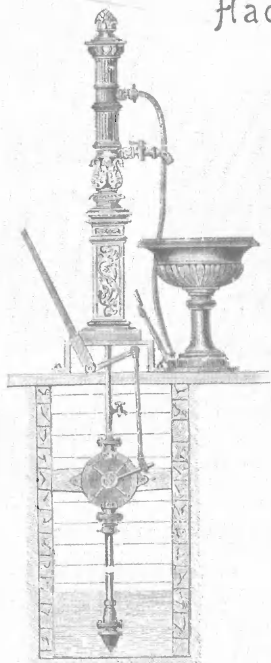

Насосы системы Альвейлера двойного действия.

Преимущества этих насосов следующие:

- 1) прочность,
- 2) легкое качание и
- 3) простая конструкция.

Эти насосы могут служить для разнообразных целей во всех отраслях промышленности, а именно: для качания воды, пива, вина, сирота, керосина, нефти и пр. Качаны сделаны из бронзы, а потому можно качать и горючую жидкость. Установка этих насосов самая простая.

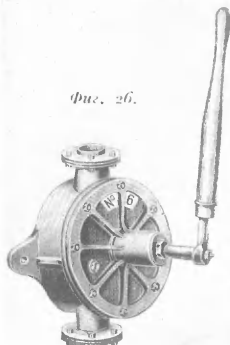
Эти насосы особенно пригодны для домашних водопроводов и для поливки огородов и садов.

Размеры, производительность и цены.

Телеграфное название.	Номер насоса.	Диаметр трубы.	Наибольшее количество ведер воды в час.	Цена в Москв.	Telegraphen schüssel Code word Ciel telegraphique.
Альваро . .	0	1 1/2"	90	12 р. — к.	Alvaro.
Альгамо . .	1	1 3/4"	150	13 " — "	Algamo.
Альдосо . .	2	1"	180	15 " — "	Aldoso.
Алькедо . .	3	1 1/2"	270	18 " — "	Alkedo.
Альмико . .	4	1 3/4"	330	23 " — "	Almiko.
Альморо . .	5	1 1/2"	350	27 " — "	Almoro.
Альнифо . .	6	1 1/2"	530	33 " — "	Alnifo.
Альпато . .	7	2"	800	42 " — "	Alpato.
Альроко . .	8	2"	900	50 " — "	Alroko.
Альфо . .	9	2 1/2"	1000	65 " — "	Alfo.
Альбидо . .	10	3"	1200	90 " — "	Albido.

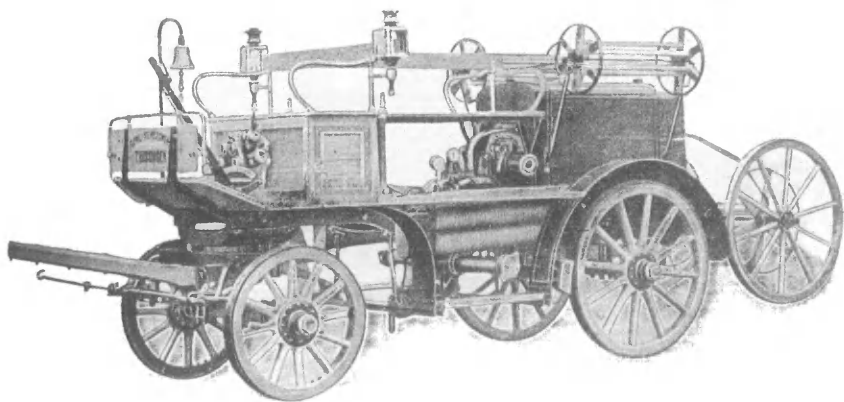
Принимаемые клапаны, воздушные колпаки и трубы к этим насосам считаются отдельно.

Фиг. 26.

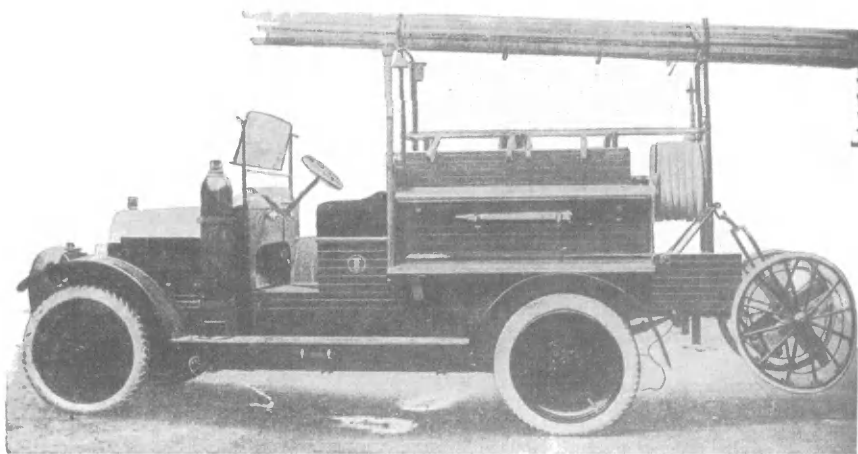

Фиг. 26

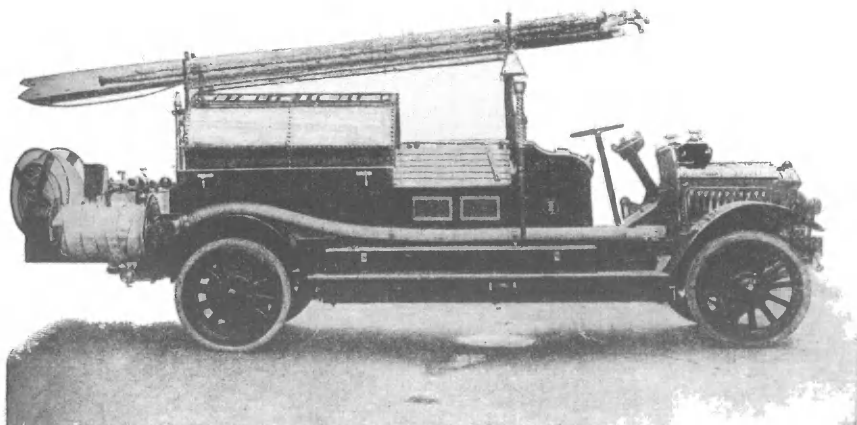

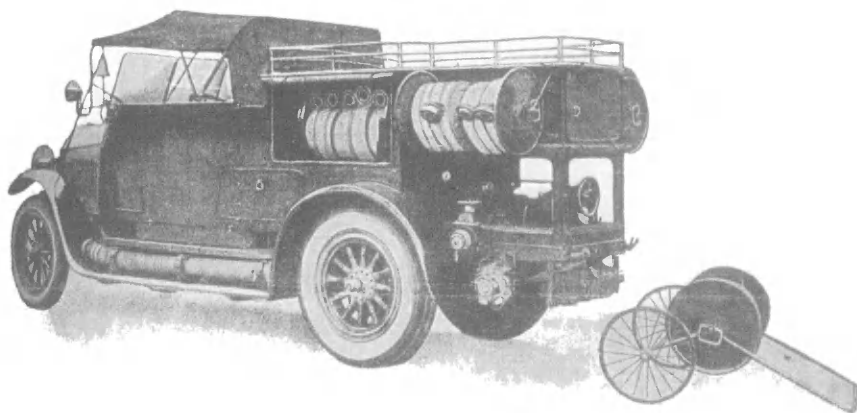
Бензино-моторная труба на 4-колесном ходу, проводимостью в 800 литров (65 вед.) в мин., с сиденьями для 8 человек команды.

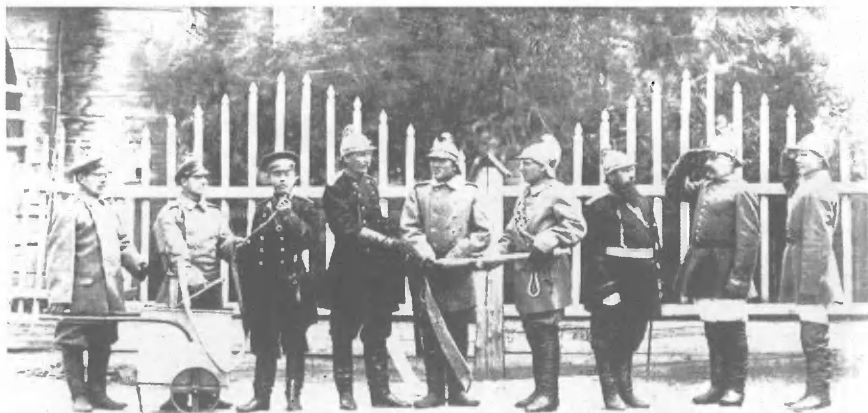
Пожарный автомобиль (Газшпритц) с баком воды на 30 ведер. Сиденья на 10 человек команды, 1 съемная катушка для 140 метров выкидного рукава.

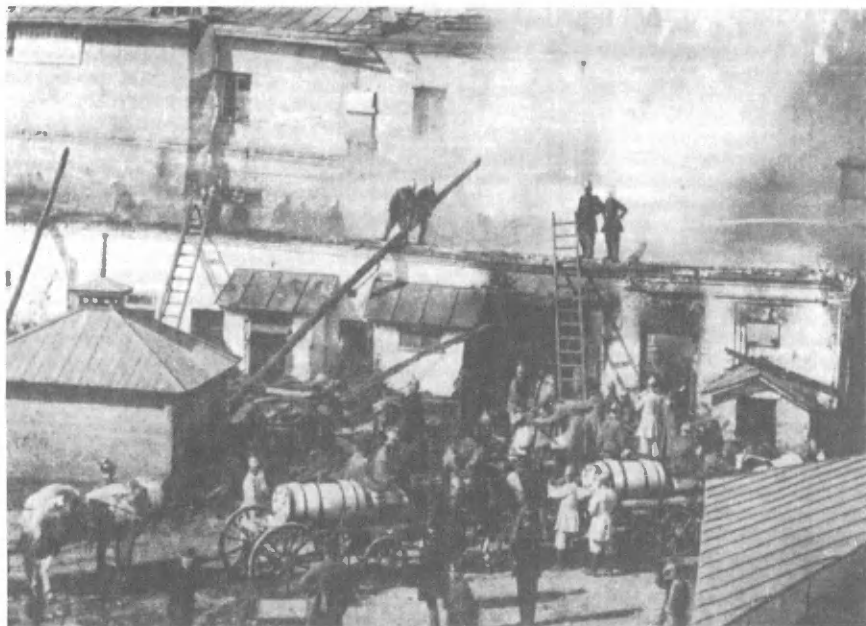
Авто-цистерна, с коловратным насосом
производительностью 120 ведер воды в мин., высота
струи 40 метров. Сиденья для 6 человек команды.

Авто-насос, сиденья для 4 человек команды, 4 катушки
для выкидных рукавов.

Образцы формы членов пожарной команды, конец XIX века.

г. Москва. Тушение пожара. 1880 год.

ных взысканиях, налагаемых на чинов команды”, после чего вывела пожарную команду из полицейской структуры и приняла ее в свое управление. Тем не менее форменная одежда и головные уборы брандмейстера, его помощников и пожарных слу-жителей были оставлены прежними.

Непосредственное управление Самарской пожарной коман-дой городская Дума с того момента возложила на пожарную исполнительную комиссию, состоящую из 12 человек, во главе с председателем. Комиссия ежемесячно инспектировала пожар-ную команду, а раз в год осматривала обоз - сбруи, инструмен-ты, лошадей, здания и, конечно же, проверяла личный состав команды. О результатах каждой такой проверки составляли акт для городской управы.

Накануне революционных событий 1917 года самарское го-родское общественное управление содержало команду, в соста-ве которой были брандмейстер, его помощники и рядовые слу-жители. При этом личный состав команды и ее обоз по отдель-ным пожарным частям имела право распределять только город-ская Дума. Она же определяла места дислокации этих частей, а по мере необходимости создавала в дополнение к ним особые резервные отделения, работавшие во временном режиме. Все лица, вступавшие в самарскую пожарную команду, в обязатель-ном порядке проходили медицинское освидетельствование в при-сутствии брандмейстера. Покупка же лошадей для пожарных проводилась непосредственно председателем комиссии при уча-стии брандмейстера и ветеринарного врача.

В первое десятилетие XX века состав пожарной команды Самары и оклады содержания ее служителей были определены новым штатным расписанием. В частности, по смете на 1913 год городская Дума разделила всех работников пожарной команды на три разряда. Из них 16 человек имели первый разряд и полу-чали высший оклад – 30 рублей в месяц. По второму разряду средний оклад в размере 23 рубля в месяц получали 40 человек, а еще 91 пожарный служитель относился к третьему разряду, и они получали жалованье в размере 20 рублей в месяц.

Само разделение пожарных служителей на три разряда было необходимой мерой, так как далеко не все члены команды были способны выполнять различные обязанности. При этом городс-

кая Дума по мере потребности и возможности увеличивала как штатное расписание вверенной ей пожарной команды, так и ежемесячные оклады содержания ее работников сверх предусмотренных обязательных норм.

О том, как в те годы можно было жить на такие деньги, видно из следующих цифр. В 1913 году в Самаре заработок среднего рабочего колебался от 60 копеек до 1,5 рублей в день, или 15-30 рублей в месяц. Квалифицированному конторскому служащему тогда начисляли до 50-60 рублей в месяц, хороший адвокат мог заработать за это же время до 100 рублей, а начальники отделов в жандармском управлении получали огромные по тем временам деньги - до 120-150 рублей в месяц. При этом нужно учесть, что фунт хлеба в Самаре стоил тогда 3 копейки, фунт мяса - 6-7 копеек, пачка заграничных папирос - 5 копеек, фунт овощей или фруктов - от 8 до 20 копеек, в зависимости от вида товара, мужской костюм среднего качества - от 5 до 10 рублей, а услуги публичных домов разного класса - от 30 копеек до 3 рублей за одно посещение.

Условия службы и жизни самарских пожарных конца XIX - начала XX века считались опасными и тяжелыми. Фактически это была армейская служба. Рабочая смена длилась по 16-17 часов. Выходные пожарным предоставлялись редко, и только лишь в виде поощрения особо отличившимся бойцам. К тому же вплоть до первого десятилетия двадцатого века для пожарных существовала система наказаний в виде порки розгами и ареста с содержанием в карцере. Неудивительно, что в среде самарских огнеборцев еще до событий первой русской революции 1905 года были отмечены отдельные выступления протеста. Разумеется, зачинщики таких выступлений угодили в тюрьму «за вольнодумные высказывания в адрес властей».

Тем не менее, случались в жизни пожарных и веселые, а порой - и откровенно анекдотические истории. Вот одна из них. Как-то в районе Хлебной площади, прямо напротив первой пожарной части, остановился цирк. Для одной из пантомим на роли чертей пригласили подразделение огнеборцев. Прямо на брезентовые робы надели «бесовские» костюмы, а на касках прочно закрепили рога. «Черти» добросовестно прыгали по сцене, вызывая восторг публики, как вдруг из пожарной части понеслись

частые и сильные удары колокола. Тревога!

Тут же все «черти», забыв о ролях, выскочили на улицу, спешно погрузились в гужевой пожарный экипаж, и, не снимая цирковых костюмов, помчались на место происшествия. Лишь потом огнеборцы сообразили, почему от мчащихся четверок пожарных лошадей в ужасе разбегались прохожие. Увидев несущихся куда-то сразу столько чертей с длинными красными хвостами и черными рогами, старушки-богомолки в ужасе вопили: «Светопреставление!»

А вот как в самарских газетах начала двадцатого века описывался пожарный выезд: «...Тревожно звонил пожарный колокол, взлетали на флагшток шары или специальные флажки, а ночью фонари, из ворот депо с переливчатым звуком рожка или трубы вылетали конные хода, и, гремя по булыжнику, устремлялись к месту пожара. Цокот копыт и грохот колес по мостовой, могучие кони, блестящие каски, скачущий впереди брандмейстер оставляли в сердцах горожан тревожное и торжественное чувство надежды».

В этом отрывке нельзя не обратить внимание на фразу о «скачущем впереди брандмейстере». Это был специальный вестовой, который выезжал верхом впереди всей пожарной кавалькады, и в его руках днем был флаг, а ночью - фонарь или факел. Вестовой искал кратчайший путь к месту пожара и предупреждал население о пожарном выезде, чтобы зеваки не лезли под колеса стремительно летящих повозок, а все встречные извозчики, телеги и обозы уступали пожарным дорогу.

Стандартный пожарный обоз, выезжающий на тушение, выглядел следующим образом. Впереди следовал конный экипаж с бойцами (он назывался «линейный ход», или просто «линейка») с прицепленным к нему пожарным насосом «Лангозипен». На обслуживании такого насоса работали 10 качальщиков, а в «линейку» запрягали не менее четырех лошадей. Далее следовал «рукавный ход» - повозка с 17-20 пожарными рукавами, запряженная тройкой. Еще к месту происшествия выезжали пять пожарных бочек емкостью по 25 ведер, и на каждую такую повозку требовалось по две лошади. Замыкал кавалькаду «багорный ход» - повозка, на которой везли багры, топоры, «кошки» и прочий инвентарь, необходимый для растаскивания пожарища.

ГЛАВА 10

“ЗА СПАСЕНИЕ НА ПОЖАРЕ ВОЛОСТНОГО ИМУЩЕСТВА... ОБЪЯВИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ”

(Как поощряли отличившихся на пожарах в XIX веке)

Тушение пожаров всегда было делом опасным и героическим. В фондах Государственного архива Самарской области сохранились документы середины XIX века, рассказывающие о подвигах самых простых людей нашего города при их схватке с огненной стихией, а также о том, какую оценку происшедшему дали тогдашние городские и губернские власти.

Случай первый. Как известно, 5 июня 1848 года Самара подверглась опустошительному пожару. Город выгорел почти целиком. Из-за ураганного ветра пламя было сильным и стремительным. Когда пожар перекинулся на хлебные пристани, а затем – и на деревянные амбары, наполненные зерном, некоторые люди предприняли попытки спасти хлеб от огня.

Как свидетельствуют документы того времени, больше всего в борьбе со стихией отличился купеческий сын Петр Подуров. После этого его отец, купец второй гильдии Осип Тимофеевич Подуров, будучи свидетелем смелых до отчаяния поступков молодого человека, решил написать о подвигах сына городскому начальству. Это письмо поступило в канцелярию Симбирского губернатора П.Д. Черкасова 25 февраля 1849 года. Осип Подуров просил “об исходатайствовании награды сыну его Петру за действия при тушении большого пожара на пристани в Самаре”.

Канцелярия губернатора 18 июля 1849 года направила это письмо самарскому городничему И.В. Емельянову с указанием: провести проверку действий купеческого сына Петра, а также выяснить, какого он вероисповедания, не был ли когда-либо под судом или следствием, а также не принадлежал ли к какой-нибудь раскольнической секте, и затем все эти сведения представить губернатору.

Уже другой самарский городничий, И.С. Якубович, 1 августа

та 1849 года так отрапортовал Симбирскому губернатору о результатах проверки: "...На предписание Вашего сиятельства от 18 июля 1849 года о похвальных действиях купеческого сына Петра Подурова, бывшим городничим (Емельяновым) никакого распоряжения не сделано. Ныне же обстоятельство это остается не расследованным по случаю отсутствия многих лиц, бывших свидетелями действий Подурова".

Вскоре Якубович получил письменное указание от вице-губернатора завершить проверку по "делу купеческого сына". Видимо, самарские власти и после этого напоминания продолжали волокиту, потому что в ноябре того же года в Самару вновь пришло письмо из Симбирска с требованием "в самое ближайшее время дело закончить и представить вице-губернатору".

Но в Самаре в третий раз за год сменился городничий, и проверка опять затянулась. Симбирскому вице-губернатору снова пришлось направлять в Самару особое указание о "деле Подурова", которое третий городничий получил только 25 мая 1850 года. В результате 31 мая того же года Петру Подурову вновь пришлось давать объяснения новому городничему о своих действиях при тушении пожара двухлетней давности. При этом в отношении свидетелей он заявил, что в тот напряженный момент ему некогда было глядеть, кто именно тогда был с ним рядом и кто конкретно ему помогал.

В результате самарский городничий по итогам допросов и прочих материалов проверки 2 июня 1850 года отправил на имя губернатора последний рапорт по этому делу. Он приложил к рапорту объяснения Петра Подурова о его действия во время пожара, а решение вопроса оставил "на усмотрение губернатора". В итоге 6 июня 1850 года городничий получил из Симбирска следующий ответ: "Вследствие Вашего рапорта предписываю начатое дело от 25 февраля 1849 года... прекратить".

Через неделю после такого позорного завершения "дела Подурова" Самара вновь запылала в пламени страшного пожара. Теперь уже другие люди насмерть бились с огненной стихией, не помышляя ни о каких наградах...

Случай второй

Вот какой рапорт самарский губернатор Б.П. Обухов полу-

чил от мирового посредника второго участка Ставропольского уезда 24 июля 1865 года: “Сего дня поутру часов около 10 в селе Старая Майна вспыхнул пожар, истребивший за два часа около 120 дворов и между прочим Старомайнское волостное правление. Большинство народа было в поле на жнитве. Оставшиеся в селении бросились конечно каждый к своему дому. А волостной старшина крестьянин-собственник Борис Алексеевич Варламов с примерным самоотвержением один, безо всякой помощи, принялся спасать дела и документы волостного правления, которые он и сохранил в целости, в том числе и деньги. Его же собственное имущество, находившееся в том же доме, все дочиста сгорело. Находя такой поступок заслуживающим награды, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, если Вы найдете возможным, исходатайствовать старшине Варламову какое-либо за его прекрасный поступок отличие”.

Этот рапорт 5 августа того же года Обухов направил в Ставропольское уездное полицейское управление, которому предписал произвести дознание о поступке Варламова и донести о результатах губернатору. Ставропольская полиция занималась этим делом до середины ноября, после чего направила в Самару рапорт с подтверждением действий волостного старшины во время пожара, а также о спасении им документов, денежной суммы и имущества волостного правления.

О подвиге ставропольского крестьянина губернатор незамедлительно сообщил министру внутренних дел России, и уже 19 декабря 1866 года из Санкт-Петербурга был получен следующий ответ: за смелые и решительные действия при спасении волостного имущества Варламову... объявить благодарность.

В результате лишь полтора года спустя после пожара, 9 января 1867 года, мировой посредник второго участка Ставропольского уезда получил разрешение на то, чтобы на полном сходе крестьян села Старая Майна объявить благодарность начальства волостному старшине Варламову, и о его подвиге “пропечатать в газете “Самарские губернские ведомости”.

Случай третий

Член Самарского пожарного комитета Парыгин 26 июня 1867 года выступил на заседании этой организации и заявил, что го-

родской голова Г.И. Ушаков и все члены пожарного комитета были свидетелями отваги огнеборцев и солдат учебного батальона во время пожара, случившегося в Самаре 12 июня того же года. Он подчеркнул, что бойцы пожарной охраны остановили распространение огня на близлежащие огромные штабели дров. В итоге пожарный комитет поручил Парыгину объявить пожарным и солдатам, что городская власть не оставит их без награды за усердную работу.

Парыгин также доложил, что во время пожара кузнец Урусов и унтер-офицер Яков Федоров, которые были поставлены Парыгиным к загоревшимся уже дровам, своими стараниями “весьма много способствовали к сохранению дров, причем первый сжег свою одежду, а унтер-офицер форменный сюртук, стоящий ему 5 р. 88 к.” За это самопожертвование Парыгин предложил наградить отличившихся на пожаре.

По его докладу комитет принял такое решение: “За сожженную при тушении пожара одежду кузнецом Урусовым и унтер-офицером Федоровым выдать первому три рубля, последнему пять рублей 88 коп., и сверх того в награду кузнецу один рубль, унтер-офицеру Федорову три рубля, и пожарным служителям во все 4 части по десяти рублей серебром”.

ГЛАВА 11

“КАЗЕННЫЕ ДОМА И ТОРГОВЫЕ ЛАВКИ СТРОИТЬ ТОЛЬКО КАМЕННЫЕ...”

**(Противопожарные меры при строительстве в
Самаре в XVI – начале XX веков)**

Любой специалист-строитель знает, какие главные противопожарные требования предъявляются к населенным пунктам. Во-первых, все здания и сооружения должны быть построены из негорючих материалов. Например, из камня, кирпича или железобетона. Во-вторых, между строениями обязательно должны быть так называемые противопожарные разрывы, чтобы в случае пожара огонь не мог бы уйти за пределы одного здания.

Самое первое каменное здание в Самаре было построено только в 1685 году, то есть через сто лет после ее основания. Это была церковь Спасо-Преображения. Еще почти сто лет после этого она оставалась единственным строением из камня в нашем городе. Даже два страшных пожара 1700 и 1703 годов так и не заставили горожан изменить точку зрения на пожарную безопасность своих жилищ.

Лишь после пожара 1765 года, уничтожившего три четверти города, и последовавшего за ним указа Екатерины Второй казанские власти решили наконец навести порядок в самарском градостроительстве. Как известно, Всероссийская самодержица, узнав о постигшем город бедствии, повелела командировать из Казани в Самару нарочного с приказом “всему тамошнему месту, где пожар был, снять план, а потому сделать распоряжение, применяясь к регулярным городам, как лучше и пристойнее новые строения там завести и все сие как наискорее прислать сюда в Сенат”. При этом в качестве главной противопожарной меры предлагалось “пред прежними какие улицы сколько возможно распространены, так и строения одно от другого с лучшим регуляторством ни мало не стесняя строены были”.

Для выполнения этого распоряжения казанский губернатор Квашнин-Самарин отправил в Самару геодезиста Пономарева. Планировку улиц и последующую их застройку предполагалось производить в соответствии с указом сената от 4 октября 1758

года: "...большие улицы оставлять шириною по осьми, а переулки по четыре сажени". Мясной ряд, скотобойни, кузницы было велено вынести за пределы жилой застройки города. Как доносил впоследствии в Сенат казанский губернатор, "...оное в самой точности исполнено".

Изыскания Пономарева послужили основной для создания плана регулярной застройки Самары. Осенью 1765 года появился сенатский указ с предписанием "склонять" жителей города к строительству каменных домов, или, по крайней мере, деревянных, но на каменном фундаменте. Это была первая попытка придать Самаре вид европейского города. Предписывалось строить город "не иначе, как по плану, Высочайше утвержденному". Это означало, что улицы в нем должны быть прямыми и широкими. При этом необходимо было соблюдать правила "Строительного Устава", то есть делать их шириною не менее чем 10-15 саженей.

А еще по тому же "Уставу" улицы "...должны быть планируемые до самых домов, дабы ям и бугров на них не было". Мостовые на всех улицах предписывалось делать только каменные, а частные постройки с того времени можно было производить "не иначе, как с дозволения местного начальства". При этом "строить тесно" в Самаре больше не допускалось. Власти были обязаны разъяснить населению, что отныне обывательские дворы должны застраиваться только по приведенным выше правилам, а ремесленные мастерские, скотобойни, мясные ряды и кузницы требовалось немедленно вынести за пределы города.

Однако самарцы и в XVIII веке отнюдь не отличались законопослушностью, и потому бессистемное строительство при полном попустительстве городских властей продолжалось и после обнародования высочайшего повеления. В результате лишь очередной самарский пожар 1772 года вновь напомнил столице о вышедшем за семь лет до того указе и о необходимости срочно составить план города. Правда, он был готов лишь спустя 10 лет, в мае 1782 года. Вот так Самара получила свой первый регулярный план перспективной застройки.

Это был чертеж с официальным заглавием "Геометрический план Симбирского наместничества города Самары снят в 1782 году мая 14 дня уездным землемером Сахаровым". Чертеж был

подписан губернатором Симбирского наместничества Ингель-стремом и утвержден в Санкт-Петербурге. План предполагал размещение города на достаточно большой по тому времени территории, с жесткой сеткой улиц, образующих кварталы со средним размером сторон в 150 и 200 метров. Границы тогдашней Самары проходили по современным улицам Садовой и Красноармейской.

По этому “геометрическому” плану самой первой в городе стала ранее почти не существовавшая Большая улица (ныне улица Водников). Позже параллельно ей протянулась Казанская улица (ныне улица Алексея Толстого). За ней возникли улица Вознесенская (ныне улица Степана Разина), далее – Саратовская (ныне улица Фрунзе).

Эти строгие и четкие линии, протянувшиеся вдоль Волги, в свою очередь пересекали поперечные улицы, которые первоначально назывались “пробойными” или “проломными”. Название это связано с характером их возникновения – ведь “проломные” улицы приходилось прокладывать сквозь уже сложившуюся в городе застройку. Идея таких улиц принадлежала известному российскому государственному деятелю и историку Василию Татищеву, который еще в начале XVIII века работал в Самаре в составе Оренбургской экспедиции. Он одним из первых попытался благоустроить уличное пространство Самары так, чтобы жители города могли видеть “неповторимые по красоте дали Волги”.

Первая “пробойная” (или “поперечная”) улица в нашем городе прошла приблизительно там, где ныне пролегает современная улица Комсомольская. Позже параллельно ей возникла улица Духовная (ныне Карбюраторная), затем Старо-Самарская (ныне улица Крупской) и Воскресенская (ныне улица Пионерская). Следом за ними – Заводская (ныне улица Венцека), Панская (ныне Ленинградская), и так далее.

По “геометрическому” плану 1782 года в городе предусматривалось создать пятьдесят жилых равновеликих кварталов с размещением в каждом из них в среднем по 16 равноценных по площади дворовых усадеб. Следовательно, градостроители конца XVIII века рассчитывали, что уездная Самара будет состоять примерно из 800 дворовых участков.

В 1804 году был утвержден еще один “геометрический” план города, который, впрочем, на деле мало чем отличался от первого – разве что еще одним уличным рядом, образующим пять новых кварталов в границах современных улиц Рабочей и Самарской.

Однако обывательские строения города в начале XIX века продолжали оставаться в основной массе деревянными. Всего же в Самаре того времени было 707 домов. К 20-м годам того же столетия в городе сформировались две торговые площади: Александровская и Алексеевская (ныне площади Хлебная и Революции).

Экономический подъем 30-х годов XIX века дал сильный толчок к развитию строительства в Самаре. Если с 1782 до середины 20-х годов в городе строилось в среднем 3,5 жилых дома ежегодно, то спустя 10 лет в течение года число ежегодных новостроек выросло до 29. Тем не менее и после этого срока возводить каменные дома никто из самарцев по-прежнему так и не решался. К концу 30-х годов XIX века их в нашем городе насчитывалось всего 20.

В 1840 году был составлен очередной “геометрический” план города, который незначительно расширил границы Самары. Теперь она простиралась на севере до улицы Симбирской (ныне улица Ульяновская), а на востоке – до улицы Уральской (ныне улица Братьев Коростелевых). Однако и этот проект тоже не удалось воплотить в жизнь: пожар 1840 года уничтожил значительную часть города. Но буквально за несколько лет Самара вновь отстроилась, и в 1847 году в ней насчитывалось 1645 жилых домов, в том числе 62 каменных. Город к тому времени стал крупнейшим в регионе поставщиком заволжского хлеба, и уровень экономики Самары явно перерос масштабы уездного города. Самара все настойчивее требовала не только расширения городской территории, но и изменения своего административного статуса.

Кстати, многие историки считают, что к решению об изменении административного статуса нашего города российскую власть подтолкнули опустошительные самарские пожары 1848 и 1850 годов. В итоге с января 1851 года Самара стала центром новой большой губернии, состоящей из семи уездов. К тому вре-

мени в городе уже было построено 253 каменных здания.

В течение нескольких последующих лет в губернии были образованы новые органы административной власти. Губернское правление утверждало проекты и облик фасадов частных домов, выдавало разрешения на постройку фабрик, заводов, мельниц и прочих объектов, рассматривало прошения домовладельцев о перестройке зданий, и, конечно же, следило за выполнением всех противопожарных требований при строительстве. В ведении губернского правления находились все казенные здания на территории губернии. Исключение составляли лишь уездные города, в каждом из которых был свой городской архитектор, и он давал разрешение на возведение частных жилых домов.

В Самаре же надзором за строительством домов, прочих зданий и сооружений занималась городская дума. В 1870 году был создан ее исполнительный орган - городская управа, к которой с этого момента перешли все дела, связанные со строительством. Каждый, кто желал возвести в городе новый дом или перестроить уже существующий, был обязан представить в городскую управу как проект фасада, так и подробный поэтажный план всех частей здания, а также его разрезы - продольный и поперечный. Городская управа утверждала планы и эскизы фасадов частных зданий, проверяла соблюдение противопожарных требований в проекте, а затем выдавала разрешение на постройку или перестройку дома. Наблюдение за правильным производством построек городская управа вела при содействии полиции. На все крупные новостройки обязательно приглашался брандмайор из местной пожарной части.

После пожаров середины XIX века Самара стала быстро восстанавливаться. Одновременно для губернского центра готовился новый градостроительный план, который был утвержден 19 ноября 1853 года императором Николаем Первым. При этом в Самаре сохранялась "геометрическая" планировка, причем ее развитие предусматривалось не только в центре, но и в пригородах. Уже в 60-х годах, согласно этому плану, городская черта отодвинулась еще дальше на север и на восток - до границ современных улиц Полевой, Мичурина и Агibalова. А построенная в 1872 году земская больница оттеснила городскую черту уже до современной улицы Осипенко.

То обстоятельство, что Самара в 1851 году стала губернским городом, во многом поспособствовало еще одной противопожарной тенденции: она стала усиленно застраиваться каменными домами и быстро увеличиваться по площади. В губернском центре все казенные здания стали строить только из камня. Разумеется, при их возведении архитектор обязан был проследить, чтобы строители в ходе работ строго выполнили все противопожарные требования. Например, печи необходимо было в обязательном порядке ставить только в удобных и безопасных в пожарном отношении местах. При этом между печью и ближайшей стеной должно было оставаться достаточно пустого пространства. А те места чердачного перекрытия, где на крышу выводились печные трубы, нужно было делать широкими для удобства чистки дымоходов.

Как гласил “Строительный устав”, дымовые трубы в то время можно было строить только так, чтобы ее верхняя часть в разрезе была или круглой, или прямоугольной формы. Материал, из которого можно было делать эти трубы, тоже определялся “Уставом”: они обязаны были быть или гончарными (то есть из обожженной глины), или выполненными из лекального кирпича лучшего качества. Это правило действовало в первую очередь для обывательских домов.

Нормативы “Строительного устава” распространялись также и на общественные здания, к которым относились гостинные дворы, городские амбары, заведения общественного призрения, помещения для военного караула, и так далее. Например, в этом документе было записано, что “...казенные строения крыть железом или черепицею”, что положено было “городские амбары строить в местах, безопасных от огня и наводнения”, а различные торговые лавки предписывалось “строить только каменные. Всякие деревянные пристройки и деревянные лестницы к ним воспрещаются”.

Уже с 1800 года из соображений пожарной безопасности “Строительный устав” рекомендовал епархиям “строить церкви каменные, а если строятся деревянные церкви, то обязательно на каменном фундаменте”. При возведении церквей использовали образцовые чертежи, составленные профессором архитектуры Константином Тоном. Вокруг церкви, согласно “Уставу”, обя-

зательно должно было оставаться свободное от мирских построек пространство шириной от 10 до 20 саженей. В итоге к середине XIX века из двадцати с лишним церквей, имевшихся в Самаре, только три были деревянными: Кресто-Воздвиженская - за рекой Самарой, Скорбященская церковь - при тюремном замке, и Александро-Невская - при больнице для душевнобольных. Однако при этом все они стояли на каменных фундаментах.

А в 1848 году в “Строительный устав” было введено положение о том, чтобы не только церкви, но и все обывательские “деревянные дома на улицу строить непременно, на каменных или кирпичных фундаментах...” С этого же года все без исключения здания и сооружения в Самаре предписывалось строить только по образцовым чертежам. Но даже каменные постройки обязательно должны были находиться друг от друга на расстоянии не менее двух саженей. К тому же снаружи каменные строения запрещалось окружать различными деревянными пристройками, лестницами и галереями, а их балконы и террасы должны быть изготовлены только из железа или чугуна. При этом домовладельцам не позволялось возводить при входах в здания глухие деревянные тамбуры, выходящие на тротуар, а вместо них рекомендовалось “делать железные на чугунных колонках зонтики”.

Еще “Строительный устав” предписывал деревянные строения обшивать тесом и покрывать масляной краской, а еще лучше – обкладывать кирпичом. Если же при этом печь строилась около деревянной стенки, то их непременно надо было разделять слоем кирпича толщиной не менее двух футов. Крыши же в обывательских домах рекомендовалось покрывать железом, черепицей или тесом. А вот если крыши покрывали соломой или камышом, как это делалось в Новоузенске, в отдаленных от центра города кварталах, то поверх горючего материала в противопожарных целях необходимо было уложить слой замазки или глины и известкового раствора.

Самарским жителям бедного состояния, имеющим дворовое место по улице менее 10 саженей, позволялось строить деревянный дом на каменном фундаменте, но по бокам обязательно с брандмауэром - сплошной каменной или кирпичной стеной без окон и дверей, по высоте превышающей крышу дома. Цель воз-

ведения таких несгораемых перегородок – в случае пожара воспрепятствовать огню перекинуться на соседние здания. В старой части Самары брандмауэры у некоторых домов можно видеть вплоть до сегодняшних дней.

Вообще же с середины XIX века наличие таких несгораемых перегородок в зданиях и сооружениях было одним из главных противопожарных требований еще на стадии проектирования. В частности, если дома на какой-либо улице возводились сплошняком, без разрывов, то на их чердаках обязательно нужно было устраивать брандмауэры, отделяющие любой из этих домов от всех соседних. Если кто-либо в Самаре строил большой дом длиной более 12 саженей, то на его чердаке обязательно нужно было соорудить несколько брандмауэров – по числу капитальных стен в здании.

Впрочем, в самых крайних случаях наиболее бедным самарским жителям все же позволяли возводить целиком деревянные строения вместо каменных. Однако при этом между ними и соседними домами должно было оставаться свободное пространство не менее трех саженей. За выполнением всех требований “Строительного устава” обязан был строго следить лично городской архитектор.

С ростом города его торгово-общественный центр постепенно переместился на улицу Дворянскую (ныне улица Куйбышева), а вот административным центром Самары к концу XIX века стала Алексеевская площадь (ныне площадь Революции). Набережные же рек Волги и Самары еще раньше стали отводиться под пристани, сараи и склады, рынки, под зону расположения хлебных амбаров, материальных складов, под биржи строевого леса и дров.

В генеральном плане 1853 года впервые была сделана попытка территориального зонирования города. Так, Засамарская слобода была предназначена только для размещения там объектов промышленного производства – фабрик, заводов, мельниц, элеваторов и так далее. При этом все жилые строения отсюда предполагалось вынести в связи с тем, что эта весной вся эта территория обычно оказывалась залитой талыми водами реки Самары.

В это же время в городе появилась новая Соборная площадь.

Согласно плану, под нее было отведено четыре городских квартала, а за площадью проектировщики отвели место для зданий административного, общественного и духовного назначения.

Однако тем временем в городе продолжали бушевать все новые и новые пожары, которые не позволяли до конца сформировать свой архитектурный облик. Поэтому в 1869 году было принято решение - полностью прекратить строительство деревянных домов в центральной части города. Этот запрет беспрекословно исполнялся на улицах Казанской, Дворянской, Панской, на других центральных улицах и на площадях. Правда, все это не касалось окраин Самары, где запрет на деревянные здания практически полностью терял свою силу. Тем не менее новый порядок в застройке избранных улиц вскоре дал свои результаты. Так, с 1866 по 1872 годы в Самаре было построено 788 каменных домов и снесено 855 деревянных, что повысило устойчивость городских зданий к пожарам почти в четыре раза.

С середины XIX века любое строительство в нашем городе могло вестись только под надзором полиции. Представитель власти следил за соблюдением красных линий улиц, предупреждал о нарушении границ земельных владений и требовал выполнения противопожарных условий "Строительного устава". А вот возведение частных фабрик и заводов могло начаться только с разрешения канцелярии губернатора, и, при этом, разумеется, идти только с соблюдением всех правил безопасности. Правда, здания фабрик и заводов не подчинялись никаким правилам оформления фасадов, высоты крыш и другим архитектурным нормам, ибо, согласно "Уставу", наружный вид этих строений мог соответствовать лишь их внутреннему расположению и потребностям здания.

Но определение внешнего облика предприятия - это единственный пункт, на решение которого хозяину будущего завода не нужно было спрашивать согласия властей. Все прочие требования, и особенно - требования безопасности, оставались едиными для любой новостройки. В частности, все лестницы на заводах и фабриках их владелец обязан был возводить только из камня или металла. Проведение на предприятие водопровода, устройство здесь газового или электрического освещения опять же можно было делать только с разрешения губернского прав-

ления. Разумеется, и после пуска завода или фабрики хозяин был обязан соблюдать на их территории все правила пожарной безопасности того времени. А всего с 1870 по 1890 годы в Самаре было построено 59 крупных промышленных предприятий.

К началу XX века в Самаре уже были выстроены каменные здания самых разнообразных функциональных назначений: вокзал, торговые пассажи, лечебные заведения, гимназии, училища, элеваторы, заводы, театр, банки и прочее. Кроме зданий общественного и делового назначения, из кирпича и камня в это же время возводились двух- и трехэтажные особняки богатых людей, доходные дома, частные бани, магазины, и так далее. Правда, такие помпезные здания украшали только центральные улицы города. А вот чуть подальше от центра в начале века в основном стояли лишь одноэтажные каменные дома. Крайние же районы Самары и в эти годы по-прежнему продолжали застраиваться одно- и двухэтажными деревянными домами, но на каменном фундаменте. Часто здесь возводили и дома смешанного типа: его первый этаж был каменный, второй - деревянный. Впрочем, выше уже говорилось, что в те годы деревянные дома обязательно имели брандмауэр, который предохранял его от пожара.

Генеральный план 1853 года сыграл большое значение в развитии нашего города: по нему Самара застраивалась фактически вплоть до 20-х годов XX века. Лишь впоследствии границы города расширились за счет присоединения к нему рабочих поселков (Мещанского, Солдатского, Молоканского и других), которые еще в начале столетия официально считались расположенными за городской чертой. К 20-м годам застройка территории города по генплану, с соблюдением необходимых противопожарных нормативов и правил "Строительного устава" дала свои результаты: в это время общегородские пожары прекратились полностью, да и более мелких стало гораздо меньше, и они уже не достигали такой мощи. В результате город получил возможность развиваться и расти во все стороны.

Деревни и села Самарской губернии в XIX веке страдали от огня не меньше, чем города. Поэтому для сельских населенных пунктов были разработаны свои правила застройки, соблюдение которых давало хорошие результаты.

Устройством сел и деревень в то время ведало Самарское губернское правление. В высоких чиновничьих кабинетах имелись изданные правительством примерные планы разных селений, усадеб, дворов, типовые проекты оформления фасадов домов. Более конкретные планы застройки деревень составляли уездные земские управы и согласовывали их с сельским сходом. Затем документы отправляли на утверждение губернатору.

Дома в селах строились в одну, две и более линий, или же располагались квадратами – гнездами, в зависимости от характера рельефа. При этом местность по возможности выравнивалась, чтобы улицы были широкими и прямыми. Ширину улиц нельзя было делать меньше 6 саженей. А деревенские кварталы составлялись из двух, четырех, шести, а то и восьми дворов, в зависимости от количества отведенной для селения земли. В случае же, когда для селения выделялось мало земли, и жилые деревянные дома в нем можно было ставить лишь очень близко друг от друга, то все они, точно также как и в городе, должны были защищаться друг от друга брандмауэрами.

Если село проектировалось большим по территории, то в нем обязательно отводилось место для центральной площади. На ней в каждом селении обычно ставилась церковь, чаще всего каменная. Если же центральной площади не было, то для церкви выбирали другое, не менее удобное место. При этом на расстоянии в 20 саженей вокруг храма, согласно противопожарным нормам, не могло быть никаких мирских строений.

Кроме церкви, на центральной сельской площади обычно располагались здания местной власти – дома волостных и сельских управлений, земские избы. Кроме того, на площади ставились гостинные или постоянные дворы, торговые лавки. Здесь же обычно размещались школы, лечебные пункты и прочие общественные помещения. При этом здания, выходящие фасадом на сельскую площадь, старались строить только из камня.

А вот открывать питейные дома в центре села категорически запрещалось. Их всегда стремились вынести куда-нибудь ближе к околице. На сельскую окраину, а то и вовсе за пределы села всегда выносили и другие огнеопасные заведения: бани, кузницы, небольшие заводы, мельницы, сушилки для сушки фруктов и прочие предприятия и производства. Их обычно располагали на берегах рек, озер или оврагов.

Для постройки крестьянского двора в среднем отводился участок земли размером 14 саженей в ширину и до 60 саженей в длину. Соседние дворы соединялись между собой нежилыми строениями, а по сторонам жилых домов устраивали огороды. При этом сами дома по возможности строились на каменном фундаменте. Что же касается их отопления, то уже с 1830 года правила “Строительного устава” запрещали строить в деревнях избы, топившиеся по-черному.

К устройству и расположению печей в сельских избах предъявляли особые требования. Их нужно было обязательно делать с дымовыми трубами, которые от самого своего основания были бы сложены из кирпича. При этом выходное отверстие трубы должно было находиться не менее чем на один аршин выше конька крыши. Кроме того, в целях противопожарной безопасности печь нельзя было располагать в тесном месте избы и сооружать ее без кирпичного основания. Со всех сторон около печи нужно было или оставить пустое пространство шириной не менее сажени, или же между ней и ближайшей стеной устроить прослойку из кирпича. А самым бедным селянам разрешались ставить деревянные дома, крытые соломой, но обязательно покрывать их обмазкой из слоя глины и известкового раствора. За выполнением этого правила следили особенно строго.

Деревянные надворные строения нужно было располагать в глубине двора, причем обязательно так, чтобы между ними и жилым домом, а также между отдельными постройками оставалось пустое пространство. Сады и огороды вокруг жилья предписывалось обсаживать скорорастущими деревьями, а все засохшие стволы нужно было немедленно удалять в целях безопасности от пожаров.

Все приведенные выше строительные нормы и правила предохраняли села и деревни от уничтожения их пожаром. В дополнение к этому правительство регулярно издавало правила об устройстве домов и расположении строений во дворах, об устройстве кровель, печей и дымовых труб, о починке ветхих деревянных домов на маломерных местах и о построении новых. Эти правила рассылались по губерниям, а губернские правительства распространяли эти правила по всем городам и селениям своей губернии. После этого исполнительные органы власти следили за соблюдением всех правил пожарной безопасности.

ГЛАВА 12

“...ВОВРЕМЯ ПРИВЕРНУТЬ РУКАВ К ПОЖАРНОМУ КРАНУ...”

**(Противопожарное водоснабжение в Самаре в
XVIII – начале XX века)**

Многие наверняка слышали народные песни: “У реки стоит Самара, пьет чашек из самовара...”, или “Эй, Самара, качай воду! Дайте воду пароходу!” А еще о масштабах водопотребления рядовым жителем нашего города можно судить по такому крылатому выражению, как “самарские водохлебы”.

Согласитесь, что эти шутки вроде бы и впрямь основаны на реальном положении вещей. В них как будто бы и в самом деле все выглядит вполне логично: ведь Самара, построенная на берегу крупнейшей реки Европы, да еще и у места впадения в нее одного из самых больших волжских притоков, никогда не должна была, казалось бы, испытывать недостатка в воде. Но вот парадокс: поскольку место для крепости его основателями было выбрано на возвышенном мысе левого волжского берега, то подача или подвоз воды из Волги на территорию Самары всегда оказывались серьезной проблемой – даже после того, как она получила статус города.

Из немногих дошедших до нас самарских документов XVIII - XIX веков можно узнать, что в те времена спуски из города к берегам рек почти везде были в первобытном состоянии: из-за крутизны склонов к воде нельзя было ни сойти, ни съехать. В результате город, стоящий у полноводной реки, в течение двух с лишним столетий был почти полностью безводным, а потому беспомощным перед регулярно свирепствовавшими в нем пожарами.

Как это не странно, но только при губернаторе К.К. Гроде, который возглавлял губернию с 1853 по 1860 годы, впервые начались масштабные работы по благоустройству подъездных путей к берегам сливающихся у города рек. Первыми были сделаны два спуска к реке Самаре (один из них как бы являлся продолжением Соборной улицы, ныне Молодогвардейской). А в 1856 году была завершена работа по благоустройству спуска к Вол-

ге по Заводской улице (ныне – улица Венцека).

Волжскую и самарскую воду по самарским улицам развозили в бочках многочисленные водовозы. Они же в случае необходимости доставляли воду и для тушения пожаров. Правда, жители некоторых районов Самары, кроме волжской воды, также использовали воду из немногочисленных городских колодцев. Однако по своему качеству, да и по количеству самарская колодезная вода, конечно же, не могла удовлетворить и десятой доли нужды в ней быстро растущего города. Когда Самара стала губернским центром, а на вооружении пожарных появились сначала водозаливные трубы, а затем - и помпы, то водовозы в случае крупного пожара просто не успевали удовлетворить потребности огнеборцев в воде.

Начиная с 40-х годов XIX века на улицах Самары за казенный счет стали размещать деревянные чаны с водой, чтобы в летнее время всегда иметь ее под руками на случай пожаров. Это были резервуары разной вместимости – от 900 до 2500 ведер воды. Самое большое количество таких чанов было построено при губернаторе К.К. Гроте.

В 1860 году самарский полицмейстер распорядился поставить в городе еще два больших чана с запасом воды – в 66-м и 72-м кварталах Самары. На их устройство из городской казны тогда было отпущено 120 рублей серебром. В течение последующих лет на территории города был поставлен уже 41 такой пожарный резервуар. А к 1880 году этих емкостей с водой в Самаре стало сорок три.

Пожарные чаны размещались почти на всех улицах и площадях, и особенно в отдаленных от берегов Волги и Самары местах. Запасы воды обязательно располагались вблизи всех крупных госучреждений, а также около заведений с массовым пребыванием людей: у почтовой конторы, у городского театра и первой пожарной части на Полицейской площади (ныне площадь Дзержинского), у трактиров и питейных домов, у кафедрального собора на улице Вознесенской (ныне улица Степана Разина), около кирхи и костела. А еще пожарные резервуары устраивали в тех кварталах, где было много деревянных построек: на Воскресенской площади, где установили два чана, на Алексеевской площади (ныне площадь Революции), на Самарской пло-

щади около дома купца Шихобалова, в Струковском саду, и даже на старом кладбище. Во всех этих точках города имелось один-два пожарных чана.

Со временем эти деревянные резервуары, конечно же, приходили в негодность, и тогда самарским властям приходилось изыскивать деньги на устройство новых чанов. В 1868 году их ремонт и содержание обошлись городу в 50 рублей, в 1869 году – в 99 рублей, в 1870 году – в 312 рублей 80 копеек. В среднем же город ежегодно расходовал на эти нужды 150 рублей.

Между прочим, доставка воды в пожарные чаны в течение всего лета в среде самарских водовозов считалась очень выгодным бизнесом, и потому право на эту работу город ежегодно продавал с торгов. Из года в год самарскими властями на развоз воды по чанам расходовались немалые средства: в 1868 году на это было потрачено 1 490 рублей, в 1869 году – 1 700 рублей, в 1870 году – 1 490 рублей.

Однако ко второй половине XIX века в связи с расширением города и бурным развитием промышленности стало очевидным, что в новых условиях никакие чаны и водовозы больше не смогут удовлетворить быстро растущую потребность Самары в воде. Не говоря уже о том, что вода была нужна населению, заводам и фабрикам, она во все большем и большем количестве была необходима и для успешной борьбы с огненной стихией. Опустошительные пожары, свирепствовавшие в Самаре в середине XIX столетия, подтолкнули первых лиц городского общества к мысли о необходимости строительства водопровода в Самаре, способного не только вовремя укротить разбушевавшийся огонь, но и предотвратить распространение бедствия.

Первым рассмотреть вопрос об устройстве в городе водопровода Самарской городской Думе предложил губернатор К.К. Грот. Однако в 50-х годах XIX столетия деньги, затребованные им на постройку системы водоснабжения, показались заседавшему в тогдашнем органе городской власти прижимистому купечеству настолько сумасшедшими, что Дума даже не стала выносить этот вопрос на свое обсуждение.

После Грота “водопроводную проблему” не раз пытались поднять самарские губернаторы Н.А. Замятнин, Н.П. Мансуров и Б.П. Обухов. Все они не раз делали распоряжения об уст-

ройстве в городе водопровода и даже составляли сметы стоимости работ. В 1865 году созданная в губернии особая комиссия обсуждала проект сооружения водопровода, составленный инженерами Щитовым и Фрумом, который, впрочем, никого не удовлетворил. Затем вопрос об организации строительства в Самаре водопровода на городские средства не раз поднимал и городской голова М. Назаров, который в конце концов и добился успеха.

По инициативе Назарова в декабре 1881 года в журнале “Зодчий” был опубликован “Конкурс на составление технического проекта устройства водоснабжения г. Самары”. К июню 1883 года на конкурс было представлено 11 проектов. После их обсуждения первую премию в 3 000 рублей получил проект заведующего московскими водопроводами инженера Николая Петровича Зими́на. Вот так в 1884 году в Самаре под его руководством начала работать комиссия по устройству городского гидросооружения. Подряд на эту работу выиграла фирма “Торговый дом братьев Бромлей и К”, и 15 августа 1885 года между нею и городской Думой был подписан соответствующий договор. От имени всех жителей Самары свою подпись под документом поставил только что избранный городской голова Петр Владимирович Алабин, который по решению Думы возглавил еще и водопроводную комиссию.

Согласно этому договору, “Торговый Дом братьев Бромлей и К” обязался устроить в Самаре водопровод для снабжения города водой “в количестве 300 000 ведер в сутки, собранной на берегу Волги близ Жигулевского пивоваренного завода посредством колодцев”. При этом “для собрания воды должны быть устроены на берегу Волги чугунные водосборные колодцы”. Одновременно предполагалось возвести водоподъемное здание: в нем предполагалось разместить шахту, машинное отделение, котельную с дымовой трубой, мастерскую и двухэтажное жилое помещение, а также устроить регулирующий резервуар.

Пункт 15-й этого договора гласил, что одновременно в городе должна быть устроена электрическая пожарная сигнализация с пятнадцатью оповещательными станциями, шестью пожарными колоколами и восемью телефонами. Еще в этом документе отмечалось, что все строительные материалы, в том чис-

ле кирпич, бут, цемент, известь, песок, лес и доски должны быть лучшего качества, песок при строительстве нужно насыпать только чистый и крупнозернистый, причем брать его нужно “с косы”.

Кирпич для дымовой трубы тоже должен быть только лучшего качества, изготовленный для кладки круглых стен по особому заказу и особой формы, а лесной материал строителям предписывалось брать преимущественно сосновый. Цемент – только портландский и роменский, бутовый камень – жигулевский. Кладка дымовой трубы должна производиться только из цельного кирпича. Перед употреблением все строительные материалы необходимо было освидетельствовать инженеру совместно с водопроводной комиссией, а каждую чугунную трубу должен был проверить десятник. Кроме того, по договору фирме разрешалось устанавливать на станции водоподъемные машины только иностранной марки. Самого лучшего качества должны быть и используемые в работе водопровода измерительные приборы и инструменты для сборки и разборки машин.

Строительство самарского водопровода началось сразу же после подписания упомянутого выше договора, в середине августа 1885 года. Зимин прислал в наш город свои самые лучшие силы из Москвы, в том числе инженера Н.В. Чумакова. Работы шли быстро: уже 1 октября 1886 года началась подача воды на главные улицы города. Подписание же акта о сдаче водопровода в полную эксплуатацию в Самаре состоялась 1 января 1887 года. Таким образом, всего за один год и 4,5 месяца в нашем городе была построена водопроводная станция и уличная водосеть длиной 27,5 километра, что составило 38,5 процента длины всех самарских улиц.

Самарский противопожарный водопровод со своими специальными приспособлениями для тушения пожаров был исключительным сооружением этого рода не только у нас в России, но и вообще в Европе. Его технические особенности заключались в следующем.

Первое. Сети самарского водопровода были проложены по замкнутой кольцевой системе с тремя основными магистралями. Одна из них питала южную часть города, другая – северную, а третья, пересекавшая город по Симбирской улице (ныне

Ульяновская), снабжала водой его обе части. При этом на водосети были установлены задвижки, которые в случае аварии отключали небольшой участок магистрали, не нарушая водоснабжения в других местах.

Второе. В обычном режиме водопровод Самары поддерживал давление в своих магистралях в 7 атмосфер. Но по сигналу пожарной тревоги давление могло быть быстро поднято до 10 атмосфер. Это достигалось благодаря автоматическому закрытию специальных клапанов, после чего прекращалась подача воды в дома, фонтаны и так далее, а вся вода из сетей направлялась на тушение пожара.

Третье. Уличные водосети в нашем городе обеспечивали подачу водной струи мощностью до 200 ведер в минуту и высотой 25,5 метров на расстоянии до 53 метров от выходной части шланга. А так как каждый пожарный кран в Самаре был укомплектован брезентовым рукавом длиной свыше 300 метров, то пожарная команда могла подать струю воды указанной мощности в любую точку самого высокого здания города.

Четвертое. Вдоль всех уличных водосетей в нашем городе была устроена электрическая пожарная сигнализация, причем ее конструкция исключала ложные вызовы по пожарной тревоге, а также имела защиту от хулиганов и воров.

Пятое. В одно время с водопроводом в Самаре была сооружена первая городская телефонная станция на 10 абонентов. Телефонами были соединены между собой четыре пожарные части, водопроводная станция, канцелярия губернатора, городская управа, квартиры губернатора и городского головы, а также городской театр.

Водозаборная станция городского водопровода была возведена на месте нынешней Самарской ГРЭС. Всего на водосетях в момент открытия водопровода в городе было устроено 247 пожарных кранов, 10 фонтанов, 16 уличных водозаборов, и еще к водосети подсоединено 120 домовладений. Водопроводная сеть в то время охватывала обширную городскую территорию - от реки Самары до Полевой улицы, и от Волги до улицы Сенной (ныне улица Буянова). Строительство с самого начала шло под руководством П.В. Алабина. А поскольку во второй половине XIX столетия еще не было современной землеройной и строи-

тельной техники, то можно себе представить, какой огромный объем работы на территории Самары был выполнен вручную, за рекордно короткий срок и к тому же с надежным качеством.

С самого начала работы самарского водопровода его сети обеспечивали водой не только всю территорию города, но и его наиболее пожароопасные предместья: в том числе Лесные пристани и хлебные амбары. В последующие годы водные магистрали дошли и до самых отдаленных самарских окраин: Засамарской слободы, Мещанского, Монастырского, Запанского и Артиллерийского поселков, дачных массивов Новый Оренбург и Молоканские сады, Гусарских казарм. К концу XIX века общая длина самарской водосети достигала более 50 процентов длины улиц города.

К этому времени к водопроводу было подсоединено до 1400 частных самарских домовладений, а также все общественные здания, крупные предприятия, больницы, воинские казармы. Водоснабжение домов, не подсоединенных к сети, но находящихся поблизости от какой-либо водопроводной линии, обеспечивалось через водоразборные колонки, а к более отдаленным домам вода доставлялась водовозами, забиравшими ее из бочечных водоразборов.

По потреблению воды на душу населения Самара после 1897 года в течение нескольких лет занимала первое место среди губернских городов юга и юго-востока России – таких, как Астрахань, Казань, Киев, Кишинев, Саратов, Харьков и другие. Между тем в нашем городе в то время проживало около 75 тысяч человек, а в перечисленных выше городах жителей было больше, чем в Самаре: в Киеве – 247 тысяч, в Харькове – 174 тысячи, в Саратове – 137 тысяч, в Казани – 130 тысяч, в Астрахани – 90 тысяч. К слову сказать, в большинстве губернских центров России к тому времени были устроены обычные, а отнюдь не противопожарные водопроводы.

Кроме 16 водоразборов, самарский водопровод в конце XIX века питал 10 фонтанов, устроенных в городских скверах. Один из них находился в театре и действовал только во время представлений, еще три были открыты в Струковском саду, один – в сквере напротив строящегося собора, один – в Александровском саду и четыре – при памятнике Императору Александру

Второму. На этих последних вода с пьедестала памятника падала каскадом.

Вода из некоторых городских фонтанов, кроме чисто эстетического зрелища, еще использовалась и для поливки садов. На эти цели, в частности, шла вода из фонтана в Александровском саду и из фонтанов в Струковском саду, где она падала каскадом между цветниками, из верхних бассейнов в нижние, а затем оттуда отводилась в резервуары, служившие для поливки сада. Вода четырех фонтанов у памятника императору Александру Второму тоже уходила в специальный резервуар по одной общей трубе.

Это сейчас выглядит удивительно, но в то время вода из самарского водопровода жителям города отпускалась совершенно бесплатно. Дело в том, что стоимость воды, доставляемой потребителям, у нас была значительно ниже, чем во всех других городах России. Объясняется это тем, что самарский водопровод был построен на облигационный заем, а для покрытия ежегодных расходов по эксплуатации водопровода, по уплате процентов и по погашению облигационного водопроводного займа был увеличен на 3-4 процента городской сбор со всего недвижимого имущества, что допускалось законами того времени.

Итак, введенный в эксплуатацию противопожарный водопровод для подавляющего большинства жителей Самары не только ничего не стоил, но, напротив, принес им огромную материальную пользу. Судите сами: за десятилетие, предшествующее постройке водопровода (с 1877 по 1887 годы) в Самаре было отмечено 197 пожаров, которые уничтожили 715 строений и причинили горожанам убытков на сумму 2 187 841 рублей. А вот в течение первых пятнадцати лет после его открытия, с 1887 по 1902 год, в городе было зарегистрировано 539 пожаров, но они, тем не менее, причинили убытков вдвое меньше – “всего лишь” на сумму 1 077 308 рублей. При этом до устройства в Самаре водопровода пожары причиняли городу ущерб в среднем на 218 784 рубля ежегодно, а после открытия водопровода – лишь на 71 820 рублей, то есть в три раза меньше. По мнению экономистов, уже в первый год своего существования самарский водопровод окупил себя полностью: одного только недвижимого имущества он спас на такую сумму, которая равна была стоимос-

ти устройства всего водопровода.

Один из главных инициаторов устройства в Самаре противопожарного водопровода П.В. Алабин, положивший на это дело огромную массу личного труда и забот, писал о нем так: “Действия водопровода заставляют верить в самарское общество, что оно на будущее время обеспечено от больших несчастий, могущих произойти от огня. Действительно, мы уверены, что большой пожар у нас с настоящего времени не возможен, если только пожарная команда с должной энергией выполнит свою прямую обязанность: вовремя явиться на пожар и быстро, вовремя привернуть рукав к пожарному крану”. С открытием водопровода опустошительным пожарам, уничтожавшим город, был положен конец. Отныне Самара могла спокойно расти и развиваться.

После строительства в Самаре противопожарного водопровода, который вначале охватывал только центр города, пожарные чаны стали устраиваться по новому образцу. Городская Дума признала весьма полезным сохранить большие запасы воды в таких емкостях для более успешной борьбы с огнем, в особенности в тех районах, куда к тому времени еще не дошел водопровод, а также на случай одновременного возникновения сразу нескольких пожаров в разных местах. Чаны нового устройства распределялись по таким городским кварталам, где они никому не мешали. Теперь эти резервуары наполнялись водой из водопровода, а затем воду из чанов переливали в пожарные бочки через кран. В ряде случаев это было гораздо быстрее, чем брать ее непосредственно из водопровода. К тому же теперь благодаря водопроводу вода в чанах менялась гораздо чаще, чем прежде, и от нее в жаркую погоду больше не исходило прежнего зловония. Теперь вода из пожарных чанов даже стала использоваться жителями Самары для домашних нужд, а также для полива улиц.

К 1917 года длина самарской уличной водосети превысила 69 километров, то есть водопровод составлял 46 процентов длины всех улиц города. В том году в Самаре было 493 пожарных крана, 11 фонтанов и 85 уличных водоразборов. К городской водосети тогда же было подсоединено 1388 домовладений. В течение суток самарская водопроводная станция закачивала в

сети 5 520 кубометров воды, что составляло 32,5 литра на каждого жителя города. Эта вода использовалась и на промышленные, и на коммунальные нужды.

Кстати, помимо городской сети водоснабжения, к тому времени в Самаре уже появились ведомственные и частные водопроводы. К их числу относился водопровод Самарско-Златоустовской железной дороги, который, впрочем, в 1892 году отдельным водоводом был соединен с городскими водосетями. Был в то время построен еще и водопровод самарского тюремного ведомства. От водопровода Самарского трубочного завода снабжались водой дома поселка Гусарские казармы (их еще называли “гусарские водосети”). Существовали в нашем городе и частные водопроводы некоторых богатых дворян и купцов - например, водопроводы М.А. Чаковского, Н.Е. и А.Н. Башкировых, Д.Е. Челышева и некоторых других. Кроме того, с 90-х годов XIX века у нас работал еще и водопровод Самарского губернского земства в поселке Томашев Колок, который тоже можно считать частью города. С учетом этих ведомственных и частных владений общая длина уличных водосетей в Самаре (без учета водопровода Самарско-Златоустовской железной дороги) к 1917 году достигла 80 километров.

Вплоть до 1914 года, до начала первой мировой войны, самарский водопровод считался совершеннейшим техническим сооружением своей эпохи, которым Самара по праву гордилась долгие годы. До указанного времени он работал исправно и бесперебойно, и в Самаре начала XX века не было зарегистрировано ни одного случая прекращения подачи воды. Однако в течение последующих лет революционных событий и хозяйственной разрухи это уникальное сооружение пришло в упадок. Но это уже совсем другая история.

ГЛАВА 13

“Я ПОДВЕРГСЯ БЫЛО ДОБЫЧЕ ПЛАМЕНИ, НО ПРОВИДЕНИЕ СПАСЛО МЕНЯ...”

**(Свидетельства жителей Самары XIX века о
пожарах и о борьбе с ними)**

Егор Никитич Аннаев (1826-1903)

Известный самарский общественный деятель Е.Н. Аннаев оставил потомкам свои воспоминания о пожарах. Они написаны сильным и выразительным языком, которого трудно было ожидать от “необразованного” самарского купца.

Егор Никитич Аннаев родился в Астрахани. В четыре года он остался сиротой, жил у дальних родственников, а в семь лет он пошел обучаться портняжному мастерству. Для него это были годы мучений и издевательств. Уже потом одиннадцатилетнего забитого мальчишку нашла его сестра Екатерина и увезла Егора в Симбирск, где она жила с мужем Иваном Ивановичем Макке, владельцем сети виноторговых заведений. Егор поселился в комнате приказчика одной из лавок и стал “мальчиком на побегушках” в винном подвале. В 14 лет он увлекался рисованием, пел и читал книги по слогам. Вскоре чтение стало любимым его занятием.

В 1848 году в Самаре умер приказчик одной из виноторговых лавок Макке, и Егор Никитич был послан туда с поручением от Ивана Ивановича. И получилось так, что 5 июня, в день приезда Аннаева в Самару, в городе случился большой пожар. В результате на месте дома Макке молодой человек нашел одни только обгоревшие трубы. Егор стал просить людей своего хозяина найти где-нибудь бочку с водой, чтобы залить тлеющие угли на пепелище и посмотреть, не сохранилось ли что-нибудь. И тут ему сказали, что часть имущества Макке удалось спасти и вывезти на берег Волги, а окна подвала и ход, ведущий в него, слуги заложили кирпичами. Когда через некоторое время Егор сумел проникнуть в подземелье бывшего хозяйского дома, выяснилось, что огненной стихии сюда добраться не удалось. Весь товар остался целым и невредимым, а самое главное, что в подвале сохранился сундучок с шестью тысячами рублей серебром.

Егор Никитич возвратился в Симбирск с большой суммой денег, а затем уговорил Макке построить в Самаре каменный дом. В итоге ему и было поручено руководить этим строительством. Аннаев вернулся в Самару 12 мая 1850 года и тут же приступил к возведению дома.

В течение месяца каменное здание было построено, а его верхний этаж уже почти оштукатурен, как вдруг 13 июня в 12 часов дня в Самаре вновь начался сильнейший пожар. Впоследствии в письме к своему хозяину, Ивану Ивановичу Макке, Егор Аннаев описал чудовищную картину пожара, в очередной раз уничтожившего город: “Я подвергся было добыче пламени, но Провидение спасло меня. Задыхаясь дымом, - кругом пламя, - одурелый, в беспамятстве бежал я вместе с народом к реке Самаре, но вихрь с пламенем мчался туда же, и много несчастных жертв задохлось в пламени. Ужасная картина бедствия была передо мной, я никогда не видел такого ужасного зрелища разрушения. Народ спасал свое имущество на валу и у берега Самарки, но, когда буря обернулась туда, тогда, покидая в жертву все, спасали себя, кидаясь в воду, и тонули... Итак, спасая свою жизнь, я смешался в толпе народа, бежал с ним по берегу версты три и вышел у кирпичных сараев. Там я раздышался и обошел кругом города так, чтобы буря не была мне в лицо.

Долго с трепетным сердцем ждал я у Волги, когда можно будет пройти мимо пылающего города к своему дому, и пришедши, с умилением я помолился Богу, когда увидел, что все под сводами спаслось, - как бы ничего не было! ...Сгорели в доме стропила, крыша, балки...”

В этом письме Аннаев предлагал Макке заново отделать дом к зиме, “...ибо квартиры будут дороги, потому что негде будет жить, а строиться вряд ли будут, потому что народ весь разорился, и не на что покупать материалы, поэтому я полагаю, что лес будет дешев... Не знаю, как переслать сие печальное письмо: почта уничтожена, почтмейстер опалился и повредил себе глаза. Никого теперь не вижу, с кем перешлю, не знаю...” Все же через некоторое время письмо удалось с нарочным отправить в Симбирск, и Макке дал “добро” на завершение строительства обгоревшего дома.

Пока Егор Аннаев продолжал достраивать дом после пожа-

ра, по городу поползли слухи, что Самара утверждена губернским городом. Предприимчивые люди тут же смекнули, что теперь, после такого пожара, каждый дом будет на счету. Понимал это и Аннаев, и в результате к январю 1951 года, то есть к открытию губернии, дом его хозяина был готов. Тут же выяснилось, что трехэтажный дом Макке является самым лучший зданием в сгоревшем городе, поскольку он был в числе первых больших каменных домов в Самаре. Неудивительно, что здание за хорошую цену было арендовано властями. Именно в доме Макке совершилось историческое событие – торжественное открытие вновь образованной Самарской губернии. Затем в течение 1851 - 1880 годов в доме поочередно размещались губернское правление, городская дума и губернская типография.

С первого января 1852 года Аннаев стал самостоятельным хозяином, самарским купцом третьей гильдии. Через год он открыл торговлю в Оренбурге, а еще через год начал строительство собственного дома в Самаре, на Алексеевской площади.

“Почти век знали самарцы, где были Аннаевская дача, Аннаевская просека, Аннаевский затон, Аннаевские пески, Аннаевский овраг, Аннаевская гостиница” - пишет Наталья Петровна Фомичева в своей книге об этом самарском предпринимателе. И далее: “В доме Аннаева на Алексеевской площади была открыта первая в Самаре постоянная книжная лавка. С его именем связано строительство самарской кирхи. Потом все это ушло в прошлое и забылось бы совсем, если бы не архивные документы”. Вот так по крохам восстанавливается подлинная история города и возвращаются из небытия образы людей, без которых прошлое Самары было бы невысказано.

Людмила Петровна Шелгунова, урожденная Михаэлис (1832 – 1901).

Жена Н.В. Шелгунова, литературного критика, публициста. Их имена вписаны в историю освободительного движения 60-х годов XIX века. Оба - литераторы, типичные представители “шестидесятников”, поколения “новых людей”.

Людмила Петровна родилась в средней дворянской семье николаевского времени. Окончила частный пансион в Петербурге. В 1850 году вышла замуж за Н.В. Шелгунова, который в эти

годы служил лесным ревизором в Самаре. Отправившись к мужу в Самару, Людмила Петровна потом вспоминала:

“...От Симбирска до Самары мы ехали с тревожным чувством и перед Самарой уже знали, что тот квартал, в котором была квартира Николая Васильевича (ее мужа – Ред.), сгорел. Наконец, судно наше причалило к городу, еще местами дымившемуся. Это была громадная черная площадь с торчавшими кое-где изразцовыми печами... Пожар этот был чем-то ужасным. Поднявшийся страшный ветер разносил горящие головни на далекие расстояния, и дома мгновенно вспыхивали. В одной улице не успели спастись даже пожарные, и все они погибли в пламени вместе с трубой. Жители целыми толпами бежали к реке Самаре и стремительно погружались в нее, спасаясь от огня. Несчастливым и там не всегда приходилось укрыться. Вдоль берега реки тянулись настроенные хлебные амбары, которые не замедлили загореться, и пламя быстро перешло на суда, не успевшие заблаговременно выбраться в Волгу; к несчастью, все почти суда были нагружены смолой, которая ярко горела и превратила реку в настоящий ад. Пожар пощадил одну только часть города: расположенный на его пути сад поставил ему непреодолимую преграду и защитил собою постройки”.

Степан Григорьевич Волховский (1786-1858)

Первый самарский губернатор (руководил губернией с января 1851 по май 1853 года).

Указом Правительственного Сената от 6 декабря 1850 года Самара была переведена из ранга уездного города в ранг губернского. 1 января 1851 года в Самаре начались торжества по поводу открытия новой Самарской губернии. На них из Вологды прибыл тайный советник Степан Григорьевич Волховский, назначенный первым самарским губернатором. В том году ему исполнилось 65 лет.

Новому губернатору предстояла большая работа по созданию органов управления новой территориальной единицей Российской империи. Начинать пришлось чуть ли не с нуля: Волховский приехал в Самару на пепелище, поскольку город, еще не оправившийся от пожара 1848 года, летом 1850 года пережил еще более опустошительную огненную катастрофу. И теперь

Волховскому предстояло возрождать город и принимать срочные меры по созданию пожарного обоза.

Первый самарский губернатор начал большую переписку со своими соседями. Волховский просил присылать из других губерний документы о штатах пожарной части, сведения о пожарных инструментах, о мундирах и амуниции. На основе полученного материала в конце 1851 года был разработан проект штата самарской городской полиции из расчета, что город будет поделен на три района, каждый из которых должна обслуживать своя полицейская часть. Соответственно при каждом полицейском отделении предполагалось создать по пожарной команде, и приобрести для них большое количество пожарных инструментов.

В период пребывания Волховского на губернаторском посту Самара получила новый план застройки города, который 19 ноября 1853 года был утвержден императором Николаем Первым. Следом был утвержден также новый штат городской полиции и пожарной службы, а Самара при нем начала возрождаться, застраиваясь не только деревянными, но и каменными домами.

Константин Карлович Грот (1815-1897)

Самарский губернатор с 12 мая 1853 года по апрель 1860 года.

Старого и больного Волховского на губернаторском посту сменил молодой, блестяще образованный и энергичный Константин Карлович Грот. Он родился 12 января 1815 года в Санкт-Петербурге, в семье бывшего “товарища по воспитанию” императора Александра Второго. Как писал один из современников, “семья Гротов была одной из тех просвещенных семей России, которые много послужили во славу Российского государства”.

Старший брат Константина Карловича, Яков Карлович, впоследствии стал известным ученым и академиком. А вот младший из братьев после окончания Царскосельского лицея ушел на государственную службу. “В деятельности Константина Карловича проявилась коренная фамильная черта Гротов – страсть к упорядочению и рациональному переустройству”.^{*} Как чиновник по особым поручениям, Грот объехал многие губернии России, в том числе и поволжские. Везде он оказывался

непримиримым, жестким ревизором. “Константин Карлович был сторонником “порядка”, но порядка нового, опирающегося не на деспотический каприз местного сатрапа, а на рациональную, не замутненную мздоимством службу”.

Грот являлся членом Императорского Русского географического общества, которое в те времена было цитаделью идейного реформаторства. Общение с патриотически настроенными людьми, государственная служба “сформировали в нем ясность понимания своих задач, решительность и властность поступков, столь изумивших самарскую публику, вынужденную склониться в почтительном поклоне перед новым хозяином губернии”. Вот таким был К.К. Грот, когда 12 мая 1853 года он вступил в должность самарского губернатора. В том году ему исполнилось 38 лет.

Новому губернатору досталось незавидное наследство. Наша губерния в то время была одной из обширнейших в России. При этом деятельность администрации была парализована большими расстояниями и почти полным отсутствием дорог. А в среде чиновников, по печальной русской традиции, поголовно процветало взяточничество.

Новый губернатор с самого начала показал решительность своих намерений. Он привлек к себе на службу образованных молодых людей. “Новая молодежь проникла во все управление и задавала всему тон. Для Самары это был медовый месяц гражданственности”, - писал Н.В. Шелгунов о том времени.

Гроту удалось в значительной мере искоренить взяточничество в Самарском крае. В ответ Самара воздала ему полной мерой “как уважением, почетом и восхищением, так и черной завистью, злобой и пасквильанством”. Тем не менее за семь лет руководства обширным регионом Грот успел многое сделать. Все историки считают, что в данном случае Самарскому краю определенно повезло с губернатором.

При Гроде Самара горела дважды: крупные пожары произошли 12 мая 1854 года и 10 июня 1856 года. Пламя истребило в городе большое количество домов в центре, после чего Грот стал уделять большое внимание борьбе с пожарами. При нем город стал застраиваться по плану, утвержденному императором.

Застройка Самары шла с соблюдением необходимых рассто-

аний и правил строительного устава, и это дало свои результаты: при Гроте пожары стали реже и уже не достигали такой катастрофической силы. В итоге город получил возможность расти и развиваться. Именно при этом губернаторе общественные здания по мере возможности стали строить из камня или на каменном фундаменте, с железными крышами. Если до Грота в Самаре в среднем строилось три каменных и 63 деревянных дома в год, поскольку в городе не хватало кирпича, то при нем в Самаре стала быстро развиваться кирпичная промышленность. В результате в конце губернаторства Грота в городе уже строили больше 10 каменных домов в год.

По распоряжению губернатора фабрики, заводы и другие огнеопасные предприятия стали строиться только за чертой города – в Засамарской слободе, которая стала развиваться как район сосредоточения промышленных предприятий. В частности, к 1857 году все ветряные мельницы были вынесены за пределы городской черты Самары. Тогда же по указанию Грота всех проживавших внутри города бочаров, бондарей и колесников лишили права хранить на дворах деревянные изделия в большом количестве. Они должны были складывать все детали на берегу Волги, где им отвели особое место для хранения. Губернатор также обязал полицию следить за тем, чтобы такие огнеопасные производства, как курени, выпекающие хлеб и калачи в большом количестве, размещались только в заранее согласованных для этого местах.

Грот также обращал особое внимание на то, чтобы вновь возводимые в Самаре дома были как можно более устойчивыми к огню в случае пожара. Вот один характерный штрих. Некоторые из самарцев, пережившие опустошительные пожары, обратили внимание на одно странное обстоятельство: бывало, что во время такой общегородской катастрофы загорались не только деревянные, но и каменные строения, причем порой даже на значительном расстоянии от огня. Но на них дело не заканчивалось: следом пламя быстро перекидывалось и на соседнее каменное здание, хотя, казалось бы, кирпичные стены должны были препятствовать распространению пожара.

Объяснялось все довольно просто: на каменные здания владельцы навешивали деревянные карнизы, ставили деревянные

крыши или сооружали прочие пристройки из легко сгораемых материалов. В итоге своим распоряжением от 19 июня 1856 года Грот обязал губернскую строительную комиссию принимать проекты каменных домов исключительно без деревянных карнизов и без каких-либо сгораемых пристроек в виде лестниц, галерей и прочего. Еще он советовал домовладельцам крыть свои дома либо железом, либо черепицей.

По другому распоряжению губернатора, от 23 мая 1856 года, самарские власти наняли 12 опытных трубочистов, которые бесплатно чистили трубы во всех обывательских домах, поскольку одной из основных причин пожаров в жилых кварталах было плохое устройство печей и труб. Домовладельцы же должны были регулярно требовать от трубочистов своевременной очистки печных труб.

Грот повелел также устраивать во всех самарских зданиях дымовые трубы с выходным отверстием не четырехугольной, а круглой формы. Оказывается, труба с традиционным четырехугольным сечением плохо поддается очистке. Из-за этого в ее углах со временем накапливается сажа, и по ней на крышу рано или поздно начинает вырываться открытое пламя. Что же касается труб с круглым сечением выходного отверстия, то их всегда чистить гораздо легче, нежели с четырехугольным сечением. К тому же печные трубы в соответствии с губернаторским распоряжением с указанного времени предписывалось строить либо из обожженной глины, либо из кирпича. Полиция была обязана наблюдать за исполнением этого распоряжения.

Грот уделял много внимания проблеме благоустройства Самары, что тоже является важным условием противопожарной безопасности в городе. На улицах началось устройство тротуаров, было обустроено два пешеходно-гузовых спуска к реке Самаре, а в 1856 году была завершена работа по благоустройству спуска к Волге в районе Заводской улицы (ныне улица Венцека). Водовозам стало легче спускаться к реке и подниматься обратно. Кроме того, именно при Гроте в Самаре были установлены первые 100 фонарей для освещения улиц. Тогда же началось озеленение города, а Струковский сад был приведен в порядок и стал местом массового отдыха горожан.

При этом же губернаторе, в январе 1855 года, в Самаре от-

крылось агентство страхового от огня товарищества “Саламандра” на Воскресенской улице (ныне улица Степана Разина).

До губернаторства Грота все самарские полицейские части вместе с пожарными командами располагались в домах, арендуемых городом у домовладельцев. И лишь при нем, после пожара 1856 года, в 66-м квартале Самары, на углу улиц Николаевской и Предтеченской, было построено первое муниципальное каменное здание для второй полицейской части, к которой относилась также и вторая пожарная команда. Здание имело служебные помещения для пожарных и деревянную каланчу. А для первой полицейской части в 1857 году была построена деревянная изба на каменном фундаменте.

При Гроте из года в год увеличивались суммы денег, выделяемые на устройство пожарного обоза, на приобретение пожарных инструментов и лошадей. А в последний год губернаторства Грота в Самаре стала создаваться третья пожарная часть.

И, конечно же, Грот заботился о противопожарном водоснабжении города. Именно при нем на улицах и площадях Самары начали устанавливать деревянные чаны с водой. К концу правления Грота число их насчитывалось 41. Однако губернатор уже в то время понимал, что для более успешной борьбы с огненной стихией городу нужен специальный противопожарный водопровод. Грот не раз настойчиво предлагал вынести вопрос о строительстве водопровода на рассмотрение Самарского городского общества, однако так и не успел довести свое дело до конца, поскольку его вскоре перевели за пределы Самарской губернии.

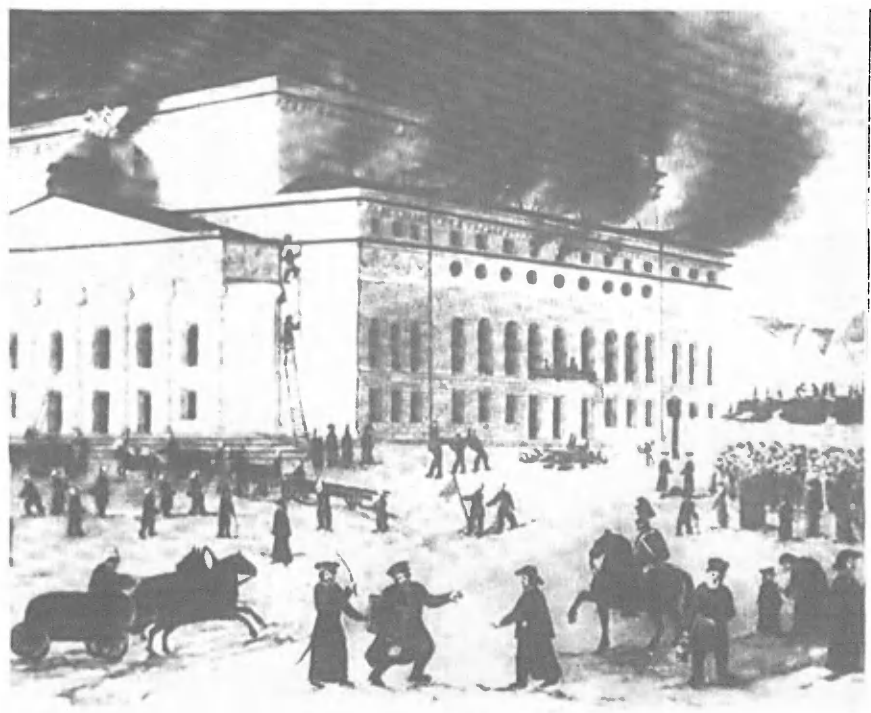
Николай Петрович Зимин

Мысль о строительстве водопровода все больше и больше овладевала самарской общественностью. В итоге городской голова Михаил Иванович Назаров в 1881 году начал переписку с московским инженером Н.П. Зиминим, который работал заведующим системой московских водопроводов и был одним из ее создателей.

Назаров довольно долго уговаривал москвича приступить к строительству водопровода в Самаре. Зимин отвечал, что к этому можно будет приступить только тогда, когда будет проект водопровода. В конце концов в феврале 1882 года Зимин согла-

г. Москва. Выезд пожарной команды.

г. Москва. Тушение пожара Императорского театра.

Казнь поджигателя, гравюра XVI век.

Крепость Самара.

Стрелец, рисунок.

Строительство крепости Самара, гравюра XVI век.

г. Самара 1911г. Драматический театр. Учения пожарных.

г. Самара. Вид с Волги. Пивоваренный завод.

сился заняться составлением такого плана. Однако только в июне 1883 года он смог принять участие в конкурсе технического строительного комитета МВД по составлению проекта самарского водопровода. Все представленные на конкурсе 11 проектов рассматривала подготовительная водопроводная комиссия, которая в итоге присудила первую премию проекту Зимина, имевшего название “Нептун”.

Тем не менее городская Дума не во всем была согласна с этим проектом и поручила инженеру изменить его, чтобы придать водопроводу вид хозяйственно-противопожарного. Переработанный проект Н.П. Зимина и рассчитанная им смета стоимости работ были приняты Городской Думой, а затем утверждены городской управой 9 августа 1885 года.

Зимин не мог оставить свою работу в системе московских водопроводов. Для реализации своего проекта и для наблюдения за прокладкой самарского водопровода он рекомендовал московского инженера Николая Васильевича Чумакова. Кроме того, для успешного ведения строительства Зимин уступил Самаре свои лучшие московские силы: десятников, мастеров и рабочих. Зимин внимательно следил за постройкой водопровода в Самаре, переписывался с Чумаковым и даже время от времени наезжал в наш город. По ходу строительства водопровода Зимин вносил в проект различные усовершенствования. Благодаря нескольким его изобретениям самарский противопожарный водопровод оказался чрезвычайно эффективным при тушении пожаров. К тому же за изобретение автоматического запорного аппарата для воды, впервые примененного в самарском городском водопроводе, Зимин получил удостоверение на пятилетнюю привилегию, а за другое новшество - пожарно-водопроводную лестницу, он удостоился права на десятилетнюю привилегию.

Пожарно-водопроводная лестница – это совершенно необыкновенное для того времени сооружение. Около горящего дома (одно- или двухэтажного) устанавливалась трубчатая противопожарная лестница особого устройства с площадкой напротив второго этажа. При этом ребра лестницы состояли из труб, по которым по время пожара вода могла подниматься вплоть до крыши здания. Поэтому пожарный, взбежав по лестнице с брандспойтом и коротким брезентовым рукавом, мог тут же присое-

динить этот рукав к одному из кранов, устроенных при лестнице, а затем немедленно приступить к тушению пожара в верхних частях здания. Очень удобным было то, что лестница всегда оставалась холодной, поскольку внутри нее все время текла вода.

На первом русском водопроводном съезде, состоявшемся в Москве в марте 1893 года, с докладами выступили инженеры Н.П. Зимин и Н.В. Чумаков. Их выслушали с огромным вниманием, а затем в Самару стали приезжать за опытом строительства противопожарного водопровода инженеры и меценаты со всей страны. Впоследствии такие водопроводные съезды в России стали проводиться регулярно, через каждые два года, и собирались они в разных городах России: в Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, и так далее. Самарские инженеры выступали на всех этих съездах и делились с коллегами опытом работы.

Николай Васильевич Чумаков

Н.В. Чумаков был специалистом по сооружению водопроводов. Приглашенный в Самару по рекомендации Зимина, Чумаков приехал в наш город в сентябре 1885 года. Уже с 17 сентября он приступил к руководству строительством, и с этого дня ему стали начислять жалование как главному инженеру города.

Строительство водопровода тогда было еще новым и редким делом для России. Для руководства различными участками новостройки Чумаков привез с собой опытного десятника Геннадия Жижикова и других специалистов. Все они сразу же приступили к делу. Для невиданного в Самаре сооружения отбирался самый лучший строительный материал, а каждую чугунную трубу десятник проверял лично. Удивительно, что даже при отсутствии средств механизации огромный объем работы был выполнен в кратчайшие сроки – к 1 января 1887 года. Водопровод построили одновременно с системой телефонной связи, с электрической пожарной сигнализацией, с автоматическим выключением и включением потребителей, с системой задвижек, позволяющей открывать лишь незначительные участки водосети при авариях и ремонте сетей, что обеспечивалось кольцевой системой водоснабжения.

Первое серьезное испытание на долю инженеров выпало 16

мая 1887 года, когда в разных точках города один за другим произошли три крупных пожара. При этом жители города остались недовольны действием водопровода, поскольку оказалось, что напор воды в рукавах недостаточно силен. Вскоре после этого случая Чумаков написал “Отчет об исследовании причин неудовлетворительного действия водопровода в пожаре 16 мая 1887 г.”, опубликованный в городской печати.

Оказалось, что в тот критический день самарский водопровод не смог проявить себя в полной мере по причине его неправильной эксплуатации в момент пожаров. Выяснилось, в частности, что как раз в то время, когда пожарные тушили три очага огня одновременно, водовозы и частные лица по-прежнему беспрепятственно получали воду из всех водоразборов. Между тем техники, следившие за работой водопровода, в этот момент обязаны были перекрыть подачу воды все прочим потребителям, и направить имеющиеся резервы на нужды пожарных. Однако по каким-то причинам обслуживающий персонал водопроводной станции этого не сделал. Одним словом, хотя 16 мая 1877 года самарский водопровод находился в полной исправности, ему просто не хватило мощности на всех потребителей

Стало ясно, что нужно еще научить техников водопровода, как правильно управлять этим сложным инженерным сооружением. Чумаков написал “Правила пользования водопроводом”, куда были включены ценные советы и инструкции и для пожарных, и для населения.

Согласно инструкции, доступ к главным пожарным вентилям был строго ограничен. Их имели право открывать и закрывать только те, кто обслуживал водопровод. А еще с того года заведующий самарским водопроводом Н.В. Чумаков ежегодно передавал в городскую Думу отчеты по хозяйственной эксплуатации водопровода. По этим документам можно было проследить, как быстро росла в Самаре водопроводная сеть, постепенно охватывая все новые и новые районы города, а также узнать, какие технические новинки и новые приборы применялись в те годы в этом уникальном сооружении.

Если в первые годы работы самарского водопровода в его сети подавалась неочищенная вода, то впоследствии для ее очистки стали применяться новейшие американские фильтры. А еще

одним немаловажным результатом его работы было то, что вплоть до 1914 года в самарском водопроводе не было ни одного случая прекращения подачи воды.

Петр Владимирович Алабин (1824 – 1896)

Как известно, инициатором строительства противопожарного водопровода в Самаре был видный общественный и хозяйственный деятель П.В. Алабин, занимавший в годы строительства этого сооружения пост самарского городского головы.

П.В. Алабин родился 29 августа 1824 года в городе Подольске Московской губернии, родом он был из дворян Рязанской губернии. Впоследствии Алабин окончил Петербургское коммерческое училище и добровольно начал свою служебную карьеру на военном поприще. В 1849 году он участвовал в венгерской кампании, в 1853 году воевал против турок, в ходе Крымской войны участвовал в обороне Севастополя и Малахова кургана, заслужив множество наград. В августе 1857 года офицер ушел в отставку с военной службы “по домашним обстоятельствам”.

В конце 1857 года Алабин занял должность управляющего Вятской удельной конторы. Проживая в Вятке, Алабин в сфере своей служебной деятельности проявил живую инициативу и энергию, воскресив в городе публичную библиотеку и устроив при ней публичный музей. За эти заслуги его избрали почетным гражданином города Вятки.

В 1886 году Алабин был назначен управляющим Самарской палатой государственных имуществ, а с января 1867 года – управляющим государственным имуществом Самарской и Симбирской губерний. Он принимал активное участие в деятельности созданных земских учреждений, являясь одним из передовых его деятелей. По инициативе Алабина была устроена ремесленная школа и открыта колония для малолетних преступников.

В 1877 году во время русско-турецкой войны Алабин возглавил Самарскую депутацию и доставил в болгарский город Плоешти Самарское знамя для болгарских дружин. В Самаре Алабина избрали на должность уполномоченного “Красного креста”, а затем главным агентом этого общества при главнокомандующем южной армии в Болгарии. В декабре 1877 года Алабин был назначен губернатором города Софии. Во многих горо-

дах Болгарии он ввел гражданское управление. За свою плодотворную и разностороннюю деятельность в Болгарии он получил несколько наград.

В 1879 году Алабин вернулся в Самару. В качестве гласного Самарской городской Думы, а впоследствии – и городского головы Алабин много сделал для улучшения городского хозяйства, для благоустройства города. В частности, именно он положил начало благоустройству набережной реки Волги, построил в нашем городе драматический театр, установил памятник императору Александру Второму, ускорил постройку нового кафедрального собора, обновил Александровскую библиотеку и устроил при ней публичный музей. Его книги “Двадцатипятилетие г. Самары как губернского города” и “300-летие Самарской губернии” заложили фундамент самарского краеведения.

А еще Алабин много сделал для того, чтобы обезопасить Самару от пожаров. В 1869 году он написал работу под заголовком “Какие меры предпринять для предупреждения и ослабления пожаров в селах и деревнях”, которая была издана в том же году в Санкт-Петербурге и распространялась в провинции. Тогда же он вошел в состав комиссии для изыскания мер предупреждения пожаров в селах и деревнях. После самарского пожара 1877 года Петр Владимирович вошел в комиссию по оказанию помощи пострадавшим, а на экстренном заседании городской Думы Алабин единогласно избрали на должность заведующего пожарным обозом.

Алабин отдал много сил благоустройству города: освещению и озеленению улиц, мощению дорог и тротуаров, устройству телефонной связи. При Алабине в Самаре получила наибольшее развитие кирпичная промышленность. В итоге через 30 лет после 1871 года количество каменных зданий в нашем городе выросло с 723-х до трех тысяч. При Алабине также было учреждено городское общество взаимного страхования от огня, вместо подобных же коммерческих организаций, которые, по общему мнению, лишь только обирали людей.

В 1879 году Алабин вошел в комиссию по разработке вопроса о строительстве водопровода в Самаре. Однако эта проблема в течение пяти лет находилась в “подвешенном” состоянии, пока в январе 1884 года не началось активное обсуждение про-

екта водопровода инженера Зимина. Тогда же Алабин был избран членом комиссии для составления правил по противопожарному обеспечению города.

В июне 1885 года в Самаре была создана комиссия для продажи облигаций водопроводного займа под председательством городского головы П.В. Алабина. А в июле 1885 года инженер Н.П. Зимин в письме к Алабину рекомендовал в качестве руководителя строительством своего ближайшего помощника инженера Н.В. Чумакова, а также высказывал желание лично приехать в Самару. В итоге 29 августа состоялась закладка станции самарского водопровода на берегу Волги, немного выше Иверского женского монастыря. В северо-западном углу главного здания был установлен “большой камень с выдолбленным местом, в который заложен акт закладки, перед тем прочитанный Алабиным”. В период строительства водопровода Алабин вникал во все детали и сразу разрешал многочисленные вопросы, возникавшие во время строительства.

Уже 5 января 1887 года водопроводная комиссия во главе с Алабиным провела испытания только что сданного в эксплуатацию городского водопровода: “...насколько он приспособлен к непосредственному тушению пожара”. Испытания прошли вполне успешно, и комиссия сделала вывод, что “водопровод вполне удовлетворяет всем требованиям”, - сообщается в “Летописи жизни Петра Алабина”, составленной О.В. Московским.

Еще об этом здесь можно прочитать следующее: “11 января 1887 года. На торжестве освящения водопровода присутствуют губернатор А.Д. Свербеев, ...городской голова П.В. Алабин, составитель проекта водопровода инженер Зимин, строитель водопровода Ф.И. Бромлей... В обширной слесарной мастерской, где накрыт праздничный стол, Алабин держит речь, в которой рассказывает о том, как и чьими стараниями создавался водопровод... В определенный контрактом срок, - замечает он, - Самара получила противопожарный водопровод поистине образцовый, которым может гордиться, что ставит меня в обязанность от имени городского общества поднять бокал в честь составителя проекта водопровода инженера Зимина и строителей водопровода братьев Бромлей”. Инженер Зимин, произнеся тост, говорил о заслугах городского головы Алабина, “который от-

дал всю свою душу этому делу и с замечательной энергией довел его до благополучного окончания. Я преклоняюсь перед этой выдающейся деятельностью, - пусть она будет всегда живым примером, как надо трудиться на пользу общества”.

Вскоре после этого, 1 февраля 1887 года, Алабина вновь избрали городским головой. “Летопись...” сообщает, что “Алабин избран на эту почетную и ответственную должность так блестяще, как не избирался еще, сколько известно, ни один городской голова не только в Самаре, но даже и во всей России. От 64 лиц, участвовавших в баллотировке, он получил 62 избирательных права”.

При Алабине противопожарная водопроводная сеть Самары продолжала расширяться, охватывая все большее количество кварталов. В июле 1887 года городская управа начала обсуждать вопрос о переустройстве пожарных чанов по новому образцу. Алабин постоянно следил за состоянием водопровода, и обо всех повреждениях в водосборных колодцах, о замеченных разбитых крышках к ним и о других неисправностях сообщал Н.В. Чумакову. А через год, в январе 1888 года, Алабин выразил искреннюю благодарность городского общества братьям Бромлей и инженеру Чумакову за добросовестную и безупречную эксплуатацию водопровода.

Петр Владимирович Алабин скончался в Самаре 10 мая 1896 года. Краеведы и историки по праву связывают с его именем целую эпоху в деле благоустройства нашего города и нового этапа в борьбе с опустошительными пожарами.

Яков Владимирович Марков

До настоящего времени остается загадкой причина замалчивания в краеведческой литературе сведений о почетном гражданине города Самары Я.В. Маркове. Участник защиты Севастополя, подполковник армейской пехоты, Яков Владимирович Марков в 1871-1873 годах исполнял должность самарского полицмейстера. Будучи одновременно и командиром пожарной команды Самары, Марков был в городе фигурой весьма заметной.

По долгу службы ему часто приходилось обращаться в городскую управу по вопросам благоустройства улиц и площа-

дей, ремонта мостов, дорог и подъездных путей к пристаням. Заботясь о пожарной безопасности города, Марков добивался обеспечения своей команды надежным снаряжением и транспортом.

Рассматривая на заседаниях городской Думы его рекомендации, гласные, как правило, признавали их “заслуживающими уважения” и “находили необходимым” устранить отмеченные недостатки, принимали решения о ремонте дорог, мостов и тротуаров, об исправлении спусков к Волге и к “Триумфальным воротам”, определяли по представлению управы сумму на проведение соответствующих работ.

Старый воин внимательно относился к подчиненным. Характерно в этом отношении письмо Маркова, направленное в городскую управу 5 октября 1871 года: “Во время пожарных случаев пожарные служители нередко при тушении огня получают ушибы и для излечения поступают в Самарскую губернскую земскую больницу, которая по выздоровлении взыскивает за лечение деньги лично с ушибленных, а так как пожарные служители в данном случае получают болезнь при охранении общественного благосостояния, то имею честь покорнейше просить управу сделать распоряжение оплатить пожарных служащих из общественных средств”. Рассмотрев предложение Маркова, городская управа нашла его “заслуживающим полного уважения”. Городская власть тут же ходатайствовала перед Думой “о принятии на счет городских средств лечения пожарных служителей”.

“За отличную усердную службу” 7 июля 1872 года подполковник Я.В. Марков был награжден орденом Станислава 2-й степени с императорской короной.

В те годы в Самаре преобладали деревянные постройки. Пожары были нередким и страшным бедствием. Марков в весьма вежливых, выдержанных тонах настойчиво добивался усиления внимания городских властей, предпринимателей и домовладельцев к вопросам пожарной безопасности.

Однако пожары все равно случались, и нередко. Например, 11 июля 1873 года в Самаре, на лесной пристани у лесопромышленников – поручика графа Шереметева и купца Волкова - в результате сильного пожара, возникшего по неизвестной причине, сгорело 23 сруба и до 950 бревен. Только благодаря муже-

ству и самоотверженности пожарных под руководством Маркова, лично участвовавшим в борьбе с огнем, удалось предотвратить распространение огня на близлежащие строения.

Вскоре появилось распоряжение губернатора: “Состоящий на службе по армейской пехоте самарский полицмейстер подполковник Марков согласно прошению по расстройству здоровья с 21 сентября уволен от должности полицмейстера”.

Сообщили об этом и “Самарские губернские ведомости” в рубрике “Распоряжения губернского начальства”: “Увольняется состоящий на службе по армейской пехоте самарский полицмейстер подполковник Марков от должности полицмейстера по расстроенному здоровью (с 21 сентября)”.

“Расстройство здоровья” было очень серьезным и связано с выполнением служебного долга. Не случайно поэтому городская Дума ходатайствовала о присвоении Я.В. Маркову звания “Почетный гражданин города Самары”.

Прошло более полугода, и 2 мая 1874 года самарский губернатор Ф.Д. Климов уведомил городскую управу о том, что “...Государь император, по Всеподданнейшему докладу министра внутренних дел 19 минувшего апреля, Высочайше соизволил на присвоение, согласно с ходатайством Самарского городского общества, звания почетного гражданина города Самары бывшему самарскому полицмейстеру подполковнику Маркову”. 4 мая правительственное распоряжение о присвоении звания “Почетный гражданин города Самары” подполковнику Маркову было опубликовано в “Самарских губернских ведомостях”, а 8 мая Якову Владимировичу Маркову выдали от имени управы свидетельство об этом звании за № 2802.

После смерти старого воина Самарская городская Дума учредила специальную стипендию имени Я.В. Маркова на содержание одной воспитанницы в Николаевском сиротском доме.

ГЛАВА 14

ХРОНИКА ПОЖАРОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1851 год

18 августа. В Ставрополе был пожар, сгорели архивы уездных учреждений и уездные училища (ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 332, л. 8 об., 31).

27 августа. После пожара духовное училище переведено из Ставрополя в Самару (“Город Ставрополь и его храмы”, Самара, 1882, с. 101, 104).

1854 год

12-15 мая. В Самаре был сильный пожар, уничтоживший 150 домов. Сгорели уездное казначейство, уездное и духовное училища, 4 салотопенных завода и дом купца Лебедева, в котором размещался театр (“Самарские губернские ведомости”, 1855, 26 ноября).

1856 год

10 июня. В Самаре был опустошительный пожар: сгорели все 176 торговых лавок, находившихся на Алексеевской площади (ныне пл. Революции); 246 жилых домов, в том числе 48 каменных и 198 деревянных. Пострадало имущество государственных учреждений. После пожара начал обсуждаться вопрос об устройстве водопровода (“Самарские губернские ведомости”, 1857, 22 июня, 28 сентября).

1857 год

В селе Старая Рачейка Сызранского уезда был сильный пожар, уничтоживший 20 домов (ГАСО по г. Сызрани, ф. 74, оп 1, д.4, л. 18).

1866 год

В селе Жемковка Сызранского уезда пожар уничтожил четвертую часть села.

1871 год

5 сентября. В городе Бузулуке был сильный пожар, истребивший за несколько часов три четверти города. Сгорели 651 дом, собор, помещения телеграфной станции, почтовой конторы, полиции, суда, казначейства и приходского училища.

Общий ущерб составил 1 045 931 руб. ("Календарь Самарской губернии на 1872 год", Самара, 1872, с. 166).

1877 год

25 января. В Ставрополе был пожар, от огня пострадали собор во имя Святой Троицы и другие здания (Город Ставрополь и его храмы, Самара, 1882, с. 109).

24 июля. Сильный пожар в Самаре, огнем уничтожено 16 кварталов города, сгорели более трехсот домов, библиотека Благородного Собрания, пострадали здания городской управы и Николаевского сиротского дома (ГАСО, ф. 153, оп. 1, д. 130, л. 64).

1881 год

20 июля. Заведующий Московским водопроводом инженер Зимин предложил Самарской городской управе свое участие и проект на устройство противопожарного водопровода в Самаре (Журналы Самарской городской думы за 1881 год, Самара, 1882, с. 540).

24 июля. В городе Бугуруслане был пожар, сгорела половина города 482 дома. Убытки составили 527 785 руб. (ГАСО, ф. 3, оп. 29, д. 5, л. 8).

1882 год

14 мая в результате пожара в слободе Кинель-Черкасской Бугурусланского уезда сгорело примерно 90 жилых домов (ГАСО, ф. 5, оп. 12, д. 103, л. 184).

1886 год

Ноябрь. В Самаре установлена противопожарная сигнализация. Всего в городе насчитывается 15 ящиков с аппаратурой, связанной с пожарной частью (ГАСО, ф. 153, оп. 22, д. 15, л. 35-36).

1888 год

26 апреля. В Самаре в результате пожара полностью сгорел пивоваренный завод Л.К. Шлеске. Погибло 2 человека, 6 лошадей и 1 корова. Убыток составил 57 тыс. руб. ("Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1889 год", Самара, 1888, с. 182).

1901 год

17 апреля. Самарской городской управой заключен договор с "Товариществом братьев Нобель" о поставке Самарскому водопроводу и электрической станции для отопления паровых котлов продуктов переработки нефти, не содержащих воды, песка и других посторонних примесей (ГАСО, ф. 153, оп. 37, д. 86 л. 12-12 об.).

30 апреля. В Засамарской слободе Самары пожаром уничтожены почти все строения: жилые дома, пристани, здание приходского училища ("Голос Самары", 1901 год, 19 мая).

1903 год

1-2 июля. В слободе Покровской Новоузенского уезда бы сильный пожар, в котором сгорело 180 амбаров, 500 домов, 11 барж, на которых было два с половиной миллиона пудов пшеницы, 40 вагонов и платформ с товарами. Погибло 30 человек. Убыток составил 8 млн. руб. Пожар начался в 8 часов утра и был потушен только к вечеру следующего дня. Большинство имущества не было застраховано ("Самарская газета", 1903 год, 5,6,7,8 июля).

1906 год

5 июля. В Сызрани бушевал мощный пожар: сгорело 3 500 домов, 6 храмов, почти все корпуса Сретенского женского монастыря, 2 большие паровые мукомольные мельницы, здания банка, больницы, тюрьмы. Погибло до 100 человек.

Губернатор И.Л. Блок выступил с обращением к самарцам об оказании помощи погорельцам хлебом и одеждой (ГАСО по г. Сызрани, ф. 39, оп 1, д. 1 л.л. 13-16; ф. 101, оп. 1, д. 5, л.5).

г. Самара, ул. Дворянская (ныне ул. Куйбышева).

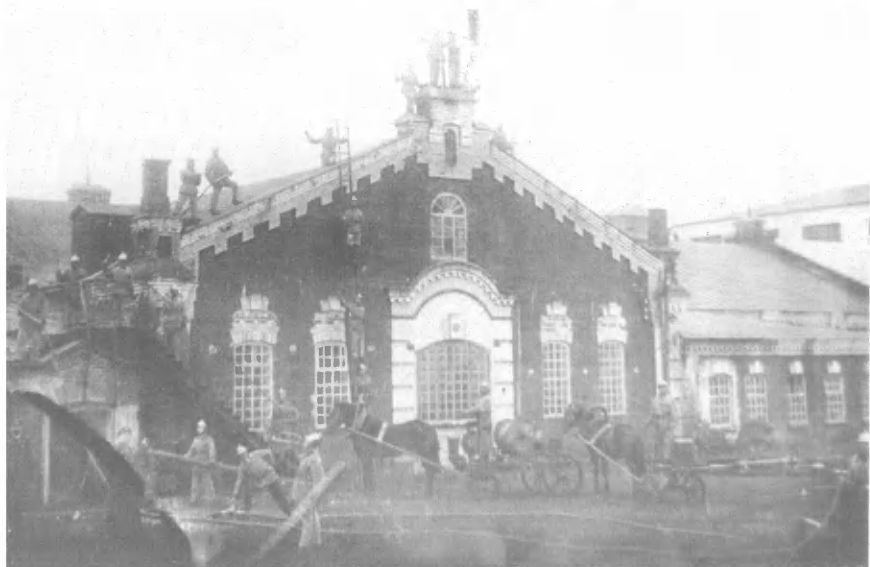
г. Самара, пересечение улиц Саратовской (ныне ул. Фрунзе) и ул. Панской (ныне ул. Ленинградская).

г. Самара. Кафедральный собор.

г. Самара. Театр «Олимп».

Первая пожарная часть на Хлебной площади.

г. Самара. Выезд пожарного обоза.

Образ Пресвятыя Богородицы Неопалимая Купина.

икона начала 19 века Зачатьевского монастыря

По народному верованию икона «Неопалимая Купина» избавляет дома почитающих ее от огня.

Сотни лет люди думали о том, как уберечь свое добро от пожаров, пытались разгадать неведомую силу огненной стихии. Они хранили “противопожарные” талисманы, поклонялись огненным богам, слагали много прекрасных и загадочных легенд.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

В книге “Богоматерь”, изданной в 1909 году, указано 600 чудотворных и местно-чтимых икон Богоматери, и в их числе — охранительница от пожаров Пресвятая Богородица Неопалимая Купина.

Может быть, название иконы произошло от видения пророком Моисеем горевшего и нескорасмого куста терновника — купины.

Библия рассказывает об этом так. Моисей пас овец на юге Синайского полуострова. Однажды повел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Хориву. “И явился к нему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст не сгорает”.

Можно предположить, что от этого куста терновника и произошло название образа пресвятой Богородицы — Неопалимая Купина. Поэтому на иконах Мария с ее младенцем Иисусом изображена в языках пламени или в его символах.

В. Даль объясняет слово Купина как производное от слова Купа, т.е. куча, ворох. Купина — соединение нескольких кустов или деревьев. От этого слова происходят другие слова: Купальница или Купаленка, т.е. костер в поле, огонь на ночевке.

Библейский терновник и терн происходит от слова “тернии” (труднопроходимый путь).

С другой стороны, терн не выделяет паров эфирных масел, возгорающихся над кустом. Значит, в Синайской пустыне растет какое-то другое растение. Возможно, что это ясенец, широко распространенный на юге нашей страны, в Малой и Средней Азии, в Средиземноморье. В. Талиев в книге “Определитель высших растений в Европейской части СССР” пишет о ясенце: “Ра-

стение выделяет в таком обилии эфирное масло, что оно загорается от поднесенной спички — “неопалимая купина”. Очевидно, это явление и лежит в основе библейской легенды. Но, так или иначе, а икона “Неопалимая Купина” высоко почиталась на Руси как заступница от пожарных бедствий.

В картотеке архива музея Истории религии и атеизма в Санкт-Петербурге есть описание иконы. В нем говорится, что икону легко отличить, так как большинство “Марий” держат в руках лестницу — символ пути к Всевышнему.

Празднества в честь Неопалимой Купины проходят в православных церквях 4 сентября. Произносятся молитвы: “Припадаем и преклоняемся тебе перед святою и пречестною иконою твоею, ею же дивная и преславная чудеса содеваеши, от огненного запаления и молниеносного грома жилища наша спасаеши... Смиренно молим тя, всесильная рода нашего Заступнице... Спаси и сохрани Владычце егда огнем возгорятся дома наши, или молниеносным громом устрашаемы будем”. “Ты — Купина Неопалимая, сохранили мир и всех нас от вредоносных, огненных стрел врага”. “Сего ради вопием преблагославенной: надежно христиан, от лютых бед огня и грома избави на ты уповающие, и спаси наши души милосердна”.

Икону во все времена ее бытия сопровождали легенды. Одна из них возникла из подлинного исторического факта. За год до начала Ливонской войны (1558-1583) русские войска стояли в Ивангороде, а напротив, через реку Нарву, - немцы. Пьяные рыцари Ливонского ордена в одном из домов, где жили русские купцы, увидели икону Богоматери и бросили ее в огонь. От очага огня возник пожар и распространился на другие дома. Поднялась настоящая огненная буря.

Произошло всеобщее замешательство в стане врага. Русские войска, воспользовавшись такой неожиданной ситуацией, переправились через реку. В огне и дыму завязался победный бой. К вечеру 11 мая 1557 года город был взят. Взятие Нарвы очень обрадовало царя Ивана IV, и он распорядился соорудить в нем церковь “...и поставить в ней ту икону Богоматери, от коей загорелась Нарва и которую нашли целую в пекле”. Об этом рассказано в “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина.

У католиков Неопалимую Купину “заменяет” святой Флориан. Он присутствует в гербах пожарной охраны многих стран Европы. На большинстве икон Св. Флориан изображается льющим воду на пламя.

Безусловно, что в наше время даже под влиянием экстрасенсов с иконой против пожара никто не пойдет. Но религия - явление историческое, а знание истории - основа нравственного здоровья нации.

ГЛАВА 15

Нормативные документы пожарной охраны XIX века

УСТАВЪ ПОЖАРНЫЙ.

(Издание 1842 года).

СВОДЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И УСТАВОВЪ ИЗЪ СООБЩЕНІЯ, СТРОИТЕЛЬНАГО И ПОЖАРНАГО.

III. — УСТАВЪ ПОЖАРНЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обо устройствѣ пожарной части.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Устройство пожарной части въ городахъ.

Ст. 1. Пожарная часть въ городахъ принадлежитъ къ составу полицейскаго городского управленія. Устройство сей части различно въ столицахъ, въ городахъ губернскихъ и въ городахъ уѣздныхъ и заштатныхъ.

Ср. 1064. Губ. Упр. статьи 4007—4009, и указовѣ, прилагаемы къ вышеупомянутымъ статьямъ.

2. Въ каждой изъ столицъ состоитъ Брантъ-Майоръ и, подъ его начальствомъ, въ каждой части города Брантъмейстеръ.

1798 Сент. 12 (18063) г. ч. VI, 22 27, 28; 1799 Янв. 17 (18022) г. ч. VI, 25 27, 28; 1808 Апр. 4 (11169) 5 в.

3. Брантъ-Майоръ состоитъ въ подчиненіи Оберъ-Полицеймейстера.

1799 Янв. 17 (18022) г. ч. VI, 25 27 и 23.

4. Въ губернскихъ городахъ, въ каждомъ долженъ быть одинъ Брантъмейстеръ и при немъ два ученика, знающіе употребленіе пожарныхъ инструментовъ и починку оныхъ.

1813 Янв. 10 (27221) н. 4; 1841 Янв. 8 (14172).

5. Въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, гдѣ Брантъмейстеровъ не состоитъ, поочередно обо устройствѣ пожарной части возлагается на городскую полицію.

1799 Мая 31 (18355).

6. Если городъ раздѣляется на части, то каждая изъ нихъ должна имѣть свой Свѣдѣній Домъ съ нужными пристройками, для помѣщенія всѣхъ принадлежностей пожарной части.

1813 Янв. 10 (27221) н. 2.

С. 3. 1842 г., Т. XII, Уст. Пожарн.

7. Количество в роды пожарныхъ инструментовъ, какъ то: заливныхъ трубъ большихъ и малыхъ, шпатель, багровъ, крючье, топоры, лѣстницы, ведра, бочки и прочаго, также число пожарной команды и лошадей, опредѣляется для каждаго города въ особенности, сообразно съ его обширностію, числу домовъ и мѣстоположеніемъ.

1748 Авг. 17 (2526); 1749 Апр. 17 (2602); 1753 Авг. 31 (10135); 1818 Янв. 10 (27221); 1820 Авг. 13, извѣд. предл. Мин. Внутр. Дѣл.

8. Въ зданияхъ устроиваемыхъ и нанимаемыхъ для пожарныхъ командъ и инструментовъ помѣщаются Брантъ-Маюры, гдѣ они находятся, а также Брантъмейстеры и ихъ ученики.

[1832 Янв. 10 (12333) и 9.

9. Пожарная команда, лошади, инструменты и все, къ оныхъ принадлежащее, должны быть всегда въ надлежащей исправности и полномъ комплектѣ.

1748 Авг. 17 (2526); 1780 Сент. 12 (8663) сл. VI, 53 27 и 29; 1799 Янв. 17 (18822) сл. VI, 53 27 и 29.

10. Пожарная команда содержится изъ городскихъ доходовъ; на счетъ ихъ же доходятъ устроиваются и содержатся пожарные инструменты.

1818 Янв. 10 (27221); 1823 Янв. 10 (30190); 1832 Янв. 3 (3065); 1833 Янв. 11 (3307); Март. 23 (3084) и 3.

11. Пожарная команда поводится изъ нижнихъ чиновъ Внутренней Стражи. Нижніе чины сіи, по сношенію губернскаго начальства съ батальоннымъ командиромъ, приучаются предварительно къ дѣйствию пожарными инструментами, безъ отдѣленія для сего особыхъ людей, но такъ, чтобы въ любое время умѣли управлять пожарными инструментами (а). По недостатку нижнихъ чиновъ Внутренней Стражи, опредѣляются, по согласію ихъ, къ сіи команды уволенные въ безсрочный отпускъ или же отставные нижние военные чины изъ мѣстныхъ жителей (б).

(а) 1818 Янв. 10 (27221); 1820 Апр. 6 (28219); 1810 Авг. 13, Извѣд. предл.; 1821 Янв. 25 (28522). — (б) 1834 Авг. 1 (3365); 1838 Изв. 3 (10363) и 23.

12. Для снабженія губерній и городовъ огнегасительными орудіями и для приученія людей къ дѣйствию и къ дѣланію оныхъ, учреждены въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ Пожарные Депо (а).

Примѣчаніе. Начальникамъ губерній поставляется въ обязанность стараться по возможности заводить для дѣланія пожарныхъ инструментовъ фабрики въ губернскихъ городахъ. Таковыя заведенія устроены въ городахъ: Рязани, Ярославлѣ, Пензѣ, Казани, Харьковѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Вильнѣ (б).

(а) 1812 Янв. 7, извѣд. Мин. Внутр.; 1827 Март. 23 (3003). — (б) Тамъ же и 1829 Апр. 6 (28219); 1820 Авг. 13 и 1823 Сент. 30, извѣд. предл. Мин. Внутр. Дѣл.

13. Въ Пожарныхъ Депо готовятся разнаго рода и званія огнегасительные инструменты, по даннымъ образцамъ для разсылки въ губерніи, по требованію и по цѣнамъ, установленнымъ въ Санктпетербургѣ Управою Благоумія съ утвержденія Оберъ-Полицеймейстера (а), а въ Москвѣ Оберъ-Полицеймейстеромъ съ утвержденія Военнаго Генералъ-Губернатора (б).

(а) 1818 Апр. 1 (11100) и 215. — (б) 1827 Март. 23 (3003).

14. Къ изготовленію оныхъ инструментовъ употреблены всѣхъ тѣхъ полицейскихъ, казенныхъ мастеровыхъ, которые могутъ быть назначены къ сему, безъ остановокъ въ починкѣ инструментовъ, для самой столицы необ-

ходимыхъ, прииспособлять къ сему работамъ и другимъ полицейскихъ, пожарныхъ чиновъ. Въ случаѣ надобности дозволяется нанимать постороннихъ, а также употреблять по способности къ сему работу, преимущественно же всакой другой, и впадающихъ въ проступки.

1812 Июл. 7, цирку. предп. Мин. Пол.; 1827 Март. 29 (903).

15. Для распространенія искусства дѣланія огнегасительныхъ орудій, изъ каждой губерніи отправлять въ Москву или С. Петербургъ въ Пожарное Дѣло для обученія по три человека изъ способнѣхъ, а буде можно, изъ людей, уже нѣкоторый навѣкъ къ сему роду ремесла привычныхъ, какъ то: изъ слесарей, кузнецовъ и проч. Люди сии, по мѣрѣ приобретенія нужнаго знанія, возвращаются въ губерніи, и употребляются тамъ на приготовленіе пожарныхъ инструментовъ и на обученіе другихъ сему искусству.

Примечаніе. Изъ какихъ губерній люди сии должны быть для обученія отправляемы въ С. Петербургское Дѣло и изъ какихъ въ Московское, прилагается у всего особое распоряженіе.

1812 Июл. 7, цирку. предп. Мин. Полн. въ свѣд. Выс. посыл.; 1827 Март. 29 (903).

16. Отправляемыхъ въ Пожарное Дѣло для выучки людей, снабжать на все время ученія приличною одеждою и способами достаточнаго пропитанія. Дѣтчи, на сѣ потребности отъ городскихъ обществъ назначаемыя, отсылать къ Оберъ-Полицеймейстерамъ по принадлежности.

1812 Июл. 7, цирку. предп. въ свѣд. Выс. посыл.; 1816 Июл. 8, цирку. предп. Мин. Внутр. Дѣл.

17. Когда избранный обществомъ для обученія при С. Петербургскомъ или Московскомъ Дѣло дѣланію пожарныхъ орудій, возвратясь на мѣсто, окажется способнымъ и знающимъ свое дѣло: то таковаго причислять къ штату полицейскихъ служителей, съ обязанностію прослужить при пожарныхъ инструментахъ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ освобождать его отъ рекрутской повинности.

1830 Дек. 21 (1415).

18. Въслѣдъ подачи казенныхъ и городскихъ за такового обученнаго служителя должно исправлять службу, со дня отдачи въ ученіе до того времени, какъ онъ оставитъ службу при полиціи, хотя бы пребылъ въ оной свыше предѣленнаго срока.

Тамъ же.

19. Присмотръ за матеріаломъ и производствомъ работъ возлагается въ общихъ столицахъ на Брантъ-Маіоровъ, похъ непосредственнымъ и главнымъ начальствомъ Оберъ-Полицеймейстеровъ, кои и обязываются ежегласно свидѣтельствовать какъ денежную казну, такъ и купленный матеріалъ и прииспавленные изъ онаго трубы и прочіе инструменты.

1827 Март. 29 (903).

20. Для лучшего устройства Пожарныхъ Дѣло, по управленію и содержанію оныхъ, и для выгоды самыхъ оборотовъ, предоставлять Военнымъ Генераламъ-Губернаторамъ, въ случаѣ недостатка капитала, Пожарнымъ Дѣло принадлежащихъ, заимствовать потребныя суммы изъ городскихъ доходовъ, и, по мѣрѣ продажи пожарныхъ инструментовъ, возвращать запятые суммы съ причитающимися на нихъ процентами.

Примечаніе. Таковыя займы не должны превышать тысячъ пятисотъ рублей серебромъ.

Тамъ же, и 1839 Январ. 9 (1407).

21. Основные отчеты о денежных суммах, Грантъ-Мэюры доставляютъ Оберъ-Полицеймейстерамъ, для отсылки на ревизію, куда слѣдуетъ.

Примѣаніе. Когда время и опытъ покажутъ, нужно ли будетъ распространить кругъ извѣстій сихъ. Если или вовсе упразднить существованіе оныхъ, по мѣрѣ распространѣнія приготовленія пожарныхъ инструментовъ въ губерніяхъ и въ частныхъ ремеслахъ; тогда Военные Генералъ-Губернаторы не оставятъ учинить о семъ издѣлающее сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1827 Март. 29 (933).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Устройство Пожарной части въ селеніяхъ.

22. Во всякомъ селеніи казенномъ, удѣльномъ и волостиномъ имѣть всегда наготовѣности на случай пожара нужные огнеспасительные снаряды, а именно: по числу домовъ проволы, вѣлы, бочекъ, лѣстницъ и т. п., сохраняя оныя при переездѣ или въ другихъ по удобности избранныхъ мѣстахъ.

1798 Сент. 12 (933); ст. 20; 1774 Дек. 19 (1421); ст. 8; 1797 Апр. 5 (1796); § 187 и 188. 7 (1802); п. 17; 1800 Сент. 17 (1863); ст. 9; 1801 Мая 10 (1867); § 55; 1802 Окт. 2 (2030); 1803 Июн. 14 (2076); § 50.

23. Сельскіе Старшины должны рекомендовать всѣхъ жителей по числу дворовъ, кому съ какою-либо огнеспасительнымъ снарядомъ на пожаръ явиться, при первой повѣстѣ.

То же указаніе.

24. Сельскій Старшина имѣетъ смотрѣніе, чтобы въ казенныхъ селеніяхъ пожарныя орудія и принадлежности содержимы были въ надлежащей исправности, возбуждая нерадивыхъ исправитъ ихъ измущеніе безъ отлагательства.

1829 Апр. 30 (11180); ч. IV, § 267.

25. Сверхъ обыкновенныхъ орудій огнеспасительныхъ могутъ быть заводимы въ казенныхъ селеніяхъ, особенно въ многодомныхъ и въ тѣхъ, гдѣ учреждено волостное или сельское управленіе, записныя трубы и другіе инструменты, для употребленія ихъ въ несколькихъ селеніяхъ, близко одно отъ другаго отстоящихъ.

1828 Апр. 29 (11189); ч. I, § 216; ч. II, § 241; ч. III, § 264; 1832 Дек. 24 (2033); ч. I, § 251.

26. Пожарныя инструменты заготовлять, по желанію сельскаго общества, съ дозволенія Намѣстъ Государственныхъ Имуществъ, и приобретаются на счетъ обществяныхъ сборовъ.

1828 Апр. 30 (11189); ч. I, § 216; 1839 Дек. 29 (2307); § 21.

27. Мѣрскіе пожарныя инструменты селенія состоятъ въ изданіи сельскаго старосты. Оны обязаны по числу обматривать ихъ и удостовѣряться, находится ли они въ надлежащей исправности, призывая къ противному случаю надлежанія явиться въ приведенное время въ должный порядокъ.

1839 Апр. 30 (11199); ч. IV, § 292, 293.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О мерах предосторожности от пожаров.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О предосторожностяхъ отъ пожаровъ въ городахъ и селеніяхъ.

28. Въ стараніе пожаровъ, предписывается всѣмъ и каждому съ приче-
момъ всегда и вездѣ обращаться съ крайнею осторожностію: непосред-
ственное на сие наблюдѣніе принадлежить къ обязанностямъ хозяина
домаго.

1738 Сент. 12 (3333) ст. 35; 1755 Март. 20 (3359) п. 8; 1774 Дек. 18 (3331) ст. 8; 1775 Февр. 7
(3332) ст. 219, 270.

29. Всякое строеніе, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, какъ на-
личное, такъ общественное и частное, должно быть выстроено и содержи-
мо съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, для каждаго изъ оныхъ отъ
пожарныхъ случаевъ въ Строительномъ Уставѣ постановленныяхъ.

См. Уст. Стр.

30. Сообразно съ сими, фабрики и заведенія, дѣйствующія огнемъ, пше-
варни, кузницы, бани, ступилы и т. п., должны быть устроены, по воз-
можности, близи воды, и отдѣлено отъ прочихъ зданий, дабы не подвер-
нуть оныхъ опасности отъ пожаровъ.

1730 Мав. 6 (3047); 1782 Апр. 8 (3375) ст. 71; 1828 Сент. 12; 1829 Июл. 20. Выс. утв. под. Ков. Мин.,
1830 Мав. 9 (3310) п. 5 ж. Окт. 21 (4037) 26 50 и 51.

31. На дворахъ, которые отъ рѣкъ, канавовъ и прудовъ отстоятъ не-
близко, имѣть по возможности колодези устроенные, такъ, чтобы удобно
можно было пользоваться ими нѣтъ помоя по время пожара.

1730 Авг. 11 (3032) и Сент. 6 (3033); 1792 Мав. 11 (3091) п. 4.

32. На чердакахъ домовъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ имѣть запасъ
съ водою, и при нихъ лѣстны или шпалеры.

1730 Мав. 9 (3046); 1728 Сент. 12 (3333) ст. 32, п. 5; 1752 Мав. 11 (3091) п. 4; 1753 Июл. 4 (3010) п. 3.

33. Владѣльцамъ домовъ имѣется въ обязанности наблюдать, чтобы
всѣ домовныя трубы въ ихъ домахъ были вычищены по крайней мѣрѣ
слѣдуетъ въ мѣсяцъ, и чтобы какъ трубы, такъ и печи были обмазаны
каждую четверть года; причежъ испорченнымъ починивать, а нѣтъ пе-
редѣлывать, на основаніи правилъ, въ Строительномъ Уставѣ постано-
вленныяхъ.

1718 Июл. 18 (3100); 1728 Сент. 12 (3333) ст. 35, п. 8; 1735 Февр. 20 (3402); 1737 Окт. 20 (3403);
1740 Июл. 8 (3162); Авг. 25 (3211) и Сент. 25 (3254).

34. Въ селеніяхъ, келье покомъ топить въ обыкновенныя печи, а не по
печамъ. Во время топленія олововъ, хозяевамъ или ихъ работникамъ быть
при оныхъ неотлучно, и на всякій случай имѣть въ готовности въ ка-
кихъ водѣ. Хлѣба въ скарпахъ блинъ овиновъ не складывать.

1774 Дек. 19 (3331) ст. 8.

35. На дворахъ и улицахъ, огней не раскладывать (3).

Примечаніе. Въ мезенныхъ, устроенныхъ въ рѣкахъ, канавъ и востаныхъ дво-
рахъ, ставить съ бѣи передъ окозами не шале, какъ въ ошаряхъ стеклянныяхъ, сло-
женныхъ или желѣзныяхъ, остерегаться, чтобы неа какою либо неосторожностію заго-
рѣныя не ушлились (5).

(3) 1718 Март. 11 (3223). — (5) 1734 Июл. 20 (3403).

36. Устройство заведеній для освѣщенія газомъ улицъ и домовъ не можетъ быть доускаемо безъ Высочайшаго о томъ всякій разъ разрѣшенія.
1825 Июл. 12 и Сент. 3, предл. ст. объявленіе въ Выс. повелѣніи.

37. Запрещается ходить съ зажженною лучиною или свѣчю безъ фонаря на чердаки, въ конюшни, въ сараи, въ сѣнникъ, въ кладовыя, въ погреба и другія домашнія строенія. Если потребуются ходить на чердакъ или въ другое домашнее строеніе съ огнемъ, то держать оный въ фонаряхъ, которые для такого употребленія имѣть по возможности жестяные со сводою, или со стекломъ, но не бумажные.

1753 Март. 26 (1698) п. 3; 1774 Дек. 19 (1828) ст. 8.

38. Вещества, подверженныя скорому воспламененію, какъ то: порохи, сѣра, смола, сѣно, солома, рогожи, пенька, ленъ и другія, не должны быть хранимы на печалѣхъ или близъ оныхъ, на чердакахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оныя могутъ подвергнуться опасности отъ огня.

1740 Июл. 8 (8123) и Авг. 25 (8216); 1798 Сент. 19 (18383) ст. VI, § 29; 1799 Янв. 17 (18323) т. VI, § 29.

39. Для предосторожности отъ бѣдственныхъ случаевъ, могущихъ произойти отъ пороха, запрещается частнымъ людямъ: 1) приготовленіе и продажа оного (а), и «себерверковъ» (б); 2) стрѣльба изъ остріелѣнныхъ орудій въ домахъ, на дворахъ, на улицахъ и площадяхъ (в).

Примечаніе. Правила о продажѣ пороха отъ Артиллерійскаго вѣдѣнства, и о предосторожности при пробѣхъ и храненіи оного въ погребкахъ, излагаются въ Слѣдхъ Военныхъ Постановленій.

(а) 1739 Дек. 23 (2661); 1794 Янв. 20 (26577); 1740 Июл. 29 (8187); 1805 Сент. 29 (21934). — (б) 1800 Янв. 26 (23722); 1826 Янв. 19 (247). — (в) 1718 Авг. 4 (3221); 1745 Дек. 19 (2238).

40. Сверхъ объявленія всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ, заведеніямъ казеннымъ зданіямъ въ особенности предписывается: 1) наблюдать, чтобы трубы дымовыя были чистымы ежедневно, а печи осматриваемы почасти; 2) при входныхъ на чердаки и конюшни устроивать двери съ замками, а во время топки печей осматривать чердаки, на которыхъ должны быть содержимы чаны съ водою; 3) если при сихъ зданіяхъ положены на площадяхъ особые огнеопасныя снаряды, то содержать оныя въ исправности, пробѣхъ ихъ не рѣже, чѣмъ чрезъ всякія тѣ недѣли.

1737 Янв. 23 (2289); 1747 Дек. 23 (2461); 1752 Янв. 11 (2981) п. 1; 1753 Июл. 4 (10160); Ср. также штаты разнѣхъ присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ заведеній.

41. Въ С. Петербургѣ же, въ предосторожность отъ пожара, установленъ слѣдующій особый провалъ:

1) Хозяева, или управляющіе, должны показывать дворникамъ всѣ входы и входы своего дома, расположеніе печей, очаговъ, трубъ и каменныхъ перекрышекъ, дабы въ случаѣ пожара полиція не затруднялась въ принятіи мѣръ къ тушенію.

2) Дворники обязаны осматривать, сколько возможно чаще, печи, очаги, камны, трубы на крышахъ и чердакахъ, и въ случаѣ замѣченныхъ поврежденій, немедленно извѣщать о томъ хозяевъ, для принятія мѣръ къ исправленію.

3) Подъ крышами жилыхъ строеній не держать дровъ и другихъ какихъ либо вещей, удобно загорающихся, и мѣста около трубъ обметать сколько возможно чаще.

4) Все кладовые домоты, покрытыхъ деревянными крышами, обязаны въ лѣтнее время держать на чердакахъ воду въ кадкахъ, или утюгахъ, и при нихъ швабры.

5) На дворахъ, гдѣ производится торговля дровами, не складывать оныхъ выше трехъ сажени, наблюдая при томъ, чтобы дрова отданы были отъ деревянныхъ жилыхъ строеній на три сажени, а деревянныхъ печныхъ строеній и отъ стѣнъ каменныхъ, въ коняхъ печныхъ трубы — проведенны, на одинъ аршинъ; а отъ заборовъ, отдѣляющихъ дворъ отъ улицы, на двѣ четверти аршина; за тѣмъ, у каменныхъ стѣнъ, печныхъ трубъ, доводить класть дрова не отступая уже сажень, но не выше трехъ сажень первую полбину. Кладку дровъ производить такъ: образцомъ, чтобы у заборовъ, отдѣляющихъ дворъ отъ улицы, первая полбина была ровень съ заборомъ, не менѣе полутора сажени въ ширину, вторая выше первой на полтора аршина, третья на столько же выше второй и такъ далѣе, не выше однако же трехъ сажень; при чемъ каждую полбину по заведенному порядку укрѣплять досками.

6) Не загромождать дворы дѣломъ, инвентаремъ, бочками и другими вещами, а подъ воротами домовъ ничего не складывать.

7) Въ домахъ и на дворахъ не складывать масла, дѣтню, смолы, селитры, пороху, сала, пеньки и прочихъ удобозагорающихся веществъ, кромѣ малого количества, необходимаго для домашняго употребленія. Порохъ позволено держать одному охотнику въ глиняныхъ, стеклянныхъ, или металлическыхъ сосудахъ, но не болѣе двухъ фунтовъ. Сино же и такому хранить на сѣняхъ, не оставляя въ нихъ оконъ незатворенными, а уголья и рогажи держать въ сарагахъ или другомъ какомъ либо нежиломъ строеніи.

8) Золу изъ печей вынимать прежде топки ихъ, когда зола совершенно остынетъ; горячую же и теплую отнюдь не выносить, и подъ крышами домовъ, строеній и въ другихъ опасныхъ мѣстахъ не высыпать.

9) Самовары разогрѣвать въ кухнѣ, или на кухнехъ, и при переносѣ оныхъ наблюдать крайнюю осторожность. Строго воспрещается слугамъ разогрѣвать самовары въ сѣняхъ, на галлереяхъ и подъ лѣстницами.

10) Не курить трубкою и сигаръ на улицахъ и площадяхъ, а также въ конюшняхъ, сѣноватахъ, на чердакахъ и тому подобныхъ опасныхъ мѣстахъ.

11) Не сунуть въ домовыхъ печахъ и кухняхъ пеньки, льну и хлопчатой бумаги, а также не чесать, не чистить и не удирать галъ веществъ близъ огня.

12) Не довѣрять зажженныхъ свѣчей, самоваровъ и жаровень малолѣтнимъ дѣтямъ, престарѣлымъ, сумасшедшимъ и слѣплымъ людямъ.

13) Не оставлять при образахъ зажженныхъ свѣчей, когда никого не будетъ въ комнатѣ.

14) Въ торговыхъ баняхъ и на всѣхъ вообще заводахъ и фабрикахъ, дѣствующихъ посредствомъ огня, имѣть всегда въ готовности большіе чаны, или бочки съ водою, ручныя пожарныя трубы и подвижныя лѣстницы, достигающія до крыши.

15) Въ большихъ домахъ и лавкахъ, занимающихъ въ улицѣ немалое пространство, имѣть таковыя же лѣстницы.

16) Безъ торговыхъ банъ, пивоваренъ и всѣхъ другихъ заводовъ и фабрикъ, дѣйствующихъ огнемъ, какого бы рода тамъ строенія ни было, каменное или деревянное, не накопывать и не складывать цутовыхъ бочекъ и никакой другой посуды; дрова же, приготовляемая для заводскаго производства, всегда складывать въ отдаленности отъ тѣхъ строеній, гдѣ устроены печи и очаги заводскіе. Самимъ хозяевамъ заводовъ, или ихъ приказчикамъ, мастерамъ и дворникамъ прилежно смотрѣть, чтобы работники заводскіе въ продолжительные осенніе и зимніе вечера и ночи не приносили издаль въ заводскія строенія большого количества дровъ, и особенно не складывали оныхъ у дверей или устьевъ печей и очаговъ, подъ опасеніемъ наказанія.

Примечаніе. Подъ при таковыхъ печахъ и очагахъ непремѣнно выкапывать кирпичемъ, или обжигать листовымъ железомъ.

17) Въ мастерскихъ, гдѣ занимаются столярною, или плотничною и оружною работами, не накопывать щепокъ, стружекъ, но ежедневно предъ наступленіемъ ночи выносить ихъ на дворъ въ безопасныя мѣста. Мастерскія освѣщать фонарями и не бросать нагорѣлой свѣтильни на полъ.

18) Въ кузницахъ, слесарняхъ и тому подобныхъ мастерскихъ, по выходѣ изъ нихъ рабочихъ на ночь, оставшіеся въ горнахъ и печахъ огонь непремѣнно заливать; когда же рабочіе выйдутъ изъ мастерской днемъ, напр. обѣдать, тогда, если огонь въ горнѣ на это время потушенъ не будетъ, оставлять въ мастерской караульнаго. Сажу, налипшую на верхъ потолка, или подъ крышу, обметать и прилежно осматривать, не осталось ли въ огнѣ.

19) Содержатели настоящихъ дворовъ должны предвѣщать останавливающихся у нихъ прїѣзжихъ въ городъ, чтобы они обходились съ огнемъ сколько можно осторожно.

20) Дымовыя трубы во все то время, когда бываетъ тонка, должны быть выпущены не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Во всѣхъ строеніяхъ дымовыхъ трубъ, въѣсто очищенія, не выкипать, но производить своевременное ихъ очищеніе чрезъ трубочистныхъ мастеровъ; а если бы сіи послѣдніе худо исполнили свои обязанности, въ такихъ случаяхъ немедленно давать знать полиціи, которая подвергнетъ ихъ взысканію на законномъ основаніи. Вновь устраивать печи и переносить ихъ съ одного мѣста на другое, въ домахъ и строеніяхъ, принадлежать не иначе, какъ подъ надзоромъ Архитекторовъ, заведывающихъ частями городскими.

21) Въ домахъ, во дворахъ, на улицахъ, въ огородахъ и вообще въ городѣ, ни днемъ, ни ночью, не дѣлать запрещенной стрѣльбы изъ ружей, пистолетовъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій, подъ опасеніемъ взысканія, означеннаго въ Уставѣ о Предупрежденіи и Пресѣченіи Преступленій.

22) Не имѣть въ домахъ заряженныхъ ружей, пистолетовъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій; охотники же, при возвращеніи въ городъ, должны разряжать оныя.

23) Безъ дозволенія полиціи не пускаться въ городъ фейерверковъ и не зажигать иллюминацій.

24) Если загорится въ трубѣ сажа, то трубу ничѣмъ сверху не накрывать (ибо отъ сего она можетъ треснуть и произшесть пожаръ), но должно тотъ

часть или въ трубу съ крыши въ большомъ количестве воду, или разложить въ печи, на очагъ, или каминъ, огонь и бросить на горящія уголья горелыя горючей сѣры.

1838 Февр. 26 (11105) и Апр. 1 (11103).

42. Хозяева, или домоуправители, должны чаще дѣлать обходы въ своихъ домахъ, дабы видѣть, каждый ли исполняетъ отданный приказанія въ отношеніи къ предосторожностямъ отъ огня, и слушать всѣхъ поступающихъ съ огнемъ осторожнѣе, подлѣ описаніемъ строгой отвѣтственности по правиламъ ниже сего постановленнымъ.

1838 Апр. 1 (11103).

43. Поставляется въ непремѣнную обязанность хозяевамъ, или управляющимъ домами, въ ту же минуту, когда пожаръ начнется, дѣлать вѣсть о томъ у ближайшей будки гражданскихъ стражамъ, а если возможно, то посылать извѣстіе о томъ и въ Сельскій Домъ, или въ Домъ Оберъ-Полицеймейстера; до прибытія же пожарной команды употреблать всѣ возможные средства къ прекращенію пожара.

Тамъ же.

44. Хозяева близкихъ къ пожару домовъ должны въ это время высылать на крыши людей съ полою, чтобы погашали прилетающія на крышу искры, уголья и головни посредствомъ плавящаго, полою намоченныхъ, или же накрывать на крышу войлочные щиты, у кого они есть, и поднимать ихъ полою.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ пожара въ казармахъ и другихъ казенныхъ домахъ, полицейская пожарная команда имѣетъ въ оныхъ свободный вѣхъ также, какъ и въ домахъ частныхъ.

Тамъ же.

Примѣчаніе 2. Особенныя правила о предосторожностяхъ отъ огня и пожарахъ въ казенныхъ зданіяхъ военнаго вѣдомства, въ крѣпостяхъ, военныхъ портахъ, лагеряхъ и во время квартированія войскъ, излагаются въ Сводѣ Военныхъ Постановленій, о предосторожностяхъ отъ огня и о пожарахъ въ амбарахъ, гостиницахъ, бувархъ и другихъ складочныхъ мѣстахъ, въ Сводѣ Законовъ о Торговлѣ; о предосторожностяхъ отъ огня въ селеніяхъ иностранныхъ колонистовъ, въ Уставѣ о Колоніяхъ; о пожарахъ въ Карантинахъ, въ Уставѣ Карантиновъ.

Примѣчаніе 3. Пѣкоторые особыя правила о предосторожности отъ пожаровъ въ селеніяхъ казенныхъ, подробно опредѣляются въ Сельскомъ Полицейскомъ Уставѣ для государственныхъ крестьянъ (см. Уст. Каз. Сел.).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О предосторожностяхъ отъ пожаровъ въ жилищахъ.

45. Какъ сельскими обывателямъ, такъ проживающимъ въ прохаживъ запрещается раскладывать огонь на большихъ дорогахъ и близъ лѣсовъ, близъ соборнаго или собраннаго хлѣба, близъ мостовъ, строеній и огородовъ, въ разстояніи менѣе двухъ сажень; при отъѣздѣ же или уходѣ, разложенный огонь предписывается потушить непременно.

Законопѣя приведенныя къ слѣдующей статьѣ.

46. Окрестнымъ жителямъ, живущимъ въ обязанность тушить и закрывать кѣмъ либо оставленный непотушеннымъ огонь.

1733 Дек. 3 (1379) ст. 12, п. 1; 1732 Маѣ 11 (1648) ст. 81, п. 1; 1738 Июл. 13 (1670) ст. 13 (1670); 1752 Дек. 29 (1783) ст. 28 (10014); 1774 Дек. 19 (1831) ст. 12; 1775 Июл. 1 (1892) ст. 249.

47. Проходящія военскія команды не должны также раскладывать огня въ лѣсахъ и на поляхъ, въ противность постановленныхъ предосторожностей.

1766 Іюл. 27 (12707); 1803 Іюл. 17 (21800).

48. Предписывается соблюдать крайнюю осторожность отъ пожара, при выжиганіи полей пашни, житъ, кореньевъ, сучьевъ и лѣса.

1775 Полв. 7 (14302) ст. 249; 1798 Мая 19 (18227).

49. Государственный крестьянинъ, измѣривающійся выжигать траву, житвы или коренья на полюсъ, разстояніемъ отъ казенной лѣсной дачи въ полверсты и мѣже, долженъ предварительно о томъ извѣстить Пожарнаго Старосту, который наблюдаетъ, чтобы вокругъ того мѣста обведенъ былъ ровъ, или чтобы трава была скошена и земля вспахана, или же, чтобы выдрать было дерсъ и обороченъ коренья вверхъ не мѣже, какъ на двѣ сажени шириной.

1800 Авг. 9 (19500) п. 1.

50. При выжиганіи, поселянинъ долженъ находиться на той полюсъ съ заступомъ, метлами, ведрами, наполненными водою и съ другими по возможности пожарными орудіями, чтобы не допустить огня распространиться далѣе подлежащаго.

Тамъ же.

51. Въ случаѣ сильного вѣтра изъ сторонъ лѣсной дачи, выжиганіе должно отложить, а разведенный огонь загасить.

Тамъ же, п. 2.

52. Си же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы: 1) при выжиганіи степныхъ мѣстъ для удобренія ихъ подъ лѣбоушничество и скотоводство; 2) при дозволенной расчисткѣ лѣсовъ подъ пашни, сѣнные покосы и другія уголья; 3) при удобреніи полей жженіемъ кубаншей и сучковъ.

1734 Іюл. 9 (13370) ст. 12, п. 2; 1738 Мая 11 (4018) ст. 21, п. 2; 1766 Мая 25 (12639) ст. 71, ст. 20; 1800 Авг. 9 (19500) п. 2.

53. Внутри же лѣсовъ вовсе запрещается выжигать поляны.

1766 Мая 25 (12639) ст. 71, ст. 20.

54. Поскольку пожары въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ нерѣдко происходятъ отъ неосторожности помѣщичьихъ крестьянъ, распущенныхъ лѣса подъ пашни въ смежности казенныхъ дачъ: то помѣщики обязаны строго подтверждать своимъ управителямъ, приказчикамъ и сельскимъ старостамъ, чтобы они, при валинн лѣтъ, при жженіи сучковъ или кубаншей, при выжиганіи житъ, травъ и кореньевъ, соблюдали правила, выше сего установленныя для государственныхъ крестьянъ.

1800 Авг. 9 (19500) п. 5.

55. Помѣщики управители, приказчики и выборные, а въ казенныхъ селеніяхъ Пожарные Старосты должны почтику подтверждать пастухамъ, чтобы въ лѣсахъ огня отнюдь не раскладывали съ самой ранней весны по 15 Октября въ полуденныхъ, а по 15 Сентября въ противныхъ губерніяхъ. Буде же случится пастухамъ не въ лѣсной дачѣ, но въ близости оной, то хотя и не запрещается раскладывать огонь, однако надлежитъ напередъ вокругъ того мѣста на двѣ сажени шириной снести траву, и при отпавленіи загасить огонь непременно.

Тамъ же, п. 8.

56. Промышленнымъ, изготовляющимъ скоть, дозволяется останавливаться въ казенныхъ дѣснахъ дачахъ и раскладывать огонь, но только днемъ; ночью же съ 15 Апрѣля по 15 Сентября въ дѣсахъ, особливо хвойныхъ, огня отнюдь не разводить.

Такъ же, п. 7.

57. Правила о предосторожностяхъ отъ дѣсныхъ пожаровъ выписываются, и, для всеобщаго свѣдѣнія, выставляются на стѣнахъ въ постоялыхъ домахъ, кортмахъ и трактирахъ, по дорогамъ находящимся.

Такъ же.

Примечаніе. И въ которыхъ для государственныхъ крестьянъ правила предосторожности отъ пожаровъ въ селеніяхъ подробно излагаются въ Сельскомъ Полицейскомъ Уставѣ для государственныхъ крестьянъ (см. Уст. Каз. Сел.).

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О предосторожностяхъ отъ пожаровъ на водѣ.

58. На корабляхъ и судахъ имѣть всеобщую осторожность отъ огня. Корабельнымъ и судовымъ служителямъ и матросамъ запрещается ходить въ нутро или на корабль или судно съ зажженнымъ свѣчомъ или инымъ свѣтильникомъ, безъ особеннаго приказанія отъ корабельщика или судовой, штурмана или кормача.

1781 Июн. 25 (15176) ст. 55 и 121.

59. Корабельщики и судовой не должны посылать служителей и матросовъ въ нутро безъ особенной надобности, только въ случаѣ крайней необходимости, наблюдая притомъ всевозможную осторожность.

Такъ же.

60. Въ каютѣ огонь держать на плоскомъ шандалѣ, наливъ на дно для предосторожности воды.

1722 Апр. 5 (3937) Регл. Адм. ч. II, гл. III, ст. 83.

61. Табакъ курить только на верхней палубѣ и то не иначе, какъ надъ обрѣзомъ съ водою (а). На купеческихъ судахъ, въ поргѣ стоящихъ, куреніе табаку, съ постановленными предосторожностями, дозволяется только до десяти часовъ вечера. Въ Кронштадтскихъ же гаваняхъ дозволяется на судахъ курить табакъ, съ предписанными въ сей статьѣ предосторожностями и до опредѣленнаго часа только въ каютанскихъ каютахъ; а на палубѣ куреніе рѣшительно воспрещается, подъ опасеніемъ изысканія, въ ст. 126 сего Устава опредѣленнаго (б).

(а) 1781 Июн. 25 (15176) ст. 122. — (б) 1836 Июл. 10 (6291) ст. III.

62. Купеческимъ кораблямъ входить въ купеческую гавань не прежде, какъ когда порохъ и другія опасныя вещи выгружены будутъ (а).

Примечаніе. Для каждаго порга въ особенности опредѣляется: при какихъ мѣстахъ и обстоятельствахъ дозволено держать огонь на судахъ, и въ какихъ случаяхъ, при тѣхъ же мѣстностяхъ, воспрещать употребленіе огня. Окончательное утвержденіе составленныхъ на семъ основаніи по каждому порту положеній предоставляется мѣстнымъ морскимъ и таможеннымъ начальствамъ (б).

(а) 1722 Апр. 5 (3937) ч. II, гл. III, ст. 43; 1783 Июл. 19 (4250) п. 5. — (б) 1836 Июл. 10 (6291).

63. Корабли, суда и барки, нагруженные масломъ или саломъ, равно какъ и тѣ, на коихъ нагружена круховая (пешаная) известь, или другія

опасныя вещества, должны ставиться въ отдаленіи отъ другихъ кораблей и судовъ, и выгружаться въ опредѣленномъ для нихъ особомъ мѣстѣ.

1722 Апр. 5 (3937) ч. II, гл. III, ст. 15; 1723 Июл. 19 (4239) п. 6; 1739 Июл. 16 (7823).

64. Во время погрузки и выгрузки товаровъ съ купеческихъ кораблей, соблюдать всевозможную предосторожность отъ огня: табаку не курить, смолы не разогрѣвать и огонь вечеромъ часу въ осемь или девять часовъ тащить, кромѣ каюты шкипера, гдѣ дозволяется имѣть лампаду или свѣчу, какъ сказано выше въ статьѣ 60 (а). Впрочемъ въ шкиперской каютѣ огонь дозволяется имѣть не дагѣ, какъ до девяти часовъ вечера, съ предписанными въ сему Уставѣ предосторожностями; если же позже сего какое либо особенное приключеніе заставитъ зажечь на кораблѣ свѣчу или лампаду, то шкиперъ или управляющій судномъ обязанъ точнось повѣстить о томъ командиру брандвахты, а гдѣ имѣть брандвахты, таможеннаго Корабельнаго Смотрителя, подвергаясь въ противномъ случаѣ изысканію въ той соразмѣрности и на тѣхъ правилахъ, какъ опредѣлено въ 126 статьѣ сего Устава (б).

(а) 1723 Июл. 19 (4250) п. 18. — (б) 1836 Июл. 10 (4921).

65. Корабельникамъ и судопроизводителямъ, пришедшимъ въ портъ, въ общую гавань или пристань, предписывается не иначе парить себѣ пищу, разогрѣвать смолу и деготь, какъ въ особо для сего отведенныхъ мѣстахъ или кухняхъ; а гдѣ таковыхъ кухонь нѣтъ, въ обывательскихъ домахъ или на порожнихъ ботахъ или лодкахъ въ отдаленіи отъ гавани, порта и пристани.

1723 Июл. 19 (4259) п. 18; 1739 Июл. 16 (7823).

66. Строжайше запрещается имѣть огонь на судахъ, плывущихъ караванами по Волгѣ чрезъ Вышневолоцкій каналъ до С. Петербурга.

1810 Окт. 20 (21391) § 82.

67. Запрещается на судахъ, останавливающихся у Рыбнскихъ и Нижегородской пристаней, держать огонь, курить трубки, ходить съ зажженными свѣчами и носить съ собою самовары.

1829 Июл. 16 (2989); 1831 Июл. 23 (4673).

68. Плывущимъ на судахъ караванами по рѣкамъ и останавливающимся при берегахъ у дѣсныхъ дачъ, дозволяется разводить огонь и печь, но съ тѣмъ, чтобы оный былъ раскладываемъ не ближе двухъ сажень отъ стоящаго или лежащаго дѣса, чтобы для сего мѣсто избираемо было неподалеку отъ дороги, и очищено отъ листьевъ, травы и тому подобнаго, дабы огонь сообщаться не могъ, и чтобы при остановкѣ того мѣста оный былъ загашенъ.

1800 Авг. 9 (19520) п. 7.

69. Для держанія огня на судахъ и дѣсныхъ плотахъ по всѣмъ воднымъ путямъ, входящимъ въ составъ округовъ Путей Сообщенія, постановляются слѣдующія правила:

1) Дозволяется судопроизводителю по всѣмъ означеннымъ системамъ судоходства имѣть огонь для собственнаго ихъ употребленія, или для рабочихъ, во все время плаванія, коль скоро суда находятся въ достаточномъ одно отъ другаго разстояніи.

2) Для вѣншей безопасности отъ пожаровъ, огонь на судахъ можетъ быть употребленъ не иначе, какъ на огняхъ, безъ особенной впрочемъ формы оныхъ, а по мѣстному обыкновенію.

3) Когда опасность отъ огня можетъ быть общаю для нѣсколькихъ судовъ, или же можетъ угрожать находящимся вблизи зданіямъ казеннымъ или частнымъ, то въ сихъ случаяхъ имѣть огонь на судахъ воспрещается. Въ слѣдствіе сего не должно быть дозволено употребленіе огня на судахъ: а) когда суда находятся на пристаняхъ; б) когда оныя находятся въ судоходныхъ каналахъ въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи; в) когда суда останавливаются гдѣ либо въ пути караванами; г) когда оныя проходить въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи.

4) Изъ правила, въ предшедшемъ пунктѣ положеннаго, изъясняется слѣдующее, когда откроется на судѣ течіе, особенно въ ночное время. Въ семъ случаѣ дозволяется употреблять зажженную свѣчу въ фонарѣ, но съ должною осторожностію; за чѣмъ наблюденіе возлагается на судоходныхъ смотрителей, гдѣ они есть, а гдѣ ихъ нѣтъ, тѣмъ отпраздители другихъ судовъ могутъ имѣть таковое наблюденіе, для общей безопасности.

5) Всѣ вышепоставленные правила для судовъ относятся равнымъ образомъ и къ плотамъ съ казью, или когда они идутъ вмѣстѣ съ судами; но если на плотѣхъ казды не находится и когда они идутъ или стоятъ не на пристаняхъ, въ отдаленномъ разстояніи отъ строений и другихъ судовъ и плотовъ съ казью, то держаніе на нихъ огня дозволяется.

1824 Июн. 29 (7220) п. 1, 2, 3, 4, 5.

Примѣчаніе. Правила о предохраняемости отъ огня и о пожарахъ на военныхъ корабляхъ и судахъ излагаются въ Морскихъ Постановленіяхъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О потушеніи пожаровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О потушеніи пожаровъ въ городахъ и селеніяхъ.

70. При появленіи пожара въ городѣ, на началѣ сѣзжаго дома той части оного, гдѣ сіе несчастіе случилось, выставляется условный сигналъ, означавшій мѣсто пожара.

1520 Авг. 13, искр. предл. Мин. Внутр. Дѣлъ, п. 6. — Ср. также вышеприведенныя статьи.

71. По данному сигналу или первой тревогѣ о пожарѣ, пожарныя команды всѣхъ частей города, равно какъ и люди Внутренней Стражи, приученные къ дѣйствию пожарными инструментами, обязаны немедленно явиться на мѣсто пожара со всѣми нужными къ погашенію оного снарядами.

Тамъ же, и 1740 Окт. 20 (8275; 1765 Окт. 7 (12457).

72. При появленіи пожара въ селеніи, всѣ совершеннолѣтніе жители оного должны тотчасъ явиться на мѣсто пожара съ тѣми огнетушительными снарядами, которые каждый изъ нихъ по росписанію имѣетъ у себя обязанъ.

1774 Дек. 19 (14331) ст. 8; 1797 Апр. 3 (17906) § 197; 1797 Авг. 7 (18082) п. 17; 1804 Сент. 17 (19502) ст. 9; 1801 Май 16 (19873) § 53; 1803 Июн. 16 (20798) § 50.

73. Прибывъ на мѣсто пожара, пожарная команда въ городахъ (а), и обыватели въ селеніяхъ (б), принимаютъ всѣ возможные мѣры къ скорѣйшему потушенію огня и къ спасенію людей и ихъ имущества.

(а) 1738 Сент. 12 (5338) ст. 39, п. 11; 1740 Окт. 30 (8372); 1765 Окт. 7 (12187). — (б) Ср. указовъ, приведенныхъ къ предыдущей статьѣ.

74. Въ случаѣ усиленія пожара и недостатка въ людяхъ, призываются на помощь солдаты, изъ квартирующихся въ городѣ или въ селеніи и близъ оного полковъ, которые обязаны безпрекословно помогать полиціи или обывателямъ въ потушеніи пожара.

1740 Окт. 30 (8372); 1751 Мая 8 (10227); 1755 Мая 11 (10403); 1761 Дек. 8 (12289) ст. 11, п. 16; 1765 Янв. 14 (12549) ст. 11, п. 10; 1802 Окт. 9 (20450).

75. Начальники военныхъ командъ обязаны въ особенности отвращать всякій безпорядокъ и особенно грабительство.

То же указовъ.

76. Для сего, по требованію полицейскаго начальства, составляется изъ отряженныхъ къ сему юнкерскихъ чиновъ военной команды цѣль, состоящая изъ окружавъ все то мѣсто, на которое будетъ выносимо спасенное имущество.

1798 Сент. 12 (18463) ст. VI, § 33; 1799 Янв. 17 (18322) ст. VI, § 33; 1820 Авг. 13, цирку. предъ. Мил. Внутр. Дѣлъ; 1830 Янв. 2, предъ. С. Петерб. Воен. Генер.-Губ.

77. Въ отвращеніи безпорядковъ, кои произойти могутъ отъ разныхъ начальствъ, всѣ люди изъ полковъ, изъ Внутренней Стражи или инвалидовъ, на пожаръ пришедшіе, должны исполнять распоряженія Браннъ-стерговъ или Полицеймейстеровъ или Городовыхъ. Начальники ихъ должны только наблюдать, чтобы команды съ точностію исполняли данныя имъ приказанія.

1820 Авг. 13, Цирк. предъ. Мил. Внутр. Дѣлъ въ свѣд. Воен. вѣст.; 1830 Янв. 2, предъ. С. Петерб. Воен. Генер.-Губ.

78. Военныя команды строжайше запрещается самопроизвольно, безъ указанія полицейскаго начальства, ломать окрестные дома или выносить изъ оныхъ вещи.

1830 Янв. 2, предъ. С. Петерб. Воен. Генер.-Губ.

79. Въ случаѣ крайней надобности для отвоза съ мѣста пожара вещей и пожитковъ употребить въ городахъ извозчиковъ, которые обязаны отвезти вещи на назначенныя мѣста безъ всякой за сѣбѣ платы.

1761 Янв. 12 (11571)

80. Къ воспѣшнѣйшему принозу трубъ на пожаръ и къ утушенію оного, поощрять пожарную команду наградами усердныхъ и дѣятельныхъ, по усмотрѣнію начальства полиціи.

1765 Окт. 7 (12187); 1800 Янв. 15 (23707).

81. Запрещается стѣзжаться на пожары въ городахъ изъ одного общества, и причинять тѣмъ тѣсноту и помѣшательство изъ утушенія огня (а). Каравулъ, наряженный для составленія цѣви вокругъ пожарныхъ мѣстъ, имѣетъ обязанностію не пропускать за цѣвь никого изъ зрителей, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, для отвращенія затрудненія дѣйствовать войсковою и пожарной командамъ съ надѣжащими усямъ (б).

(а) 1761 Мая 25 (13041). — (б) 1831 Март, 30 (6044).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О потушеніи пожаровъ въ жилищѣхъ.

82. Если произойдетъ въ мѣстѣ пожаръ, то пожарный Староста, которому та дѣловая дача поручена въ присмотръ, обязанъ дать о томъ знать по начальству, и немедленно, для потушенія пожара, снимать поселенъ всѣхъ смежныхъ деревень, въ десяти-верстномъ разстояніи находящихся, и гдѣ поселенія мало, то и изъ селеній, на двадцать пять верстъ отъ мѣста пожара отстоящихъ.

1806 Авг. 9 (1800) п. 8; 1838 Апр. 30 (11185); 1839 Дек. 26 (13023).

83. Крестьяне по первому призыву должны явиться съ заступами, метлами, ведрами и тому подобными огнегасительными орудіями на мѣсто пожара, и остаться тамъ для потушенія оного до тѣхъ поръ, пока пожаръ не окончится.

1806 Авг. 9 (1800) п. 8.

84. Къ потушенію мѣснаго пожара должна содѣйствовать и дѣсная стража.

1810 Июл. 19 (415) пал. 2. 38.

85. Дѣсничій и Земскій Судъ, извѣстясь о пожарѣ, происшедшемъ въ дѣсной дачѣ, поспѣшаютъ на мѣсто оного, и принимаютъ всѣ возможные мѣры къ утушенію пожара, заставляя обывателей описывать равни или капищами мѣста оного, дабы огонь дачѣ не распространялся.

1775 Покл. 7 (1420) ст. 219; 1800 Авг. 9 (13008) п. 9.

86. Губернскій Дѣсничій, извѣстясь о дѣсной пожарѣ, обязанъ и самъ, смотря по обстоятельствамъ, ѣхать на мѣсто и содѣйствовать къ вѣдательному пресѣченію дальнѣйшаго пожара.

Примечаніе. Изъ которыхъ особыя правила о потушеніи пожаровъ въ селеніяхъ казенныхъ подробно излагаются въ Сельскомъ Полковническомъ Уставѣ для государственныхъ вѣстий (см. Уст. Каз. Сел.).

1806 Авг. 9 (13008) п. 10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О розысканіи причинъ пожара, для донесеній о томъ начальству.

87. По утушеніи пожара, мѣстная полиція обязана немедленно изслѣдовать причины оного, и обо всѣхъ случившемся довести Начальнику Губерній съ подробнымъ описаніемъ, сколько, чего и отъ какой причины повторило. Начальники Губерній поимѣчаютъ сіе въ доносеніяхъ о чрезвычайныхъ пропущеніяхъ, доставляемыхъ высшему Правительству.

1771 Июл. 6 (2870) и Июл. 24 (2935); 1760 Март. 16 (11046); 1828 Июл. 3 (440); 1828 Февр. 26, по указу Имп. Влутт. Дѣла; 1829 Февр. 28 (2701).

88. О пожарахъ въ селеніяхъ, сельскіе Старшины должны обстоятельно доложить своему непосредственному начальству.

1774 Дек. 19 (1423) ст. 8.

89. О пожарахъ въ церквахъ, въ монастыряхъ и въ строеніяхъ, Духовному вѣдомству принадлежащихъ, Служащій, Настоятели и всѣ, кому С. 3. 1842 г., Т. XII, Уст. Пожари.

поручено было въдать погорѣвшее строеніе, обязаны уведомлять о томъ подробно ближайшее Духовное начальство, которому съ первою почтою и доносить о томъ въ Святѣйшій Синодъ.

1793 Янв. 23 (1799).

90. О пожарахъ въ мѣстахъ, гдѣ расположены полки, Командиры оныхъ обязаны доносить своему непосредственному начальству, которое установленнымъ порядкомъ доводитъ сіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

1803 Дек. 19 (21068).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

вознагражденіи убытковъ, понесенныхъ отъ пожара.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Положенія общія.

91. Для вознагражденія убытковъ, претерпѣваемыхъ отъ пожаровъ, предоставляется застраховывать сгораемые имущества въ Россійскихъ страховыхъ отъ огня обществахъ на основаніи ихъ учрежденій.

1827 Янв. 22 (1202); 1895 Март. 5 (6930).

92. Распоряженія о прирѣбн кровомъ и продовольствіемъ лишившихся отъ пожара средствъ къ существованію, и доставленіе имъ необходимыхъ пособій, принадлежать къ обязанностямъ мѣстнаго начальства и тѣхъ властей, или обществъ, къ владѣнію коихъ претерпѣніе отъ пожара принадлежитъ.

1829 Февр. 5 (2653); Ср. также Сводъ Узр. Губ.

93. Въ несчастныхъ случаяхъ, когда цѣлые города или селенія пострадаютъ отъ пожаровъ, мѣры пособія принимаются не иначе, какъ съ Высочайшаго утвержденія (а).

Примечаніе 1. Въ случаѣ назначенія отъ правительства пособій потерпѣвшимъ отъ пожара, суды производятся не имъ Государственнаго Казначейства, а имъ Сохраняемыхъ Казенъ, подъ ручательствомъ казенъ. (б)

Примечаніе 2. Въ Государственныя Казенныя Казнѣ обращается сумма, въ 1827 году проектировавшая свыше 528,000 рублей, проценты съ коей постановлено употреблять на пользу однихъ городскихъ жителей, потерпѣвшихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ разореніе (в).

Примечаніе 3. Для жителей Московской столицы, пострадавшихъ отъ пожара, и другихъ несчастныхъ случаевъ, составленъ вспомогательный капиталъ, коего капиталъ производится на основаніи особыхъ составленныхъ для сего правилъ (г).

(а) 1829 Янв. 3 (2657) т. 6, 1, 38 11 — 16; 1831 Февр. 20 (4372). — (б) 1834 Окт. 16 (7463). — (в) 1829 Февр. 4 (2653); 1831 Февр. 20 (4372). — (г) 1838 Янв. 31 (11900) и Февр. 10 (12913).

94. Священно-и церковно-служителямъ, государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ, лишившимся домовъ своихъ отъ пожаровъ, дѣлаются отъ казенъ или Удѣльнаго вѣдомства безденежно пособіе отпускомъ лѣса на обстройку, на точномъ основаніи правилъ, постановленныхъ о томъ въ Лѣсномъ Уставѣ.

Ср. Уст. Лѣсн.

95. Въ селеніяхъ ипостранихъ поселенцевъ дозволяется, по согласію вѣхъ поселянъ, сдѣлать постановленіе, дабы всякъ производилъ погорѣвшимъ по силамъ своимъ вспоможеніе, если не деньгами, то работою или инымъ образомъ.

1801 Маѣ 16 (1987) § 56; 1803 Июн. 16 (20798) § 51.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О вспоможеніи Духовенству въ особенности.

96. Для вспоможенія Духовенству, потерѣвшему разстройство въ своемъ состояніи отъ пожаровъ, Духовно-Учебное Управленіе отчисляетъ ежегодно изъ общихъ училищныхъ суммъ четырнадцать тысячъ двѣсти восемьдесятъ шесть рублей серебромъ.

1827 Маѣ 7 (1081); 1828 Маѣ 17 (2034) ст. I; 1836 Авг. 23, Выс. указъ; 1839 Март. 1 (12070) и. 3, и Июнь. 9 (12967).

97. Пособія назначаются по просьбамъ, подаваемымъ епархіальному начальству по принадлежности.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. III.

98. Епархіальное начальство должно рассмотреть и вѣсть съ вспоможеніемъ самой просьбы представить Святѣйшему Синоду: 1) не отъ вины ли самого просителя, и отъ какой именно причины произошелъ пожаръ. Свѣдѣнія о сему требуются отъ полиціи, которая обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ производитъ изслѣдованіе. 2) Какого поведенія проситель. 3) Какъ велико семейство просителя, то есть, сколько у него дѣтей, тѣхъ сѣнъ дѣти, и если не при должностяхъ еще, то не состоятъ ли въ Духовномъ училищѣ и на чьемъ иждивеніи; нѣтъ ли дѣтей, уже особия должности и какія именно отправляющихъ; какіе способы имѣетъ проситель къ возстановленію своего состоянія, и не имѣетъ ли, сверхъ обязанностей по церкви, другихъ занятій и жалованья. 4) Сколь великъ убытокъ, просителемъ показанный по совѣсти, есть ли на то какія доказательства, и чего бы по мнѣнію Консисторіи стоило погорѣвшее. 5) Какое, по мнѣнію Епархіальнаго Архіерея, пособіе нужно оказать просителю.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. IV; 1841 Март. 27 (14409) § 85.

99. Представленія, содержащія сѣн необходимыя свѣдѣнія посылать къ Святѣйшій Синодъ, который, сообразивъ надобности съ способами удовлетворенія, назначаетъ пособіе потерѣвшему разоренію.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. V и VI; 1839 Март. 1 (12070) и. 8; 1841 Март. 27 (14409) § 85.

100. Назначенныя Святѣйшимъ Синодомъ пособія, Духовно-Учебное Управленіе неукоснительно препровождаетъ къ Епархіальнымъ Архіереямъ для доставленія по принадлежности.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. V; 1839 Март. 1 (12070) и. 2 и 8 и § 85.

101. По различію случаевъ, для копѣхъ пособія нужны, Епархіальнымъ начальствамъ постановляется въ непремѣнную обязанность наблюдать, чтобы дѣла по просьбамъ о пособіяхъ сего рода шли самымъ свѣрымъ ходъ.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. VII.

102. Въ случаѣ принесенія кѣмъ либо изъ священно-и церковно-служителей просьбы о такихъ пособіяхъ на Высочайшее Имя, Синодальный

Оберъ-Прокуроръ внести сіи прозбы, съ собравшимъ по онымъ отъ Епархіальныхъ Архіереевъ свидѣніямъ, въ Святѣйшій Синодъ, для разсмотрѣнія и удовлетворенія.

1823 Маѣ 17 (2024) ст. VIII; 1839 Март. 1 (12070) п. 8 и 53 19—23.

105. Въ случаѣ остатка отъ годичной суммы, на пособіи опредѣляемой, слѣдъ причислится къ тому капиталу, изъ коего сія сумма отдѣлена; но въ случаѣ превышенія въ послѣдующее время надобностей противъ назначенной суммы, остатки прошедшаго времени могутъ быть, по разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, обращены на удовлетвореніе оныхъ.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. IX 126; 1839 Март. 1 (12070) п. 7.

104. По окончаніи года, Святѣйшій Синодъ вмѣстѣ съ отчетомъ, слѣдъ долженъ представлять Его Императорскому Величеству о расходѣ суммы, на употребленныя пособія отчисленной, краткую вѣдомость; при чемъ допустить и то, какія пособія даны по просьбамъ, на Высочайшее Имя поданнымъ и предварительно разсмотрѣннымъ.

1828 Маѣ 17 (2034) ст. X; 1839 Март. 1 (12070) § 4, п. 25

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О всемогущемъ казеннымъ поселникамъ въ особенности.

105. Министру Финансовъ предоставляется, безъ изсроченія Высочайшаго разрѣшенія, производить выдачу погорѣвшимъ отъ пожара и прочимъ разнаго званія казеннымъ поселникамъ въ суму до сорока пяти рублей серебромъ на каждый дворъ, безъ процентовъ, на двѣнадцать лѣтъ, съ назначеніемъ уплаты въ послѣднія десять лѣтъ, а бобыламъ и женскому полу, неимѣющимъ способныхъ завести особаго дома, еликовероятно безъ возврата, отъ семи рублей пятидесяти копѣекъ до пятнадцати рублей серебромъ на семейство или лице.

1831 Маѣ 6 (1536) п. 1; 1833 Авг. 8 (6362); 1840 Авг. 31 (13730).

106. Правило, въ предшествовавшей статьѣ постановленное къ отношенію бобылей и женскаго пола, приимается и къ тѣмъ изъ проживающихъ въ казенныхъ селеніяхъ безсрочно отпускаемымъ нижнимъ чинамъ, солдатскимъ женамъ и женамъ солдатъ, находящихся на службѣ, о коихъ мѣстное губернскаго начальство удостовѣритъ, что они дѣйствительно лишены доходовъ своимъ отъ пожаровъ и не имѣютъ никакихъ способовъ къ постройкѣ новыхъ.

1839 Нояб. 7 (12839).

107. Государственные крестьяне, лишившіеся домовъ своихъ отъ пожара, получаютъ на обстройку, сверхъ безсрочнаго отъ казны отпуска лѣтъ съ изъ своихъ или казенныхъ дѣлъ, въ количествѣ соотвѣствующемъ обычаю ихъ постройки, также казну и мѣстному состоянію лѣсовъ, денежное пособіе, въ случаѣ ихъ о томъ просьбы.

1838 Авг. 30 (11182) ч. 1, § 217, 218; 1839 Дек. 28 (13625) ч. 1, §§ 232, 233.

108. Денежное пособіе простирается на каждый погорѣвшій дворъ съ жилищемъ иными безъ всякаго разбора числа и качества строеній до двадцати посемь рублей пятидесяти восьми копѣекъ серебромъ, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ до сорока двухъ рублей сорока шести копѣекъ серебромъ.

Если спорная некоторая часть двора, то пособие выдается изъ упомянутыхъ суммъ по расчету. Впрочемъ, если дворъ и не весь спорный, но поврежденъ таковъ, что жительства въ немъ быть нельзя, то выдается полная сумма, а за повреждение, при которомъ однако жить въ домѣ по нуждѣ жить можно, ничего не полагается.

1831 Окт. 1 (1845) п. 2; 1838 Апр. 30 (11189) ч. 1, § 219; 1839 Дек. 28 (13033) ч. 1, § 234; 1840 Апр. 31 (13730).

109. Такъ какъ денежное пособие при пожарномъ случаѣ не терпитъ отлагательства, то оно отпускается немедленно впрямь до составления Капитала, на основаніи особаго положенія о взаимномъ застрахованіи, изъ банковаго къ погорѣвшимъ Уѣднаго Казначейства взаимнообразно изъ общины государственныхъ доходовъ. Въ случаѣ сего назначеніе погорѣвшимъ крестьянамъ пособия дѣломъ и деньгами, дѣлается Палатою Государственныхъ Имуществъ въ первое присутствіе по полученіи донесенія Окружнаго Начальника (ст. 1193 Свод. Учр. Губ.), и приводится въ дѣйствіе съ утвержденія Начальника Губерніи. Общъ отпускъ денегъ изъ Уѣднаго Казначейства Палата Государственныхъ Имуществъ отсылаетъ немедленно въ Казенную Палату, а о дѣлѣ предписываетъ Окружному Начальнику.

1831 Окт. 1 (1845) п. 3 и 4; 1838 Апр. 30 (11189) ч. 1, § 219, 220; 1839 Дек. 28 (13033) ч. 1, § 235, 236.

110. Уѣдное Казначейство выдаетъ денежное пособие сдѣлать погорѣвшимъ поселенцамъ, погъ ихъ росписки, а при безграмотствіи ихъ, погъ росписки тѣхъ, кому они лично доверять за себя росписаться. Дѣла по былы ссильны для Уѣднаго Казначейства о томъ, дѣйствительно ли тѣ лица получающіе пособие, которымъ оно назначено, получающіе должны представлять въ Казначейство свидѣтельство отъ Возвѣстнаго Приказа на простой бумагѣ, за коимъ помѣткою. Пособіе можетъ быть отдано и погъ росписки погребеннаго погорѣвшихъ поселать, сдѣланныхъ отъ нихъ на сіе доверенности, писанною на простой бумагѣ и засвидѣтельствованною въ Возвѣстномъ Правленіи.

1831 Окт. 1 (1845) п. 5.

III. За владѣніе неврѣстность или подлогъ при составленіи и засвидѣтельствовавіи приговора, также и при выдачѣ пособия, виновные отвѣтствуютъ по законамъ.

Тамъ же, п. 6.

112. Для позрѣтѣ издержанныхъ по каждой губерніи на таковыя пособия изъ казны денегъ, по истеченіи года, Палата Государственныхъ Имуществъ, съ утвержденія Гражданскаго Губернатора, назначаетъ отъ казенныхъ поселенъ той губерніи особый сборъ, такъ, чтобы на случай недовѣстности, разкладка превращалась въ сколько дѣйствительную потребность, но не болѣе пятой части. Сборъ сей назначается выдѣсь съ подушнымъ на подушную повинную года, оному ведется особый счетъ, и оставши значительна съ будущей раскладкѣ. Если сумма, выданная на теченіе одного года въ пособие погорѣвшимъ казеннымъ поселенцамъ, стала маловѣстна, что по простиралось и до подушны погѣйки съ души: то вызваніе оной можетъ быть производимо въ совокупности съ таковыми же суммами послѣдующихъ годовъ.

1831 Окт. 1 (1845) п. 8; 1838 Апр. 30 (11189) ч. 1, § 222; 1839 Памб. 9 (12907), Дек. 29 (13033) ч. 1, § 237.

113. О каждой выдачѣ изъ казны денегъ въ пособіе погорѣвшимъ казеннымъ поселянамъ Казенная Палата доноситъ Департаменту Государственнаго Казначейства немедленно (а), а Палата Государственныхъ Имуществъ и, по истеченіи года, включаетъ въ общій отчетъ, представляемый Министру о суммѣ всѣхъ таковыхъ выдачъ по губерніи, и о раскладкѣ (ст. 112), учтенной для возмѣщенія денегъ, выплаченныхъ изъ Удѣльныхъ Казначействъ на счетъ общественныхъ государственныхъ доходовъ (б).

(а) 1831 Окт. 1 (4945) п. 3. — (б) 1838 Апр. 30 (11189) ч. 1, § 223; 1839 Дек. 28 (43065) ч. 1, § 223.

114. Пособіе государственнымъ крестьянамъ Новороссійскихъ губерній, пострадавшимъ отъ пожаровъ и другихъ бѣдственныхъ происшествій, производится изъ особаго, для сего назначеннаго капитала, обращающагося въ мѣстныхъ Приказахъ Общественнаго Пріорііа.

1806 Сент. 12 (22270).

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О вспоможеніи Удѣльнымъ крестьянамъ въ особенностяхъ.

115. Министру Императорскаго Двора предоставляется производить, безъ изпрошенія Высочайшаго разрѣшенія, выдачу крестьянамъ, зашившимся домомъ отъ пожара, въ суммѣ до ста пятидесяти рублей серебромъ на каждый дворъ безъ процентовъ на двѣдцать лѣтъ, съ назначеніемъ уплаты въ послѣдніа десять лѣтъ; а совершенно несуммнымъ одновременно безъ возврата отъ тридцати до ста пятидесяти рублей серебромъ, на семейство или лице, изъ суммъ Удѣльныхъ или Кабинета, или же другихъ, въ распоряженіи Министерствъ состоящихъ.

1831 Сент. 18 (4808) п. 4; 1840 Авг. 31 (13750).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О взысканіяхъ и наказаніяхъ за несоблюденіе предосторожностей отъ пожара и за причиненіе оного.

ОУДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О пожарахъ отъ неосторожности.

116. Кто произведетъ пожаръ печально, тотъ не подлежитъ никакой отвѣтственности. Кто произведетъ пожаръ, хотя и неумышленно, но по неосторожности, тотъ долженъ вознаградить убытокъ казѣнному стерѣнной собственности, и сверхъ того подвергается взысканію, или наказанію, по разсужденію Суда, соразмѣрно винѣ.

1716 Март. 30 (3696) Воин. Арт. 87, 1761 Ср. 1619 Дек. 29 (1) тл. X, ст. 223, 224, 225, 226.

117. Если пожаръ случится отъ оплошности или небреженія строитнаго зданія Архитектора, то виновный Архитекторъ подвергается взысканію на основаніи правилъ, въ Строительномъ Уставѣ постановленныхъ.

1831 Февр. 9 (1332); 1872 Дек. 16 (3074).

118. Если пожаръ случится отъ несоблюденія чистоты дымоныхъ трубъ, отъ неисправности печей или отъ неисполненія предписанной отъ огня осторожности, то виновный подвергается денежному взысканію или другому полицейскому наказанію.

1718 Июн. 18 (3219); 1733 Февр. 20 (6692); 1800 Сент. 17 (1656) ст. 20; 1801 Май 16 (19872) 2 58; 1803 Июн. 16 (20798) 8 54; тл. Дек. 1 (30811) 8 11.

119. За причиненіе тѣсноты и помѣшательства на случающихся въ городахъ пожарахъ, отъ стесненія народа въ одного любопытства, взыскивать съ чиновниковъ треть получаемого жалованья, а собственныхъ лошадей и людей ихъ, которые при нихъ случаются, употребить при пожарѣ на работу. Простоявшаго же, сбѣжавшаго смотрѣть пожаръ, паражать самихъ тутъ же къ работу, для тушенія пожара.

1771 Май 23 (12611).

120. Не явившіеся на пожаръ въ казенныхъ, удѣльныхъ и поместныхъ селеніяхъ крестьяне съ тѣми отягательными снарядами, которые по росписанію они должны имѣть у себя, подвергаются взысканію въ штрафѣ по тридцати копѣекъ серебромъ съ человека.

1797 Апр. 3 (17986) 8 197; 1797 Дек. 7 (18082) н. 17, 1800 Сент. 17 (19562) ст. 6; 1801 Май 16 (19872) 3 55; 1803 Июн. 16 (20798) 8 54; 1810 Авг. 31 (18730).

121. Если отъ огня, разведеннаго профессіонными противниками, погонщиками, сланищиками и друму подобными людьми, въ запрещенное время или безъ предписанной осторожности, произойдетъ пожаръ: то виновные задерживаются и отсылаются къ суду, гдѣ поступаетъ съ ними, какъ въ законахъ о неосторожныхъ загорѣлахъ постановлено.

1800 Авг. 9 (19509) н. 7.

122. Если Пожарные Старосты или подбесовники усмотрятъ огонь, разведенный пастухами казенныхъ селеній въ лѣсной дѣлѣ въ запрещенное время, или же на пастбищѣ, по безъ предписанной предосторожности: то виновный пастухъ штрафуется по приговору сельскаго схода.

Тамъ же, п. 6.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ЗАЖИГАТЕЛЬСТВѢ.

152. Кто отироетъ зажигателя, тотъ обязанъ, по возможности, задержать его, представить известному полицейскому начальству; а если задержать его будетъ не возможно: то извѣстить о немъ въ городахъ полицію, а въ уѣздахъ Исправника или Земскій Судъ, Сельское или Волостное начальство, помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ.

1737 Сент. 30 (1290); 1749 Іюл. 24 (8184).

153. Наблѣченные въ умышленномъ зажигательствѣ или въ воровствѣ во время пожара, по произведеніи слѣдствія, подлежатъ уголовному суду и наказанію по всей строгости законовъ.

1649 Янв. 29 (1) гл. II, ст. 3; Ул. X, ст. 228; 1654 Мая 25 (126); 1659 Акт. 8 (255); 1663 Март. 2 (298), ст. 40; 1699 Іюл. 24 (1693); 1716 Март. 30 (3006) Воин. Арт. 87, 178, 181; 1720 Янв. 13 (3453) Ул. I, гл. IV, ст. 46, 47; 1737 Сент. 30 (1290); 1740 Іюл. 30 (8153); и Іюн. 24 (8184); 1778 Дек. 13 (1823).

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ УСТАВУ ПОЖАРНОМУ.

Приложение къ статьѣ 15 прим.

Росписаніе губерній по Пожарному Дѣлу.

I. Губерніи, приписанныя къ С. Петербургскому Дѣлу: Архангельская, Витебская, Вольнская, Эстляндская, Курляндская, Минская, Новгородская, Подольская, Велъборгская, Виленская, Вологодская, Гродненская, Кіевская, Литвинская, Могилевская, Олонецкая, Псковская и область Вѣлостокская.

II. Губерніи, приписанныя къ Московскому Дѣлу: Астраханская, Воронежская, Екатеринбургская, Калужская, Курская, Оренбургская, Пензенская, Полтавская, Саратовская, Слободско-Украинская, Тамбовская, Тверская, Херсонская, Ярославская, Владимірская, Вятская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Чернская, Рязанская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тульская, Черниговская и Земля Войска Донскаго.

1812 год. 7, друк. предп. Мих. Пол.

УСТАВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ ВЪ ГОРОДАХЪ И
СЕЛЕНІЯХЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Книга I. Сводъ Постановлений о торговомъ и сельскомъ хозяй- ствѣ вообщемъ.	369
— II. Постановления о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ.	507
— III. Постановления о благоустройствѣ въ селеніяхъ казачь- ихъ.	601
— IV. Постановления о колоніяхъ и востранцахъ въ Имперіи.	665

С В О Д Ъ ПОСТАНОВЛЕНІЙ О БЛАГОУСТРОЙСТВѢ ВЪ ГОРОДАХЪ И СЕЛЕНІЯХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О ГОРОДСКОМЪ И СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВООБЩЕ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О ГОРОДСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Положеніи общинъ.

Ст. 1. Статьи доходовъ, городамъ присвоенныхъ и возложенныхъ на нихъ расходовъ, равно какъ и порядокъ управленія оными, определяются или частными положеніями, для некоторыхъ городовъ изданными, или закономъ общинъ.

2. Частными положеніями определяются доходы и расходы некоторыхъ городовъ, по особеннымъ ихъ извѣстнымъ обстоятельствамъ и нуждамъ (а).

Примечаніе. Частныя положенія изданы для городовъ: Петербурга (б), Москвы (в), Архангельска (г), Кострома (д), Вологды (е), Владиміра (ж), Рязани (з), Нижняго Новгорода (и), Самбырска (к), Воронежа (л), Казани (м), Вятки (н), Астрахани (о), Одессы (п), Херсона (р), Кіева (с), Могилы (е), Варвы (т), Корсуни (у), Смоленска, Вязьмы, Вязьма, Дорогобужа, Гжатска, Поръчья, Рославля, Смоленскъ (ф), посада Дубельт (х), Троицка (ц), Бульска (ш), Бердя (ш), Харилова (ш), Премениута съ Крюковскими посадомъ (ъ), для городовъ Бессарабской области (ы), Асташева (ы), Курска (ы), Калуги (ы) и Саратовъ (ы).

(а) 1821 Дек. 9 (28828); 1823 Март. 19 (29556); и Апр. 13 (29489); 1824 Март. 3 (29833); 1825 Окт. 29 (30559); — (б) 1820 Апр. 7 (28226); 1821 Март. 14 (28585); и Дек. 9 (28928); 1826 Мае 7 (315); 1827 Мае 15 (1092); 1829 Март. 15 (2745); 1821 Окт. 31 (4887); 1822 Июл. 31 (7315); 1823 Июл. 13 (8377); 1824 Март. 21 (9034); 1828 Февр. 2 (16943); — (в) 1823 Апр. 15 (29422); 1824 Дек. 16 (2529); 1825 Окт. 31 (4887); 1826 Дек. 27 (2111); 1827 Июл. 30 (7897); 1828 Март. 4 (6942); 1828 Июл. 8 (11506); — (г) 1820 Март. 19 (28199); — (д) 1817 Авг. 28 (27036); 1820 Июл. 13 (12578); — (е) 1827 Июл. 23 (2208); 1829 Апр. 24 (2841); — (ж) 1828 Апр. 20 (22090); 1829 Июл. 11 (8561); — (з) 1820 Июл. 30 (7897); — (и) 1823 Март. 19 (29368); 1827 Окт. 19 (1471); 1828 Март. 4 (5285); 1828 Дек. 18 (8091); и Дек. 23 (8706); — (к) 1827 Февр. 26 (24629); 1818 Июл. 29 (25612); 1821 Сент. 17 (4801); — (л) 1820 Дек. 21 (1219); — (м) 1825 Окт. 26 (30552); — (н) 1828 Дек. 16 (2521); 1824 Дек. 31 (3549); — (о) 1829 Март. 19 (29367); 1825 Март. 19 (29229); 1828 Дек. 27 (5863); 1828 Июл. 31 (3018); 1828 Июл. 9 (7418); — (п) 1824 Февр. 11 (2865); — (р) 1821 Март. 3 (29422); 1824 Дек. 25 (7583); — (с) 1821 Окт. 6 (2823); 1822 С. 3. 1822 г., Т. XII, в Благ. изъ Губ. и Цик.

Окт. 13 (1857). — (г) 1806 Авг. 7 (2221); 1831 Сент. 17 (1803). — (д) 1833 Окт. 7 (1617). — (е) 1836 Март. 29 (2829). — (ж) 1835 Март. 9 (1028). — (з) 1805 Июл. 3 (1773). — (и) 1834 Июл. 26 (2129). — (к) 1834 Окт. 16 (1431). — (л) 1834 Апр.-Мая (7029). — (м) 1835 Авг. 9 (3041). — (н) 1835 Июл. 9 (2931). — (о) 1835 Июл. 3 (2542). — (п) 1836 Мая 23 (2118). — (р) 1836 Июл. 6 (2172). — (с) 1836 Июл. 13 (2303). — (т) 1837 Июл. 22 (1013). — (у) 1839 Март. 16 (1812).

3. Въ прочіе города губерскіе, уездные, восточные и занитные, ая конхъ не пзано особенныхъ положеній, въ установленій и управленій ихъ доходовъ и расходовъ, подчиняются дѣйствию общихъ правилъ, выше сего изложенныхъ.

Ср. Императорскія указы.

4. Положеніе для одного котораго либо города, въ частности изданное, аю основанное на особенныхъ уваженіяхъ, не можетъ въ отношеніи доходовъ и расходовъ служить примѣромъ для другихъ городовъ.

1833 Март. 19 (2036).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О городскихъ доходахъ и расходахъ вообще.

5. Городекіе доходы употребляются вообще не иначе, какъ на расходы, закономъ опредѣленные.

1783 Авг. 21 (1618), ст. 131; 1837 Июл. 3 (1093); § 15.

6. Въ порядкѣ мѣстнаго управленія сборъ городскихъ доходовъ, храненіе оныхъ и производствъ расходовъ состоитъ на обязанности Городскихъ Думъ или Ратушъ, подъ надзоромъ Начальника Губерніи. Онъ обязанъ наблюдать за правильнымъ употребленіемъ суммъ и за исправностію въ производствѣ вообще по сей части дѣлъ.

1798 Авг. 9 (1614); 1822 Дек. (2925); 1827 Мая 16 (1096).

7. Въ порядкѣ государственнаго управленія городскіе доходы въ составъ ихъ и образъ раскладки, по употребленію не изысканно подомонъ состоятъ подъ надзоромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (а); однакожъ по составу и раскладкѣ ихъ требуется предварительное заключеніе Министерства Финансовъ (б).

(а) 1841 Июл. 25 (2407); § 60; (2468) §§ 123, 127, 128, 156, 178 и 275. — (б) Ср. Учр. Госуд. ст. 131.

8. Городскія доходы и расходы Думы или Ратуши составляютъ ежегодныя сметы, по данной формѣ, и представляютъ оныя Гражданскому Губернатору. Если по тщательномъ разсмотрѣніи въ присутствіи Губернскаго Правленія сметы, окажется, что онѣ составлены на законномъ основаніи и во всѣхъ частяхъ правильны, то по возвращеніи ихъ въ Думу или Ратушу для надлежащаго исполненія, представляются списки съ нихъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Когда же въ сметахъ найдены будутъ статьи несогласныя съ правилами или избыточныя для жителей, то онѣ возвращаются въ Думу или Ратушу для исправленія.

1837 Июл. 3 (1093); § 116.

9. Губерскіи Начальства и Городскіи Думы должны прилагать стараніе о приращеніи городскихъ доходовъ, испрашивая на допущеніе какихъ либо по мѣстнымъ обстоятельствамъ изобременительныхъ сборовъ Высочай-

цель разрѣшенія чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и употребленія доходовъ на пользу города и на распространеніе заведеній Общественнаго Призрѣнія.

1785 Апр. 21 (16188) ст. 167; 1837 Февр. 6 (5138) п. 9.

10. Городская Дума сама собою отнюдь не устанавливаетъ никакихъ повинностей, не входитъ въ расходы своихъ съ представленіемъ къ Начальнику Губерніи, который, при всякомъ предложеніи о какомъ бы то ни было новомъ сборѣ, обязанъ представить высшему Начальству для испрошенія Высочайшаго утвержденія.

1838 Авг. 31 (2243).

11. Сверхъ опредѣленныхъ расходовъ, городскія общества не могутъ сами собою поддерживать дѣлѣ городскія; буде же усмотрѣть что къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, то должны представить Губернатору и ожидать его дозволенія.

1785 Апр. 21 (16188) ст. 154.

12. При назначеніи установленныхъ порядкомъ сборовъ для усиленія городскихъ доходовъ, должно съумѣнно прибавить такихъ, кои удобнѣе могутъ дать доходъ къ удовлетребенію для приращенію, кои обременительны, особенно для класса людей бѣдныхъ, и кои могутъ возвысить въ городѣ блгу изъ жилищныхъ потребностей.

1822 Март. 19 (2508).

13. Запрещается усиливать городскіе доходы новыми налогами для того единственно, чтобы, за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ, были значительные остатки.

Тамъ же.

14. При устройствѣ городовъ и пожарной въ нихъ части, наблюдать доброе хозяйство, избѣжанъ украшеній, видъ только прилегающихъ и окружающихъ дѣлѣ, и производить оное исподоволь, начиная съ нужнѣшаго.

Тамъ же.

15. Суммы, закономъ въ расходы опредѣленные, выдаются отъ Думы или Ратуши прямо тѣмъ, въставъ и знаютъ, кому оная получить надлежитъ, не отпуская таковыхъ денегъ въ вѣдомство Казенныхъ Палатъ и не занимая сими дѣлами Учрежденій Казначейства.

1798 Авг. 9 (18614).

16. Подряды на городскія суммы должны подвергаться тѣмъ же условіямъ, относительно заключенія контрактовъ по нимъ, какія для подрядовъ казенныхъ постановлены въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ.

1862 Мар. 2.

17. Думы и Ратуши запрещается дѣлать какіе бы то ни было займы на счетъ обществъ или городскихъ доходовъ, подѣ личною ихъ въ противномъ случаѣ ответственности; о законныхъ же надобностяхъ городовъ и о способахъ ихъ удовлетворенія, они обязаны заблаговременно представлять Начальнику Губерніи, который, въ случаяхъ, закономъ неопредѣленныхъ, долженъ исправлять разрѣшенія по назначенію.

1891 Снт. 12 (28784).

18. Вообще приношенія всякаго рода отъ обществъ начальствующимъ лицамъ, не допускаются ни въ какомъ случаѣ; а Начальникамъ Губерній

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О городских расходах съ особенности.

59. Расходы, изъ доходовъ городскихъ произвольные, суть:

I. Содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія: хозяйственнаго, судебного и полицейскаго.

II. Расходы по строительной и квартирной части.

III. Расходы на богоугодныя и учебныя заведенія.

Отдѣленіе первое.

О содержаніи мѣстъ и лицъ городского управленія.

60. Изъ городскихъ доходовъ содержитсѣ Магистраты, Полиція, и производятся жалованья Бургомистрамъ, Ратманамъ, Потариусамъ и прочимъ лицамъ, коимъ по городской службѣ иное положено.

1789 Авг. 21 (16188) ст. 132; 1787 Дек. 13 (16592); 1789 Дек. 13 (16749); 1795 Дек. 3 (17385).

61. Изъ городскихъ доходовъ равномерно производится пенсія сиротамъ, раннеединоврѣменно погибшимъ вдовамъ и сиротамъ ихъ, изъ основанія правительственныхъ въ Уставѣ о Пенсіяхъ.

1823 Сент. 27 (29199); 1825 Июн. 30 (23524); 1831 Февр. 12 (29782); 1833 Июн. 7 (35335).

62. На расходы вышеозначенныя преимущественно предназначается четверть-процентный сборъ съ купеческихъ капиталовъ; для чего суммизъ, во мѣрѣ ея приумноженія, тратится особымъ образомъ.

1807 Дек. 1 (22113) ст. 17; 1827 Июн. 11 (30113) ст. 36.

63. Городскую полицію, со всѣми принадлежащими къ ней частями, каждая городъ содержитъ на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ.

1797 Дек. 16 (18478) ст. 2; 1798 Авг. 9 (18513) в Сент. 27 (18589); 1799 Дек. 23 (19047).

64. Платя для помѣщенія полиціи, равно жалованья чиновникамъ и служителямъ ея, изъ той суммы и пожарной командѣ, производится изъ городскихъ доходовъ (а), по штатамъ, если не отнесено оно на счетъ казны (б).

(а) 1827 Дек. 11 (1454). — (б) 1833 Февр. 29 (3916); 1836 Мартъ (9240).

65. На счетъ городскихъ же доходовъ относится содержаніе и леченіе больныхъ полицейскихъ служителей въ больницахъ, полицейскихъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія (а).

Примѣчаніе I. Съ полицейскихъ больныхъ чинамъ и пожарныхъ служителей, въ С. Петербургѣ, вычета изъ жалованья за время изхожденія ихъ въ госпиталѣ по производствѣ (б).

(а) 1827 Дек. 11 (1454). — (б) 1831 Авг. 17 (2995).

66. Изъ городскихъ доходовъ назначаются и жалованья особымъ врачамъ въ городамъ (а), и содержитсѣ Городскіе Архитекторы, опредѣленные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ губернскіе и уѣздные города по употребленію надобности (б).

(а) 1810 Сент. 17 (13795). — (б) 1811 Авг. 16 (14820).

67. Каждая часть города должна имѣть свои Слѣзжій Домъ съ нужными приборами для помѣщенія всѣхъ пожарныхъ принадлежностей. Количество же пожарныхъ инструментовъ, сбита, лошадей и фурмановъ для

каждой части опредѣляется по мѣрѣ удобности, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Пожарномъ Уставѣ.

1818, Дек. 10 (2722); и 2; 1820 Авг. 13, шире: предл. Мин. Внутр. Дѣл; Св. Уст. Новгор.

68. Начальники Губерній, въ случаѣ недостатка городскихъ доходовъ на содержаніе полиціи, поступаютъ по правиламъ, постановленнымъ выше въ ст. 19.

1837 Июн. 3 (10363).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О расходахъ по строительной и квартирной частямъ.

69. Постройка и починка зданий, городамъ принадлежащихъ, производится изъ городскихъ доходовъ.

1782 Апр. 21 (16168) ст. 163, и 3; ср. также вышеприведенныя законы.

70. Начальники Губерній распоряжаются сами собою въ тѣхъ случаяхъ изъ городскихъ суммъ постройкахъ, на производствѣ которыхъ издержки не превышаютъ трехсотъ рублей серебромъ. Въ производствѣ же самихъ построекъ и починки, мѣста и лица городского управленія, на которыхъ сіе возложено, подчиняются общимъ правиламъ, въ отношеніи публичныхъ зданий постановленнымъ.

1806 Февр. 15, такъ 1813 Марч. 30 (3012); 1840 Авг. 31 (43750).

71. Обязанности городовъ по устройству и содержанію помѣщеній для квартирующихъ въ нихъ войскъ, и военныхъ заведеній, равно какъ и другіе расходы по военному постою, опредѣляются въ Уставѣ о Земельхъ Помѣностяхъ.

Ср. Уст. о Зем. Помѣн.

72. Города обязаны содержать въ исправности мостовыя на площадяхъ предъ городскими строениями и передъ зданиями военного вѣдомства по правиламъ, въ Строительномъ Уставѣ изложеннымъ.

Ср. Уст. Стр.

73. Города обязаны содержать въ исправности малыя дороги, чрезъ дачи ихъ протекающія.

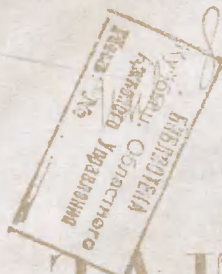
1831 Июн. 6 (14530) и Слов.-ст. 4809; 1837 Июн. 3 (10363) § 93; 1838 Марч. 16 (11126).

74. На обязанности городовъ возлагается отопленіе казенныхъ домовъ, занимаемыхъ Губернаторами, равно какъ и отопленіе и освѣщеніе городскихъ тюремныхъ замковъ и остроговъ и содержаніе состоящихъ при нихъ тюремныхъ Смотрителей (а).

Примечаніе. Въ городахъ губернскихъ, кои имѣютъ достаточные доходы и о которыхъ планы особымъ положеніемъ городскихъ доходовъ и расходахъ, назначается потребная на отопленіе казенныхъ губернаторскихъ домовъ сумма изъ сихъ доходовъ, но не болѣе пяти сотъ экземпляровъ одного рубля серебромъ, по предварительному отчету представителю Губернаторовъ и по разрѣшенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ доходы недостаточны, отопленіе помѣстныхъ домовъ принимается на счетъ казны съ отпускомъ, на сіе также не болѣе выше опредѣленной суммы, но не иначе, какъ по особымъ и по необходимости сей мѣры представленіямъ Губернаторовъ и по согласію съ Министромъ Финансовъ (б).

(а) 1831 Дек. 6 (26639) и Разв. 12 (26807); 1835 Июл. 30 (30307) и Дек. 14 (30420); 1835 Дек. 13 (30421); (б) 1833 Дек. 13 (3631); 1836 Июн. 31 (12560).

75. Въ случаѣ недостатка городскихъ доходовъ, повинности по военному управленію, также отопленіе и освѣщеніе остроговъ и содержаніе

825. ✓

345/
С-25.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

ИЗДАНІЯ 1837 ГОДА.

1583

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ I.

УСТАВЫ

ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ, ПОЧТОВЫЙ, ТЕЛЕГРАФИЧЕСКІЙ,
СТРОИТЕЛЬНЫЙ И ПОЖАРНЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной
Его Императорскаго Величества
Канцеларіи.

1857.

СВОДЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И УСТАВОВЪ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УЧРЕЖДЕНІЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНІЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О главномъ управленіи строительной части по государству.

Ст. 1. Всѣ казенныя зданія въ государствѣ, не подлежащія особымъ вѣдомствамъ, состоятъ изъ вѣдѣній Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Таковыя зданія суть: 1) Всѣ присутственные мѣста изъ губернскихъ, областныхъ, портовыхъ и уѣздныхъ городахъ. 2) Казначейства и денежныя кладовыя, исключая мѣстъ, гдѣ таковыя зданія строатся отъ Министерствъ Финансовъ. 3) Тюремныя помѣщенія. 4) Дома: Генералъ-Губернаторовъ, Военныхъ и Гражданскихъ Губернаторовъ, Начальниковъ областей, Градоначальниковъ и Предсѣдителей губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ таковыя зданія имѣются. 5) Дома для помѣщенія полиціи, Полицеймейстеровъ и Городничихъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оныя устрояются и содержатся отъ казны. 6) Мосты, переправы и набережныя. 7) Гауптвахта, канцарскія конюшни и другія военныя и гражданскія зданія, концы устройствъ и содержаніе относится на счетъ земскихъ повинностей. 8) Карантинныя.

1806 Іюл. 7 (18478); 1808 Сент. 4 (20406); ст. IV; 1803 Февр. 24 (20833) и Апр. 21 (20731); 1806 Сент. 7 (22387); 1810 Авг. 17 (24325); 1811 Іюл. 25 (24656); 1812 Июл. 29 (25391); 1816 Дек. 30 (28060); 1824 Авг. 14 (28023); 1825 Іюл. 31 (30779); 1826 Дек. 31 (294); 1837 Авг. 23 (1318); 1831 Апр. 15, циркул. по Мин. Фин.; 1832 Сент. 29 (3034) № 1 и 2; 1837 Іюл. 3 (10393) укр. ст. 3; 1829 Окт. 29 (12816) п. 3.

2. Проекты и сметы зданій, въ вѣдѣніи Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, составляющія, разсматриваются (поключая сметы, концы окончательная повѣрка предоставляется Строительнымъ и Дорожнымъ Комиссіямъ, по статьямъ 75 и 76) въ Департаментѣ Разсмотрѣнія Проектовъ и Сметъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, а ревизія отчетовъ производится въ Департаментѣ Ревизій Отчетовъ того же Управленія.

1832 Сент. 29 (3034) § 3; 1840 Іюл. 20 (13573); 1842 Навбр. 26 (16260) пох. § 1; 1843 Февр. 4, Вып. укр. пох. № 1 и 2. — Ср. 1823 Іюл. 29 (27394); 1834 Іюл. 7 (26103) § 70.

3. Учрежденіе Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій наложено въ Учрежденіи Министерствъ (ст. 1453—1637).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О управленіи строительной части въ губерніяхъ и областяхъ вообще.

Отдѣленіе первое.

Положеніи общія.

4. Для заведыванія строительною и дорожною частями въ губерніяхъ и областяхъ, въ каждой губерніи и области состоятъ Губернская или Областная Строительная и Дорожная Комиссія (а).

Примечаніе 1. Въ управленіи строительною частью въ Закавказскомъ краѣ и въ обѣихъ частяхъ Сибири, впрочемъ до изданія новаго для нихъ по сей части положенія, руководителю подлежатъ следующія примѣны:

1) Въ Закавказскомъ краѣ. Губернская Строительная Комиссія и вообще строительная часть въ томъ краѣ подчинены Намѣстнику Кавказскому на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) всѣ распоряженія о переименованіи въ должности, назначеніяхъ, вѣрученіяхъ въ Комиссіи предоставлены Намѣстнику Кавказскому, съ тѣмъ, чтобы онъ о всѣхъ переименованіяхъ, съ разрѣшенія его сдѣланныхъ, извѣщалъ Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями для Сибири. 2) Обо всемъ, что будетъ превышать власти Намѣстника въ отношеніи опредѣленія, переименованія, увольненія и награды, Высочайшаго утвержденія требующихъ, онъ сообщаетъ Главноуправляющему, для представленія Его Императорскому Величеству на разрѣшеніе, по военному вѣдомству сдѣлающимъ. 3) Постановленная въ 2-мъ примѣчаніи въ статьѣ 3-й Устава Пути Сообщенія примѣна для VIII Округа Путей Сообщенія: о представленіи и поимѣяхъ проектовъ и сметъ, о ревизіи отчетовъ и книгъ, и о сметахъ, потребныхъ на расходы и работы распространяется по всей силѣ на Тифлискую Строительную Комиссію и на строительную часть въ губерніяхъ Закавказскаго краѣ. 4) Для общей связи въ дѣлахъ, Строительная Комиссія, по утвержденіи годовыхъ предположеній о работахъ по ея вѣдомству, представляетъ Главноуправляющему Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями копию съ оныхъ, а съ окончаніемъ года доставляетъ свѣдѣніе, какія работы произведены и какія остались невыполненными. 5) Комиссія представляетъ также Главноуправляющему: а) установленные мѣстные расписки о состояніи цѣлыхъ чиновъ и арестантскихъ ротъ въ вѣдѣнствѣ; б) третью о дѣлахъ вѣдомствъ въ приложеніи порядкѣ и по данной формѣ; в) установленные формулярные о чиновникахъ списки; г) годовые отчеты о дѣйствіяхъ своихъ, по предписанной формѣ (б).

2) Въ Сибирѣ дѣла по строительной части сосредоточиваются въ Губернскихъ Правленіяхъ, которыя по предметамъ освидѣтельствованія совершаемыхъ тамъ строеній и работъ, равно осмотра состоянія казенныхъ зданій, въ потребныхъ случаяхъ обращаются съ представленіями къ главнымъ мѣстнымъ начальствамъ, отъ распоряженія коихъ зависитъ назначеніе къ тому вышереченныхъ чиновниковъ, или другихъ благонадѣжныхъ чиновниковъ. Тѣ же главные начальства, по своему усмотрѣнію, могутъ признавать нужнымъ, посылать каждаго изъ чиновниковъ для осмотра казенныхъ строеній по вѣдомствамъ или краѣмъ (в).

Примѣчаніе 2. Ставропольская Строительная и Дорожная Комиссія учреждена на общихъ съ другими такими Комиссіями основаніяхъ, но съ слѣдующими отъ оныхъ исключеніями: а) Сія Комиссія состоитъ въ непосредственной зависимости отъ Намѣстника Кавказскаго на точномъ основаніи правилъ объ отношеніяхъ его, опредѣленныхъ въ Учрежденіяхъ Закавказскомъ и Ставропольскомъ; за сѣмъ во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, въ коихъ по учрежденіи своему Строительная и Дорожная Комиссія предоставляетъ Главноуправляющему Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, Ставропольская Комиссія входить съ представленіями къ Намѣстнику Кавказскому чрезъ Управленіе въ Ставропольской губерніи гражданскаго частию; б) Ставропольскую Строительную и

Дорожную Комиссию надлежит образовывать по тому же штату, который изданъ для прочихъ таковыхъ же комиссій, съ отпускомъ потребныхъ на сие суммъ изъ государственнаго казначейства: по Намѣстнику Кавказскому предоставлено открыть сию Комиссію или въ полномъ составѣ, или же уменьшить сей составъ по ближайшему еѣ усмотрѣнію. в) По малому числу дворянъ въ Ставропольской губерніи определено въ числѣ въ Комиссіи депутата отъ дворянства; въ замѣтъ сего предоставляемо Намѣстнику Кавказскому командировать въ оную временно или постоянно одного изъ состоящихъ на Кавказѣ Горныхъ Инженеровъ для содѣйствія при устройствѣ горныхъ дорогъ. г) Для сужденій по дѣламъ объ устройствѣ дорогъ въ предѣлахъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска положено приглашать въ Комиссію Казанскаго Атамана сего войска, или старшаго члена Войскового Правленія оного (г).

(а) 1834 Іюл. 7 (28405) § 1. — (б) 1845 Яно. 25 (28657); 1847 Яно. 7 (28776) п. 4; 1854 Іюл. 7 (28405) § 1, примеч. — См. также Особ. Губ. Упр. ви. III, ст. 257, примеч. 2, ст. 280 и 300, примеч. — в) Сп. 1822 Іюл. 22 (29124) п. 1; (29125) §§ 40, 42; 1827 Окт. 17 (1472); 1831 Окт. 13 (4863); 1847 Яноб. 17 (31714); 1854 Іюл. 7 (28405) § 1, примеч. — См. также Особ. Губ. Упр. ви. I, ст. 36, 41. — г) 1850 Авг. 4 (23361); 1854 Іюл. 7 (28405) § 3, примеч.

5. Въ губерніяхъ С.-Петербургской и Московской Строительныя и Дорожныя Комиссіи заведываютъ строительною и дорожною частями собственно въ уѣздахъ сихъ губеррій; въ столицахъ же строительною частию заведываютъ Окружные Правленія Путей Сообщенія, въ С.-Петербургѣ Правленіе I-го, а въ Москвѣ Правленіе IV-го Округовъ, по особому о семъ положенію (см. ниже, ст. 88).

1854 Іюл. 7 (28405) § 2.

6. Губернскія и Областныя Строительныя и Дорожныя Комиссіи состоятъ въ непосредственной зависѣмости Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями (а), съ коими Начальники Губерній и Областей состоятъ, по части строительной въ непосредственномъ сношеніи (б).

Примѣчаніе. О зависѣмости Ставропольской Комиссіи отъ Намѣстника Кавказскаго см. выше, статью 4, примеч. 2 (в).

(а) Тамъ же, § 3. — (б) 1833 Сент. 29 (3624) § 8. — (в) 1854 Іюл. 7 (28405) § 3, примеч.

7. На томъ же основаніи (ст. 6) подчиняются Главноуправляющему Путями Сообщенія и Публичными Зданіями и Городскіе Строительные Комитеты въ Одессѣ, Таганрогѣ и Керчи (см. ниже, ст. 88).

Примѣчаніе. Въ Рязнскъ и Острокъ учреждены особые, для устройства сяхъ городовъ, Комитеты, которые по особо изданнымъ для нихъ Высочайше утвержденнымъ въ 1846 и 1847 годахъ положеніямъ подлежатъ вѣдѣнію; первый Витебской, а послѣдній Псковской Губернскихъ Строительныхъ и Дорожныхъ Комиссій въ вѣдѣніи Отдѣленій.

1854 Іюл. 7 (28405) § 4. — См. также: 1846 Авг. 24 (20343); 1847 Март. 27 (21036).

8. Губернскія и Областныя Строительныя и Дорожныя Комиссіи въ кругу своихъ обязанностей сосредоточиваютъ все вообще по строительной и дорожной частямъ распоряженія, дѣйствія и дѣла, какъ въ искусственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ.

Примѣчаніе. По предметамъ, до земства относящимся, Комиссіи руководствуются Уставомъ о Земскихъ Помѣстностяхъ.

1854 Іюл. 7 (28405) § 5.

9. Все обязанности, права и отвѣтственность, опредѣленныя постановленіями для Губернскихъ и Областныхъ Строительныхъ и Дорожныхъ Комиссій, распространяются и на Городскіе Строительные Комитеты (ст. 7)

въ отношеніи строительной части, сообразно кругу ихъ дѣйствій въ городахъ, въ которыхъ учреждены.

Тамъ же, § 6.

10. Вѣдѣнію Строительныхъ и Дорожныхъ Коммисій подлежатъ всѣ въ губерніяхъ и областяхъ казенныя и общественныя зданія, за исключеніемъ поименованныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ 11 и 12, и всѣ грунтовыя почтовые, торговыя и военныя дороги, а также мосты, переправы и другія устройства на сихъ дорогахъ, на точномъ основаніи Устава о Земскихъ Повинностяхъ.

Тамъ же, § 7.

11. Вѣдѣнію Строительныхъ и Дорожныхъ Коммисій не подлежатъ зданія и сооруженія, состоящія въ вѣдомствѣ: 1) Министерства Императорскаго Двора; 2) Министерства Угльовъ; 3) Министерства Народнаго Просвѣщенія; 4) Министерства Морскаго; 5) духовнаго вѣдомства; 6) почтоваго вѣдомства; 7) вѣдомства Опекунскихъ Совѣтовъ; 8) вѣдомства управленія женскихъ учебныхъ заведеній; 9) вѣдомства государственнаго коннозаводства; 10) принадлежащая дворянскимъ и городскимъ обществамъ.

Тамъ же, §§ 8 и 9.

12. Вѣдѣнію Строительныхъ и Дорожныхъ Коммисій не подлежатъ также: а) *По Министерству Финансовъ:* зданія горныхъ заводовъ, соляныя магазины, винныя поварны, таможенныя зданія и дома Конторъ Коммерческаго Банка. б) *По Министерству Государственныхъ Имуществъ:* общественныя зданія и помѣщенія въ казенныхъ селеніяхъ. в) *По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ:* вновьбренскія церкви, каплицы и принадлежащее имъ дома и семинарскія зданія.

Тамъ же, § 9.

13. По военному вѣдомству въ заведѣваніи мѣстныхъ Строительныхъ и Дорожныхъ Коммисій состоятъ собственно зданія, бывшія въ вѣдѣніи: а) упраздненнаго Департамента Военныхъ Поселеній въ губерніяхъ: Пермской, Каванской, Сибирской, Саратовской и Астраханской; б) Астраханской инженерной команды въ городѣ Астрахани; в) артиллерійскаго вѣдомства въ городѣ Казугѣ (а).

Примѣчаніе. Состояща въ подчиненіи провіантскому вѣдомству въ Восточной Сибири зданія заведываются мѣстными губернскими управленіями по строительной части (см. выше, ст. 4, примѣч. Г) (б).

(а) Тамъ же, § 10. См. также 1843 Авг. 1 (17081) а) п. 1; 1846 Июл. 27 (20174); 1853 Авг. 17 (27310) — (б) Ср. 1846 Июл. 27 (20174) и 1854 Июл. 7 (28405) § 1, примѣч.

14. Губернскимъ Строительнымъ и Дорожнымъ Коммисіямъ подчиняются Уѣздныя Дорожныя Коммисіи, коихъ составъ опредѣленъ въ Уставѣ Русей Сообщенія.

1854 Июл. 7 (28405) §§ 11, 12.

15. Губернскимъ Строительнымъ и Дорожнымъ Коммисіямъ подчиняются всѣ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ поименованныхъ выше въ 7 статей городовъ, въ которыхъ таковыя роты состоятъ въ заведѣваніи существующихъ тамъ Строительныхъ Комитетовъ,

ность росписки въ шпуровыхъ книгахъ, сообразно установленнымъ на таковыя случаи правиламъ.

1832 Сент. 29 (5624) § 30; ср. Уст. Счетн., кн. VI.

110. Общія присутствія Строительныхъ и Дорожныхъ Комиссій, при Губернскихъ прокурорахъ или Странничихъ, производить ежегодно свидѣтельство шпуровыхъ книгъ и состоящихъ въ Комиссіи палицу суммъ порядкомъ, изъясненнымъ въ Уставахъ Счетныхъ (кн. VI, ст. 38—51). Независимо отъ сего Начальникамъ Губерній вѣляется въ обязанность производить такія свидѣтельства и вносить на основаніи тѣхъ же Уставовъ (кн. VI, ст. 61).

1832 Сент. 29 (5624) § 31; 1846 Июн. 20 (13573); ср. Уст. Счетн., кн. VI, ст. 38—51, 61.

III. Распоряженіе тѣми суммами, которыя по утвержденнымъ смѣтамъ земскихъ повинностей и по другимъ правиламъ назначаются въ губерніяхъ на сооруженіе новыхъ зданій, или на перестройку и починку зданій существующихъ, и вообще на предметы, состоящіе въ вѣдомствѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, принадлежитъ установленному сему управленію подвѣдомственнымъ, и производится подъ его надзоромъ на томъ же основаніи, какъ распоряженія суммами, производимыя изъ земскаго же сбора на устройство водныхъ и сухопутныхъ сообщеній, а равно и изъ другихъ источниковъ на гражданскія сооруженія (ср. Уст. Зем. Нод., ст. 100).

1848 Янв. 10 (21906) отд. I, п. 1; 1851 Июл. 13 (23328) ст. 16, 109; ср. 1854 Июл. 7 (28405) § 35, п. 11.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О построеніи казенныхъ зданій.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О построеніи зданій по вѣдомству Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

I. О планахъ и фасадахъ казенныхъ зданій.

112. Казенныя зданія строятся не иначе, какъ по планамъ, фасадамъ и смѣтамъ утвержденнымъ въ порядкѣ, для сего установленномъ.

1806 Сент. 7 (22267); 1829 Ноябр. 12 (2423); 1829 Мая 3 (2837) тѣб. II, § 31.

113. Для облегченія строителей въ составленіи плановъ и фасадовъ, издуются отъ правительства образцовыя чертежи, и рассылаются по губерніямъ, съ тѣмъ, чтобы оныя служили руководствомъ не только при постройкѣ новыхъ, но и при передѣлкѣ старыхъ зданій, гдѣ удобность позволить (а).

Примѣчаніе 1. Таковыя чертежи составлены: 1) для зданій присутственныхъ мѣстъ въ губернскихъ городахъ, для домовъ Губернаторовъ и Вице-Губернаторовъ; 2) для уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ; 3) для губернскихъ и уѣздныхъ

тюремныхъ помѣщеній; 4) для казармъ жандармскихъ и Внутренней Стражи, для гаушвахтъ, платформъ, будокъ для военныхъ часовыхъ и почтовыхъ сторожей, заставъ и плацбаумовъ, также для верстовыхъ, перекрестныхъ, станционныхъ и поставляемыхъ при вѣздахъ въ селенія столбовъ (б).

Примечаніе. 2. Образованіе чертежи издается не съ тѣмъ, чтобы присутствіе по нѣмъ немедленно къ устройству зданій, гдѣ оныхъ еще не имѣется, или привести къ тому же видѣ и единообразію и самымъ существующимъ въ губерніяхъ зданіямъ; но единственно для руководства въ такихъ только случаяхъ, когда по мѣстнымъ обстоятельствамъ совершенно безъ постройки обитовъ не возможно, или когда существующія строенія находятся въ такомъ положеніи, что вовсе неспособны ли къ дальнейшему зажитію, или къ исправленію необходимыми починками (в).

(а) 1803 Февр. 24 (26633) IV, ст. 1.—(б) 1803 Февр. 24 (26633); 1810 Февр. 25 (24133); 1817 Дек. 12 (27180); 1821 Апр. 25 (28617); 1823 Февр. 28 (29342); 1829 Авг. 30 (3123); ср. 1837 Июл. 3 (3090) у. п. 3; 1844 Дек. 25 (18359 а); 1845 Янв. 18 (18612); 1848 Окт. 21 (22660); 1850 Февр. 15 (23056).—(в) 1822 Авг. 30 (3123) ст. 6.

114. Планы, составленные съ отступленіемъ отъ изданныхъ образцовъ, особенно же планы зданій, кои предполагается возвести около площадей и на главныхъ улицахъ города, и планы общественныхъ монументовъ, представляются на Высочайшее усмотрѣніе.

1827 Июл. 4 (1296); и Сент. 6 (1361); 1829 Июл. 12 (3423); 1830 Мар. 3 (2867) таб. II, § 24; 1831 Мар. 6 (4532); у. п. 1; 1838 Июл. 18 (11348 а).

115. Образцовые чертежи хранятся въ Строительныхъ и Дорожныхъ Комиссіяхъ.

1829 Авг. 30 (3123) ст. 4; ср. 1832 Сент. 29 (3624) § 4; 1854 Июл. 7 (3606) § 35, и. 3.

116. При составленіи проектовъ на новыя строенія, не дозволяется дѣлать отъ сихъ образцовыхъ чертежей ни малѣйшихъ отступленій.

1829 Авг. 30 (3123) ст. 2.

117. Если слѣдъ либо по мѣстнымъ обстоятельствамъ, мѣстоположенію, или по особымъ учрежденіямъ, некоторымъ губерніямъ и областямъ, присвоеннымъ, представится совершенная необходимость въ какомъ либо отступленіи отъ образцовыхъ плановъ; въ такомъ случаѣ, прежде составленія проектовъ, дѣляется о томъ предварительное представленіе Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій.

Тамъ же, ст. 3.—Ср. 1832 Сент. 29 (3624) § 21 1—3.

118. При составленіи проектовъ для постройки въ уездныхъ городахъ избираются къ руководству нѣ образцовыхъ плановъ тѣ, кои, по соображенію удобства мѣстнаго положенія съ мірою дѣйствительной только потребности, могутъ представить болѣе выгоды для казны въ отношеніи сбереженія издержекъ, о чемъ и объясняется въ представленіяхъ.

1829 Авг. 30 (3123) ст. 7.

119. При проектахъ заказанныхъ постройки должны быть представлены и планы мѣстоположеній, гдѣ предполагается быть зданію, съ означеніемъ части, улицы, площади, или квартала, дабы можно было судить о приличіи фасада.

1829 Июл. 15 (2481).

120. На фасадахъ зданій означается человѣческая фигура на поверхности горизонта по масштабу чертежа, дабы можно было судить

о высотѣ зданія. Фигура изображается выпинною въ два аршина восемь вершковъ или въ пять футовъ и десять дюймовъ Англійской мѣры.
1831 Окт. 23 (4877).

121. На каждомъ чертежѣ, сверхъ подписи, кѣмъ оный составленъ, означается годъ, мѣсяцъ и число.

Тамъ же.

II. О проектахъ и сметахъ казенныхъ зданій.

122. При составленіи смѣтъ въ губерніяхъ на посылъ казенныхъ зданій, принимается за основаніе, что зданія сии должны быть каменные. Изъятіе изъ сего правила допускается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представится къ тому дѣйствительная невозможность; но и тамъ деревянныя зданія должны быть по крайней мѣрѣ на каменномъ фундаментѣ.

1803 Февр. 24 (20633); IV, ст. 2.

123. Соображенію Начальниковъ Губерній предоставляется, для уменьшенія казенныхъ издержекъ, замѣнить постройку покупкою домовъ, кои бы могли быть передѣланы и обращены въ казенныя зданія (а).

Примѣчаніе. Въ 1843 году постановлены были правила о приглашеніи частныхъ лицъ къ постройкѣ на ихъ счетъ помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ, тюремъ и другихъ зданій въ ведомствѣ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, для найма оныхъ отъ казны на продолжительные сроки (б). Въ 1847 году срокъ испытанія вышеозначенной мѣры продолженъ еще на три года (в). Въ 1850 году поспѣшно изложенны въ упомянутомъ постановленіи 1843 года правила распространить во всѣхъ частяхъ на Кавказской учебной округѣ, съ тѣмъ, чтобы наняваемые на основаніи сихъ правилъ для учебныхъ заведеній дома были на все время найма освобождены отъ городскихъ повинностей (г).

(а) Тамъ же, ст. 5.—(б) 1843 Апр. 29 (16765).—(в) 1847 Янв. 21 (30830).—(г) 1850 Октяб. 24 (24678).

124. Въ случаѣ, когда какія либо зданія представляются частными лицами въ даръ казѣ или на общественное употребленіе, Губернаторы предварительно испрашиваютъ, на принятіе ихъ, разрѣшеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, входи съ тѣмъ вмѣстѣ въ подлежащія сношенія и съ другими Министерствами или Главными Управленіями, если предметъ, на который предназначаются сии зданія, принадлежитъ ихъ ведомству.

1820 Маѣ 3 (2837) таб. II, § 32; 1837 Июн. 3 (10300) § 97.

125. О мѣстахъ, выбранныхъ подъ казенныя зданія не инженернаго ведомства въ крѣпостяхъ или около оныхъ, до составленія смѣтъ и чертежей, извѣщается предварительно Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части въ такомъ случаѣ, когда предложеніе о построеніи сдѣлано въ Санкт-Петербургѣ, и дается знать о семъ инженернымъ командамъ, когда выборъ мѣста предоставляется мѣстному начальству, въ ведомствѣ коего строеніе состоитъ должно.

1823 Янв. 21 (30200).

126. Гражданское начальство, въ случаѣ предложеній о перестройкѣ и постройкѣ церквей и вообще публичныхъ зданій въ крѣпостяхъ и на фортификаціяхъ ихъ, должны сообщать предварительно проектныя чертежи

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСТАВЪ О ЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ.

266. Къ общественнымъ зданіямъ, для построенія коихъ существуютъ особыя правила, принадлежатъ: 1) Гостиные дворы и городовые амбары; также помѣщенія для ночныхъ сторожей и разныя постройки для военнаго караула. 2) Зданія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О построеніи гостиныхъ дворовъ, городскихъ амбаровъ, будокъ для ночныхъ сторожей, и о разныхъ постройкахъ для военнаго караула.

267. Гостиные дворы строятся въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ заводовъ и магазиновъ удобостараемыхъ. На сіе обстоятельство, при разрѣшеніи постройки оныхъ, обращается особенное вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимается въ соображеніе удобность мѣстоположенія, шума и желаніе торгующихъ.

1799 Авг. 10 (19075).

268. Всякія деревянныя при каменныхъ торговыхъ лавкахъ пристройки и гѣстиницы воспрещаются.

1847 Іюн. 26 (21348).

269. Городовые амбары строятся въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ огня и наводненія, и способныхъ къ привозу и отвозу товаровъ.

1799 Октяб. 12 (19188) § 2.

270. Полцейскія будки въ городахъ строятся по нормальному чертежу, Высочайше утвержденному въ 1848 году (а). Въ Москвѣ онѣ строятся по Высочайше утвержденному въ 1849 году проекту, примѣненному къ нормальному чертежу (б).

(а) 1847 Дек. 13 (21180) ст. 37; 1848 Апр. 8 (22171).—(б) 1849 Дек. 13 (23724).

271. Постройки для военнаго караула суть: платформы на гауптвахтахъ, съ принадлежностями, и плагбаумы.

См. нижеслѣдующія статьи.

272. Правила наблюдаемыя при построеніи платформъ, съ принадлежностями къ онымъ, суть слѣдующія:

1) На мѣстѣ, гдѣ назначено быть караулу, кладутся поперегъ предполагаемой длины бруски, толщиною въ три вершка; на нихъ настилается полъ изъ досокъ, толщиною въ два съ половиною дюйма; съ боковъ сей полъ обшивается двойными досками съ одностороннею.

2) Ружейныя сошки для платформъ вытаскиваются изъ четырехдюймового бруса и прикрѣпляются къ платформѣ желѣзными скобами. Знамен-

над тумба также вытачивается изъ десяти дюймового бруска. Барабанная поставка дѣлается изъ двухдюймовыхъ досокъ.

3) Для будки часовыхъ, на двухдюймовыхъ брускахъ дѣлается квадратная обвязка изъ трехдюймовыхъ брусковъ, на которую настилается полъ изъ дюймовыхъ досокъ. Подобная обвязка безъ пола составляетъ верхній край будки. Къ сѣмъ квадратамъ съ лица прибиваются стойки со всѣхъ сторонъ во всю высоту дюймовой доски, оставляя съ одной стороны входа. По сѣмъ доскамъ съ низу обрамливается плинтусомъ; а вверху прибавляется изъ дюймовыхъ досокъ крыша, податая концы оныхъ не съ кола на сѣтъ, но на перелѣтъ и задній фасъ. Крыша обтягивается парусиною и красится чернѣю на вершокъ мастѣ съ двухъ разъ. Внутри будки въ верхнюю обвязку вколачивается желѣзный гвоздь, на которой часовой вѣшаетъ шинель или тулупъ.

4) Колокольный столбъ дѣлается круглый, въ диаметрѣ четыре вершка, а вышиною въ три аршина; къ верхнему его концу прикрѣпляется трехдюймовый брусъ, длиною въ двѣнадцать вершковъ. Въ восьми вершкахъ отъ верха столба пропускается савось оный перпендикулярно къ верхнему бруску такой же брусокъ, всего длина должна быть съ правой стороны столба восемь, а съ лѣвой десять вершковъ; на концахъ же ихъ прикрѣпляются бруски одной длины съ верхними, и потомъ настилается крыша, какъ выше о будкѣ сказано, савосью отъ нижняго бруска съ лѣвой стороны къ три вершка. Къ деревянному бруску, сквозъ столбъ пропущенному, привязывается съ лѣвой стороны мѣдный колоколъ, вѣсомъ до полутора пуда. Сей столбъ прикрѣпляется къ платформѣ желѣзными скобами (в).

Примѣчаніе. Планы на постройку платформъ для караулокъ со штенсѣжъ, оцинперскаго, унтер-офицерскаго и у аластани на четыре человѣка, Высочайше утвержденны въ 1844 году (б).

(в) 1817 Дек. 13 (27189). — (б) 1826 Дек. 7 (732); 1841 Май 20 (17039).

273. На мѣстѣ, гдѣ назначенъ будетъ плагбаумъ, на широтѣ дороги внапѣваются два обѣданные квадратно съ четырехъ сторонъ столба, каждый вышиною въ три аршина, а толщиною въ шесть вершковъ, съ проухами къ верхнихъ концахъ, длиною въ семь вершковъ. Въ проухѣ лѣваго столба вкладывается бревно, съ четырехъ сторонъ обѣдненное (бонтъ), которое укрѣпляется желѣзными болтами, силою средину оного и уши столба пропущенными. Длина бона зависитъ отъ широты дороги. Оны должны быть толще къ тому концу, къ которому прикрѣпляется штыкъ для запертій плагбаума на крюкъ, въ правый столбъ вколоченный. На толстый же конецъ бона, для большей удобства подъема, накладывается чугунъ, вѣсомъ смотря по надобности, и прикрѣпляется желѣзными позосами. Если назначены будутъ къ плагбауму для часовыхъ будки, то ставятся оныя со внутренней стороны оного въ полутора аршинахъ отъ столбовъ и наравѣтъ съ оными по длинѣ дороги. Рисунокъ плагбауму изданъ въ 1817 году.

1817 Дек. 13 (27189).

274. Будки часовыхъ, плагбаумы и все принадлежащее военнаго караула окрашиваются военною краскою, на мастѣ составленной

Такъ же.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Положенія объ устройствѣ улицъ, площадей, мостовъ
и тротуаровъ въ городахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*Объ устройствѣ городскихъ улицъ, площадей, мостовъ и
переправъ.*

280. Улицы, площади, мосты и переправы въ городахъ и предѣлахъ состоятъ въ вѣдомствѣ городской полиціи, которая наусушью печется объ устройствѣ и исправномъ состояніи оныхъ, дабы проезжающимъ не было ни остановки, ни опасности.

1742 Сент. 24 (8621); 1744 Апр. 23 (8925); 1782 Апр. 3 (15379) ст. 26 и 118.

281. При устройствѣ новыхъ улицъ надлежитъ, чтобы онѣ были шириною по крайней мѣрѣ отъ десяти до пятнадцати сажень (а).

Примѣчаніе. При проектированіи плановъ городовъ допускается ширина улицъ и мѣсте десяти сажень, установленныхъ сего статьею 281, но въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ устройствѣ улицъ шириною въ десять сажень потребовалась быспешность или увѣзжизнѣ существующихъ казенныхъ, общественныхъ или частныхъ зданій, или по подвѣржугу отчужденію другихъ какихъ либо имущества значительной цѣнности; во прочихъ сохраняются все прочія правила объ устройствѣ улицъ, постановленныя въ сего Уставѣ (б).

(а) 1817 Дек. 13 (27186) п. 23.—(б) 1854 Июль. 24 (28702).

282. Улицы должны быть планируемы до самыхъ домовъ, дабы имѣть и бугровъ на нихъ не было. Для работъ по сему предмѣту могутъ быть употребляемы арестанты, но городамъ сохранившимся (а), исключая важныхъ уголовныхъ преступниковъ (б).

(а) 1316 Окт. 5 (26150) п. 3.—(б) 1744 Апр. 10 (8616).

283. Для осушенія улицъ надлежитъ по обѣимъ сторонамъ оныхъ прорывать канавки и одѣвать оныя прочнымъ матеріаломъ, какъ то: булыжникомъ, плитою, хорошо обожженнымъ кирпичемъ, или же, въ случаѣ недостатка въ сихъ матеріалахъ, досками, либо плетнемъ. Камнемъ и плитою можно одѣвать канавки по мху, безъ извѣстн.

1805 Март. 14 (21860) к.

284. Канавки устраиваются по покатости улицы такъ, чтобы въ нихъ вода стоять не могла, а сбѣгала. Ширина и глубина канавокъ зависятъ отъ ширины самой улицы отъ мѣстоположенія; такъ, наприимѣръ, въ послѣднемъ случаѣ канавка дѣлается шире и глубже, если прокатывается чрезъ возвышенное мѣсто и, напротивъ, уже и мельче, когда прокатится въ мѣстѣ низменномъ.

Тамъ же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ф-1, оп. 1, д. 2079;

оп. 3, д. 910, 999;

оп. 12, д. 315, 315а, 211, 386, 423, 1406, 1407, 3134, 3273,
3283, д. 3291, 3310, 3328, 6133.

Ф-3, оп. 1, д. 337, 344; оп. 3, д. 128; оп. 14, д. 10, 38, 63;

оп. 15, д. 22; оп. 20, д. 12; оп. 25, д. 16; оп. 27, д. 1, 41;

оп. 31, д. 60; оп. 42, д. 8; оп. 66, д. 34; оп. 72, д. 47;

оп. 197, д. 25, 26; оп. 129, д. 204.

Ф-32, оп. 6, д. 5630

Ф-153, оп. 9, д. 372, 392, 473, 476, 506, 513, 528, 529, 530, д.
669, 693, 710, 716, 722, 733, 737, 743, 744, д. 769, 770, 774, 805,
817, 822, 835, 852, 859, 901;

оп. 22, д. 15; оп. 27, д. 1, 3, 4; оп. 30, д. 1, 42;

оп. 36, д. 922, 925, 1152, 1156, 1576;

оп. 37, д. 17, 71, 72, 74, 89, 91, 150, 199, 201;

оп. 38, д. 350, 353, 723.

Ф-170, оп. 1, д. 75, 76, 77, 78, 79, 88, 90, 92, 93;

оп. 6, д. 6, 10, 117, 192, 614, 1159, 1526, 1535, 1578, 1580,
д. 1839, 1842, 1845, 1846.

Ф-171, оп. 1, д. 1, 644.

Ф-815, оп. 2, д. 1.

Р-4940, оп. 1, д. 5, 7, 11.

Р-4978, оп. 3, д. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алабин П.В. 1877. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. Самара.

2. Алексушин Г.В. 1996. Самарские губернаторы. Самара.

3. Алексушин Г.В. 1999. Во главе Самары. Самара.

4. Басс Н.И. 2000. Музей-квартира народного художника России А.П. Васильева.

5. Годы и события. Хроника. Том 1. Самара, 2000.
6. Гурьянов Е.Ф. 1986. Древние веки Самары. Куйбышев.
7. Договор о постройке водопровода в 1885 году.
8. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Т. 1-4. Самара, 1993.
9. Кандауров С.П., Курятников В.Н. 1996. Малая родина большого города. Самара.
10. Московский О.В. 1999. Летопись жизни и деятельности Петра Алабина. Самара.
11. Леопольдов А. 1860. Исторические заметки о Самарском крае. Самара.
12. О противопожарном водопроводе за 1900 г. и краткий обзор за 15 лет его существования. 1902.
13. Памятные книжки Самарской губернии за 1864 – 1916 годы.
14. Поддубная Р.П. 2001. Мы выполнили долг перед городом. Самарские губернские ведомости, № 1.
15. Полный свод законов Российской империи. Собр. 2-е. С-Пб., т. 16, 1842.
16. Савельев П.И. 1995. Самарский губернатор Константин Карлович Грот. Краеведческие записки. Самара. Вып. 7, стр. 89-100.
17. Савельев П.С. 1994. Пожары. Катастрофы. Москва.
18. Самарский городской хозяйственный противопожарный водопровод. 1887-1888.
19. Свод законов Российской империи. С-Пб, т. 12, ч. 1, 1857.
20. Свод законов Российской империи. С-Пб, т. 12, ч. 1, 1900.
21. Треплев А. 1935. Самара в огне. “Волжская Коммуна”, 15 июня.
22. Фомичева Н.П. 2000. Самарский купец Егор Никитич Аннаев. Самара.
23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ОБРАЩЕНИЯ.

1. ОГОНЬ ГУЛЯЛ ПО ЗЕМЛЕ, КОГДА ЕЩЕ НЕ БЫЛО ЧЕЛОВЕКА

(Пожары на ранних этапах человеческой истории).

2. “БЕРЕЧЬ ОТ ОГНЯ БОГАТСТВА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО...”

(Противопожарные законы и юридические акты в России до начала XX века).

3. “ПЫЛ ПОЖАРА МНЕ НЕ СТРАШЕН, ЦЕЛЫЙ ВЕК Я НА ВОЙНЕ!”

(Жизнь и быт российских пожарных в XIX - начале XX века).

4. “РАДИ СТРАХОВОЙ ПРЕМИИ ПОДЖИГАЛИСЬ ДОМА, МАГАЗИНЫ, СКЛАДЫ...”

(Пожарное добровольчество и страхование от огня в России в XIX – начале XX века).

5. “КРЕМЛЬ И ПАЛИСАД ЗГОРЕЛИ БЕЗ ОСТАТКУ...”

(Пожары в Самарской крепости в XVI – первой половине XVIII веков).

6. “В КАРАУЛЬЩИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАНИМАЕМЫ ЛЮДИ ТРЕЗВЫЕ И ЧЕСТНЫЕ...”

(Нормативные документы о противопожарной профилактике в Самаре в XVIII – начале XX века).

7. “В САМАРЕ ПОВСЮДУ – ОГНЕННОЕ МОРЕ, НИГДЕ НЕ ВИДНО КОНЦА...”

(Пожары в Самаре в конце XVIII - начале XX века).

8. “ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ В САМАРЕ ЕЩЕ СЛИШКОМ ДАЛЕКА ОТ ЖЕЛАЕМОГО СОВЕРШЕНСТВА...”

(Пожарное дело в Самаре до начала XX века).

9. “КАЖДАЯ ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ ДОЛЖНА ИМЕТЬ СВОЙ ОТДЕЛЬНЫЙ ДВОР...”

(Создание отдельных пожарных частей в Самаре, их размещение на территории города, работа и быт пожарных служащих).

10. “ЗА СПАСЕНИЕ НА ПОЖАРЕ ВОЛОСТНОГО ИМУЩЕСТВА... ОБЪЯВИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ”

(Как поощряли отличившихся на пожарах в XIX веке).

11. “КАЗЕННЫЕ ДОМА И ТОРГОВЫЕ ЛАВКИ СТРОИТЬ ТОЛЬКО КАМЕННЫЕ...”

(Противопожарные меры при строительстве в Самаре в XVI – начале XX веков).

12. “...ВОВРЕМЯ ПРИВЕРНУТЬ РУКАВ К ПОЖАРНОМУ КРАНУ...”

(Противопожарное водоснабжение в Самаре в XVIII – начале XX века).

13. “Я ПОДВЕРГСЯ БЫЛО ДОБЫЧЕ ПЛАМЕНИ, НО ПРО-ВИДЕНИЕ СПАСЛО МЕНЯ...”

(Свидетельства жителей Самары XIX века о пожарах и о борьбе с ними).

14. ХРОНИКА ПОЖАРОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.

15. НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ XIX ВЕКА.

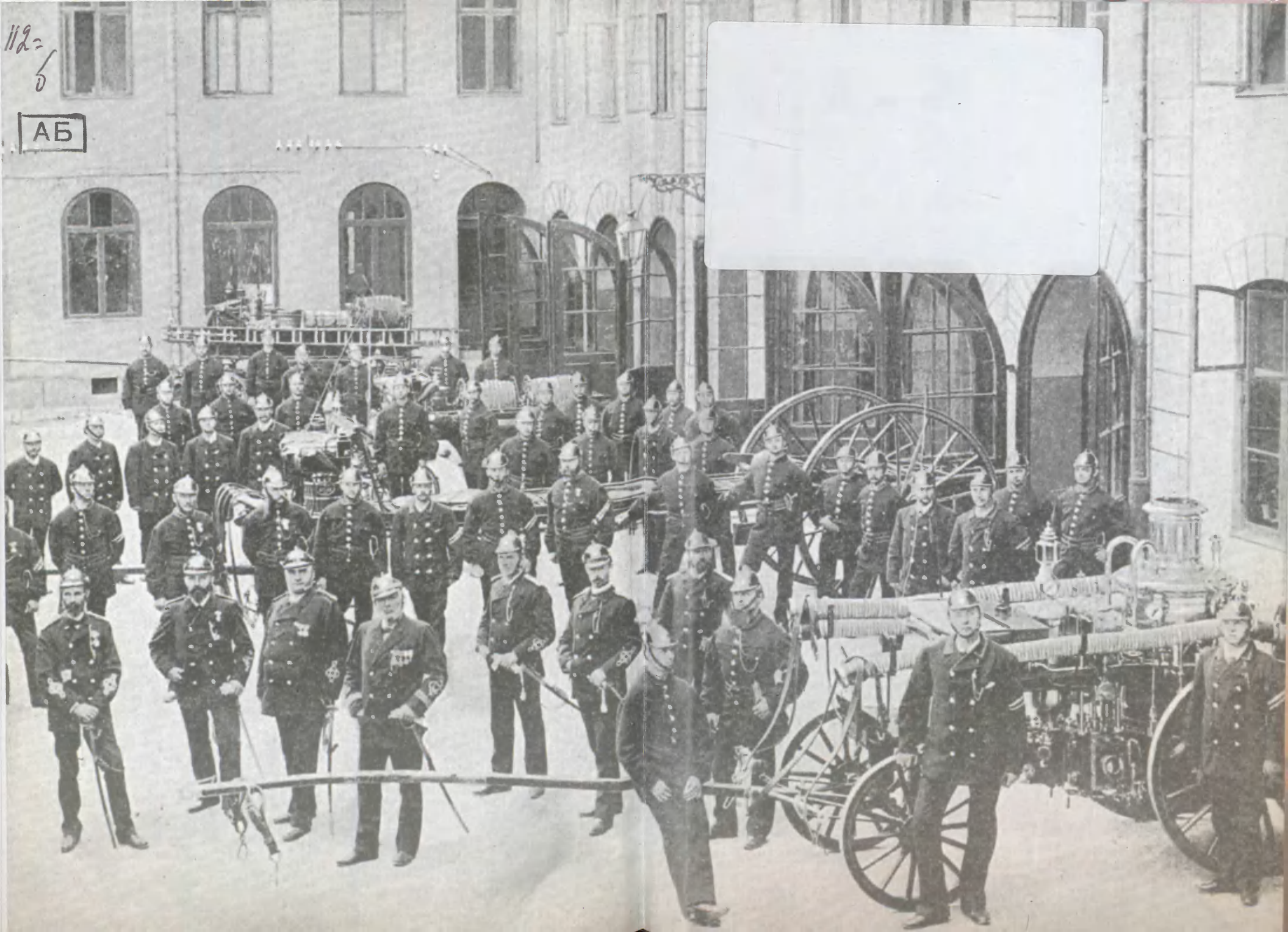

Особую благодарность составители книги выражают сотрудникам Центра управления силами УГПС в лице подполковника внутренней службы Курошина Валерия Евгеньевича, майора внутренней службы Хичева Евгения Михайловича, капитана внутренней службы Черкасова Александра Валентиновича и начальнику 2 ОГПС полковнику внутренней службы Моргунову Владимиру Михайловичу.

Подписано в печать 15.11.2001.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 30. Тираж 3000. Заказ № 4125.

Отпечатано в типографии ООО «Книга»,
Лицензия ПД № 7-0131 от 7.04.2001
443068, г. Самара, ул. Ново-Садовая, 106.
Тел. (8462) 35-35-26. E-mail:slovo@samaramail.ru

112-
6

АБ

